

12+

12/2018

СОЮЗ

ПИСАТЕЛЕЙ

Литературно-художественный журнал

Герой номера Наталья Шарапова

«Пусть новый год принесёт множество радостных моментов, исполнит желания, загаданные под бой курантов, и подарит то самое чудо, о котором каждый так мечтает!»

с. 12

«Профессия журналиста – фантастическая». Интервью с Ириной Тин

с. 17

Языковые особенности поэзии Бориса Красильникова

с. 26

Поэзия • Проза • Публицистика

Редколлегия:

Главный редактор: **Д. А. Суховейко**

Ответственный секретарь: **С. А. Чалый**

Литературный консультант:
член Союза писателей России
И. И. Суховейко (Малкова)

Вёрстка: **С. А. Чалый**
Корректор: **Г. В. Донина**

Литературно-художественный
журнал

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ

№ 12/2018 (96)

Издаётся с 2011 года

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ФС77-44356
от 21 марта 2011 г.

Учредитель и издатель:
Индивидуальный предприниматель
Суховейко Денис Александрович

Адрес редакции:
654063, Россия, Кемеровская область,
г. Новокузнецк, ул. Рудокопровая, 30, корп. 4.

Адрес издателя:
653033, Кемеровская область,
г. Прокопьевск, ул. Яворского, 24-44

Для писем:
654079, Россия, Кемеровская область,
г. Новокузнецк, а/я 170.

Тел: 8-800-301-2620

E-mail: sp@izdat-kniga.ru

journalsp.ru
vk.com/journal_sp
knigi-market.ru

Все произведения и материалы, опубликованные в журнале, охраняются законодательством РФ об авторских и смежных правах. Воспроизведение публикаций журнала в каком-либо виде без письменного согласия редакции не допускается. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. За достоверность фактов несут ответственность авторы опубликованных материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Редакция оставляет за собой право на литературную правку рукописей, не вступая в переписку с авторами. Рукописи, присланные в редакцию, не рецензируются и не возвращаются.

Отпечатано в типографии издательства
«Союз писателей»,
Россия, Кемеровская обл.,
г. Новокузнецк, ул. Рудокопровая, 30/4.
Подписано в печать 13.12.2018
Журнал вышел в свет 20.12.2018
Формат 60x841/8. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура «Times New Roman».
122 стр. Тираж 3000 экз.
Цена договорная.

Содержание номера

Итоги года уходящего, мечты
на год грядущий 3

Литературный календарь

Литературный календарь..... 5
Литературные события 9
Литературные конкурсы 9

Герой номера

Сказочники среди нас. Интервью
с Натальей Шараповой 12

Обзор книжных новинок

Из прошлого в будущее с героями
книги Ильи Бахмутского 16

Гоголевский вестник

«Профессия журналиста – фантастическая».
Интервью с Ириной Тин..... 17

Психология творчества с Ларисой Агафоновой

Как правильно подвести итоги и
поставить цели под бой курантов..... 20

Рецензии и критика

Концепт «любовь» в сказках-притчах
Э. Ахадова «Чудо в перьях»..... 22
Поэтика произведения
А. Млынаша «Страна Ясами»..... 24
Языковые особенности поэзии
Бориса Красильников (на материале
сборника стихотворений
«Пёстрая лента»)..... 26

Тема номера	
Анна Васильева	
<i>Праздник для всех</i>	29
Евгений Волков (Чертополохоцвет)	
<i>Стихотворения</i>	32
Виктория Данилова	
<i>Одиночество – сволочь</i>	34
Людмила Денисова	
<i>Стихотворения</i>	38
Валерий Лепов	
<i>Стихотворения</i>	42
Наталья Колотилина	
<i>Стихотворения</i>	44
Ольга Митькина	
<i>Стихотворения</i>	45

Поэзия

Инна Андрианова.....	46
Сергей Анохин	47
Олег Афанасьев.....	48
Альфред Бодров	49
Наталья Дёмина.....	50
Николай Ивлеев	53
Андрей Ивонин	55
Владимир Крек.....	58
Анатолий Обьедков.....	59
Лев Пряхин	61
Анна Скворцова	72
Ольга Солодовникова	73
Владимир Черноусов	74

Проза и публицистика

Лариса Агафонова	
<i>Снежка</i>	75
Наталья Дёмина	
<i>Ностальгия</i>	79
Алексей Жарёнов	
<i>Бабушкин рассказ</i>	81

Евгений Косенков	
<i>Призраки нашего рода</i>	84
Мария Нестеренко	
<i>Работа делает свободным. Глава 1</i>	89
Анатолий Обьедков	
<i>Рассказы о птицах</i>	95
Екатерина Русина	
<i>Душа в чемодане</i>	100

Комната отдыха

Анатолий Градницын	
<i>Берегитесь женщин и коньяка!</i>	106
Сергей Тулупов	
<i>О штанах и рублях, о бывших и нищих</i>	108

Цветные зонтики

Светлана Панкова	
<i>Стихотворения</i>	111
Наталья Шарапова	
<i>Стихотворения</i>	112

Детский клуб

«Озарёнок»

Награждение участников II Международного конкурса-фестиваля художников, писателей и журналистов «Образ Крыма».....	118
Третий литературный семинар молодых авторов на V всероссийских Беловских чтениях «Белов. Вологда. Россия».....	119
Пятые юбилейные Беловские чтения торжественно открылись в Вологде	120
Посвящение писателю Василию Белову.....	120
«Играй, гармонь» в «Новом Источнике»	121

Итоги года уходящего, мечты на год грядущий

Мы ждали этого целый год! Мы мечтали о чуде, когда на дворе свирепствовали метели. Мы грезили о волшебстве, когда первое весеннее солнышко озарило небосвод и из-под мёрзлой земли стали проклёвываться нежные головки подснежников. Мы хотели большого праздника, когда летний зной врывается в квартиры через приоткрытые окна. Мы начали продумывать, как встретим его, Новый 2019-й, как только золотые и багряные листья пустились в пляс по воле северных ветров. И вот свершилось! Наступил долгожданный декабрь. Совсем скоро куранты на Спасской башне возвестят о начале нового года. Каким он станет, мы пока не можем даже предположить. Но уже сегодня пора подводить итоги года минувшего и загадывать желания – столько, сколько позволит фантазия! А идеи для вдохновения можно почерпнуть в литературных произведениях, опубликованных в декабрьском номере журнала «Союз писателей».

Открывает номер «Литературный календарь». Зимние каникулы не повод откладывать свои планы в долгий ящик. Множество конкурсов и премий завершают набор заявок под занавес старого и в самом начале нового года.

Героем номера стала детская писательница **Наталья Шарапова**, из-под пера которой вышли чудесные книги для детей: «Сказочная страна Шарапуния», «В зоопарке», «12 месяцев», «Фантазёры», «Эхо», «Прививка безопасности». На страницах вас ждёт интервью, приуроченное к выходу новой книги автора – «Приключе-

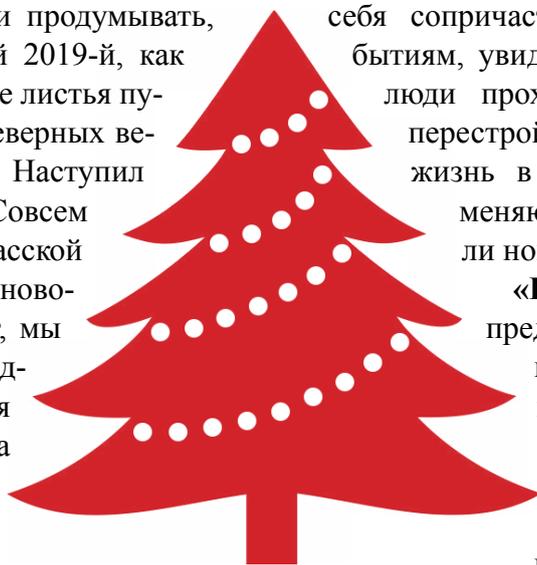
ния в стране сказок», из которой, помимо всего прочего, вы узнаете, как рождается волшебство.

«Обзор книжных новинок» перенесёт читателя в конец двадцатого столетия. Сборник рассказов и повестей Ильи Бахмутского «Переплетение жизненных дорог» даёт уникальную возможность почувствовать себя сопричастным историческим событиям, увидеть, как самые обычные люди проходили через трудности перестройки, заново строили свою жизнь в условиях стремительно меняющейся реальности, искали новые идеалы.

«Гоголевский вестник» предлагает желающим открыть для себя новые грани профессии журналиста и послушать непридуманный рассказ о жизни по ту сторону камеры от человека, посвятившего свою жизнь этой непростой работе. В статье «Профессия журналиста – фантастическая» представлено интервью с Ириной Тин – коренной новокузнецанкой, тележурналистом, продюсером, автором документальных кинолент.

В рубрике «Психология творчества с **Ларисой Агафоновой**» писательница и психолог с большим опытом даёт актуальные советы писателям. В этом номере мы выясним, «Как правильно подвести итоги и поставить цели под бой курантов».

Филолог Любовь Калинина порадует самого искушённого читателя рецензиями на творчество современных авторов. Она подготовила три обстоятельные статьи: «Концепт “любовь” в сказках-притчах Э. Ахадова “Чудо в перьях”», «Поэтика произведения

А. Млынаша «Страна Ясами»» и «Языковые особенности поэзии Бориса Красильникова (на материале сборника стихотворений «Пёстрая лента»)».

Тема декабрьского номера «СП» новогодняя и сказочно-зимняя. Стихотворения, посвящённые праздникам и этому чудесному времени года, предложили вниманию широкой публики поэты Евгений Волков, Людмила Денисова, Валерий Лепов, Наталия Колотилина и Ольга Митькина. А атмосферные рассказы в новогоднем антураже написали Анна Васильева и Виктория Данилова.

Раздел «Поэзия» подготовил немало сюрпризов. Свои лучшие стихотворения здесь опубликовали талантливые авторы, готовые откровенно говорить с миром на разные темы. Среди них Инна Андрианова, Сергей Анохин, Олег Афанасьев, Альфред Бодров, Наталья Дёмина, Николай Ивлеев, Андрей Ивонин, Владимир Крек, Анатолий Обьедков, Лев Пряхин, Анна Скворцова, Ольга Солодовникова и Владимир Черноусов. А «Проза и публицистика» включает в себя увлекательные истории Ларисы

Агафоновой, Натальи Дёминой, Алексея Жарёнова, Евгении Косенковой, Марии Нестеренко и Анатолия Обьедкова.

После насыщенной прозы самое время немного расслабиться. Рекомендуем заглянуть в «Комнату отдыха» и зачитаться ироничными стихами Анатолия Градницына и лёгким рассказом Сергея Тулупова.

Детские писатели тоже не остались в стороне и позаботились о новогоднем подарке для книголюбов. Произведения Светланы Панковой и Натальи Шараповой, расположившиеся под «Цветными зонтиками», оставят исключительно позитивные впечатления и приятное послевкусие.

Завершают декабрьский выпуск журнала «Союз писателей» новости из Международного детского литературного клуба «Озарёнок». Речь на страницах пойдёт о жизни юных талантов и их наставников, а также о достижениях клуба под конец года.

Желаем вам приятных мгновений в компании талантливых авторов современности, моря ярких эмоций и самого светлого 2019 года!

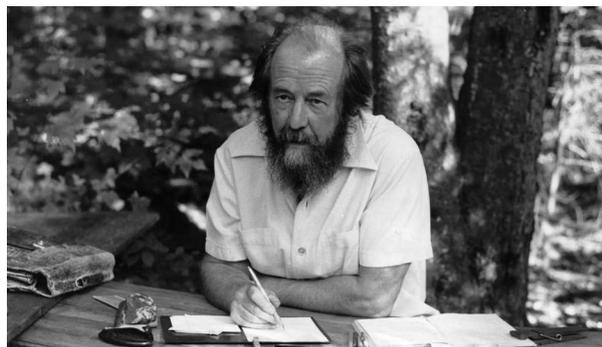

**График выхода • Читательская и авторская подписка • Приём рукописей
Каталог выпущенных номеров • Поиск публикаций**

Литературный календарь

10 декабря – 480 лет назад родился итальянский поэт и дипломат **Баттиста Гуарини** (1538–1612). До наших дней дошло большое количество стихотворений автора, его пьесы и письма. Наиболее популярны среди работ Гуарини комедия «Большая водянка», драматическая пастораль «Верный пастух» и пьеса, пользовавшаяся успехом среди буржуазии, «Пасторальная комедия».

90 лет назад родился словацкий писатель и переводчик **Милан Руфус** (1928–2009). По образованию филолог. Преподавал в Неапольском университете. Мировую славу снискал своими книгами для детей, а также переводами известных русских классиков – Есенина, Лермонтова и других.

11 декабря – 100 лет назад в Кисловодске родился русский писатель, публицист и поэт, лауреат Нобелевской премии по литературе 1970 года **Александр Исаевич Солженицын** (1918–2008). Свой первый рассказ – «Щ-854» (позднее опубликованный под названием «Один день Ивана Денисовича») – Солженицын написал в 1958 году. В нём поднималась тема жизни русского заключённого. Последующий год стал плодотворным для писателя. Александр Исаевич создал ряд рассказов, среди которых «Не стоит село без праведника» и «Правая кисть», первые «Крохотки», а также пьеса «Свет, который в тебе» («Свеча на ветру»). Однако невозможность опубликовать свои творения пагубно сказалась на душевном

состоянии автора. Он столкнулся с настоящим творческим кризисом, который, к счастью, удалось преодолеть.

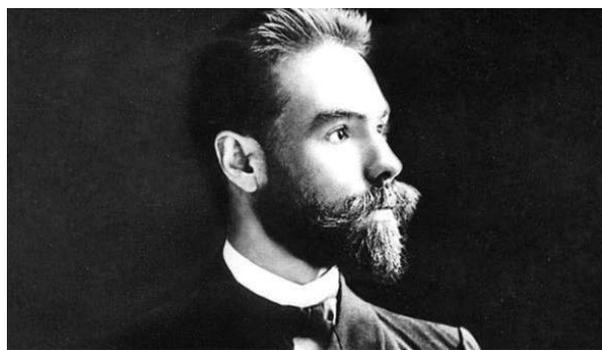
В 1961 году дела писателя пошли в гору. Солженицын посетил выступление Александра Твардовского, который в тот момент был редактором журнала «Новый мир». Александр Исаевич рискнул предложить ему свой первый рассказ, заранее позаботившись о том, чтобы удалить наиболее острые и противоречащие принятой цензуре фрагменты текста. И это возымело успех. Творчество Солженицына было оценено очень высоко, а сам писатель получил приглашение в Москву. В публикации спорного произведения помогло влияние Хрущёва, который сумел преодолеть сопротивление со стороны членов Политбюро. За первой публикацией последовали другие. Работы Солженицына нашли отклик во многих сердцах и получили огромное количество отзывов от читателей, в том числе от тех, кто провёл годы в заточении. Это положило начало написанию самого известного произведения автора «Архипелаг ГУЛАГ».

65 лет исполняется поэту и музыканту **Андрею Вадимовичу Макаревичу** (1953), лидеру группы «Машина времени». Играть на гитаре и сочинять стихи музыкант начал ещё в школе. А в 1966 году, после знакомства с песнями легендарных Битлов, окончательно влюбился в музыку. По словам Макаревича, именно это увлечение определило всю его дальнейшую жизнь.

12 декабря – 190 лет назад в киргизском селе Шекер родился писатель **Чингиз Айтматов** (1928–2008). Самые известные произведения автора – «Пегий пёс, бегущий краем моря», «И дольше века длится день», «Тавро Кассандры», «Белое облако Чингисхана». Творчество Чингиза Айтматова было высоко оценено экспертами. Он стал лауреатом Ленинской (1963) и трёх Государственных премий СССР (1968, 1977, 1983).

На протяжении нескольких лет писатель был главным редактором журнала «Иностранная литература» (1988–1990).

80 лет назад в деревне Верхний Кунакбай Оренбургской области родился башкирский поэт, литературовед и общественный деятель **Равиль Тухватович Бикбаев** (1938). Является одним из авторов гимна Республики Башкортостан. Первая публикация датируется 1964 годом, когда в уфимском издательстве был опубликован сборник «Степные горизонты» со стихами и поэмой автора.

13 декабря – 145 лет назад в Москве родился русский и советский поэт, прозаик, драматург, переводчик, литературовед, литературный критик и историк **Валерий Яковлевич Брюсов** (1873–1924). Является одним из основоположников русского символизма. Связать свою жизнь с поэзией Брюсов хотел ещё в детстве и в возрасте тринадцати лет не сомневался в том, каким станет его будущее. Первые известные рассказы были написаны автором в 1881 году, но, несмотря на масштабные мечты Брюсова и увлечение творчеством маститых писателей, они оставляли желать лучшего. В девяностых Валерий Яковлевич стал поклонником французских символистов, особенно выделяя Бодлера, Верлена, Малларме. Сохранилось письмо молодого человека Верлену, в котором он признаётся, что видит своё предназначение в том, чтобы распространять символизм в России. Французским поэтам посвящены опубликованные статьи писателя, которые он создал в конце девятнадцатого века. В период с 1894 по 1895 год Брюсов опубликовал три сборника, в которых появилось множество его

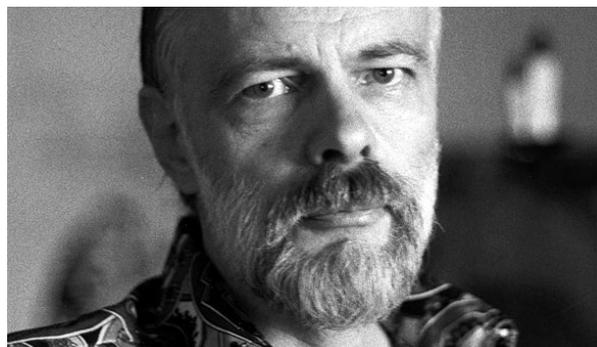
новых творений. Они носили общее название «Русские символисты».

125 лет назад родился украинский писатель **Микола Хвильевой** (1893–1933) (настоящее имя – Николай Григорьевич Фитилёв). Среди популярных произведений автора роман «Вальдшнепы», заметки «Украина или Малороссия?» и другие.

15 декабря – 220 лет назад в Арrezzo родился итальянский поэт, участник освободительного движения 1830-х и 1840-х гг., писавший юмористические стихотворения на политические темы **Антонио Гуаданьоли** (1798–1858).

100 лет назад в Киеве родился советский писатель-фантаст **Север Феликсович Гансовский** (1918–1990). Имя автора прославили произведения «Человек, который сделал Балтийское море», «Демон истории» и другие. Гансовский является лауреатом литературной премии в области фантастики «Аэлита» 1989 года.

45 лет исполняется лауреату Астафьевской премии, русскому писателю-фантасту **Ивану Ситникову** (1973). Самые известные произведения автора – «Мустанги ходят парами», «Житие архангела».

16 декабря – 90 лет назад в Чикаго родился американский писатель-фантаст **Филип Киндред Дик** (1928–1982), автор книг «Убик», «Солнечная лотерея», «Человек в высоком замке», «Исповедь недоумка», «Прозывая на клочке земли» и других. В 1963 стал лауреатом премии «Хьюго» в категории «Роман» за «Человек в высоком замке» (англ. «The Man in the High Castle», 1962), а в 1967 году получил премию Британской ассоциации научной фантастики в категории «Роман» за «Три стигмата Пал-

мера Элдрича» (англ. «The Three Stigmata of Palmer Eldritch», 1965). Произведения Филипа К. Дика неоднократно экранизировались, причём некоторые из снятых фильмов в настоящее время считаются классикой кинофантастики. К примеру, по мотивам книги автора «Мечтают ли андроиды об электроовцах?» выпущены фильмы «Бегущий по лезвию» (1982) и «Бегущий по лезвию 2049» (2017).

17 декабря – 115 лет назад в городке Уайт-Оук (штат Джорджия) родился американский прозаик, представитель реалистического направления в литературе **Эрскин Колдуэлл** (1903–1987). Первая публикация состоялась в 1931 году, когда свет увидел сборник новелл «Американская земля».

20 декабря – 145 лет назад родился турецкий поэт **Мехмет Акиф Эрсой** (1873–1936), автор слов государственного гимна Турции.

24 декабря – 220 лет назад родился поэт, политический публицист, деятель польского национального движения **Адам Мицкевич** (1798–1855). Автор оказал огромное влияние на развитие и становление польской и белорусской поэзии. В Польше причислен к трём величайшим поэтам, жившим в эпоху романтизма. Первое стихотворение автора было опубликовано в 1818 году и называлось «Городская зима».

200 лет назад в Уимблдоне родилась английская поэтесса **Элиза Кук** (1818–1898). Первый сборник стихов автора увидел свет в 1835 году и назывался «Lays of a Wild Harp».

95 лет назад родился русский писатель **Юрий Данилович Гончаров** (1923–2013). Писал в жанрах военной и деревенской прозы. Среди наиболее известных произведений «Дезертир», «Нужный человек», «Большой марш».

25 декабря – 205 лет назад родился немецкий поэт **Фридрих Христиан Вебер** (1813–1894). Занимался переводом стихотворений Теннисона. Напечатал большую эпическую поэму «Dreizehn Linden» (1849), изображающую борьбу христианства с язычеством.

80 лет назад родился советский и российский писатель-сатирик, драматург и сценарист, народный артист Российской Федерации (1998) и лауреат Государственной премии СССР (1985) **Аркадий Иосифович Хайт** (1938–2000). Прославился как автор сценариев к популярным советским мультикам «Ну, погоди!» и «Приключения кота Леопольда». Создатель программы «Радионяня». Написал эстрадные миниатюры, с которыми выступали многие известные юмористы, в частности Райкин, Хазанов и другие. Последние годы жизни провёл в Германии.

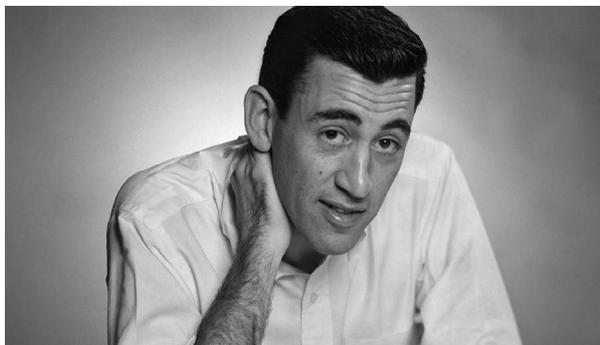
1 января – 305 лет назад в Лаздинелене родился литовский поэт, лютеранский пастор **Кристионас Донелайтис** (1714–1780). Самое популярное произведение автора – «Времена года». Донелайтис считается родоначальником литовской художественной литературы.

200 лет назад родился английский поэт **Артур Хью Клаф** (1819–1861). Самая популярная работа автора – поэма «Bothie of Tober-na-Vuolich», написанная в 1848 году.

140 лет назад в Лондоне родился английский романист и эссеист **Эдвард Морган Форстер** (1879–1970). Главная тема его творчества – способность людей из разных социальных классов понять и принять друг друга. На счету автора романы, повести и эссе. Первое произведение было опубликовано в 1905 году. Это был роман «Куда боятся ступить ангелы». Кроме того, известность обрели книги автора «Поездка в Индию», «Морис» и другие.

100 лет назад в Нью-Йорке родился американский писатель **Джером Дэвид Сэлинджер** (1919–2010). Имя автора про-

славил роман «Над пропастью во ржи». Печатался Селинджер в легендарном «The New Yorker». Во второй половине сороковых годов прошлого века и в пятидесятые он обрёл признание. Его работы полюбили и читателю, и издателям.

«Над пропастью во ржи» далеко не единственное достойное внимания произведение писателя. В его копилке истории «Девчонка без попки в проклятом сорок первом», «Грустный мотив», «Хорошо ловится рыбка-бананка», «Тедди», «Фрэнни и Зуи» и другие. Последнее опубликованное произведение автора вышло в 1965 году и называлось «16 Хэпворта 1924 года».

100 лет назад в селе Волынь Курской губернии родился российский писатель, киносценарист, общественный деятель **Даниил Александрович Гранин** (1919–2017). Является лауреатом Государственной премии СССР (1976), Государственной премии РФ (2001, 2016), премии Президента РФ (1998) и премии Правительства РФ (2014). Среди наиболее известных работ автора романы «Искатели» (1954), «Иду на грозу» (1962), «После свадьбы» (1958).

2 января – 80 лет назад родился украинский поэт **Анатолий Павлович Бахута** (1939–1990). Творческий путь начался в 1959 году. Тогда произведения автора стали появляться в журналах «Перець», «Дніпро», «Україна», «Ранок», в газете «Молодь України», читались по радио и телевидению. Участвовал в создании авторских и коллективных сборников стихов. В 1991 году Анатолию Павловичу посмертно было присвоено звание лауреата международной литературной премии им. Алексея Крученых.

3 января – 375 лет назад родился русский поэт и переводчик **Ипполит Фёдорович Богданович** (1744–1803). Наибольшее историко-литературное значение среди произведений автора имеет вольная повесть в стихах «Душенька» – вольное переложение романа Лафонтена «Любовь Психеи и Купидона».

4 января – 210 лет назад родился французский тифлопедагог **Луи Брайль** (1808–1852), автор того самого шрифта Брайля, используемого по сей день во всём мире. Рельефно-точечный шрифт для незрячих и слабовидящих людей Луи изобрёл в 15 лет.

5 января – 100 лет назад в Ереване родилась армянская поэтесса **Сильва Барунаковна Капутикян** (1919–2006). Автор более 60 книг на армянском и русском языках, также переведённых на многие языки мира. В стихах С. Капутикян чаще всего фигурируют темы любви, женского одиночества, патриотизма и самопожертвования.

7 января – 120 лет назад родился советский поэт **Степан Петрович Щипачёв** (1899–1980). Лауреат двух Сталинских премий (1949 – второй степени, сборник «Стихотворения»; 1951 – первой степени, поэма «Павлик Морозов»). Выпустил более двадцати поэтических сборников. Наиболее известен своей гражданской лирикой.

8 января – 195 лет назад родился английский писатель и драматург **Уильям Уилки Коллинз** (1824–1889). Примечательно, что первый роман автора, «Иолани, или Таити, как это было» (1843), был отвергнут издателем и увидел свет только спустя 110 лет после смерти автора, в 1999-м. Первый выпущенный в тираж роман автора – «Антонина» (1850). Уильям Коллинз был близко знаком с Чарльзом Диккенсом, они создали несколько совместных пьес.

15 января – 115 лет назад родился литовский поэт **Теофилис Юстинович Тильвитис** (1904–1969). Первая изданная книга автора – сборник литературных пародий «Три гренадёра» (1926). Перу Тильвитиса принадлежат роман «Путешествие вокруг стола», сборник сатирических стихов «Дом мой родной» и многие другие книги.

Литературные события

15 декабря – День памяти журналистов, погибших при исполнении профессиональных обязанностей. Отмечается с 1991 года по инициативе Союза журналистов России, чтобы напомнить, какой вклад в развитие общества вносят представители одной из самых опасных профессий современности.

27 декабря – 65 лет назад (1953) был опубликован первый рассказ Станислава Лема из цикла «Звёздные дневники Ийона Тихого».

28 декабря – 45 лет назад (1973) состоялась публикация романа-исследования А. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ».

1 января – в этот день на Руси чтили память Ильи Муромца, былинного богатыря, которого считали избавителем Киева от татарского Калин-царя. Считается, что прототипом былинного богатыря был преподобный Илия Печерский, живший во времена Владимира Мономаха.

4 января – 525 лет назад в Цетине (Черногория) был издан свод православных песнопений «Осмогласник» – первая книга в южнославянских государствах, напечатанная кириллицей (1494).

11 января – Всемирный день «спасибо». Праздник учреждён ООН и ЮНЕСКО. Его цель – напомнить современным людям о том, как важна вежливость. Волшебное слово вспоминают в начале января во многих странах мира, однако носит оно разные названия.

13 января – День российской печати. Праздник учреждён в 1991 году и приурочен к началу издания первой российской печатной газеты «Ведомости» по велению Петра I. Это произошло 13 января 1703 года.

14 января – 205 лет назад (1814) в Петербурге открылась Императорская публичная библиотека (ныне – Российская национальная библиотека). В 1932 году библиотеке присвоено имя М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Литературные конкурсы

Поэтический конкурс «Японская поэзия русской души»

Актуально до **30 декабря**

Участникам конкурса предлагается озвучить в стихах картины в технике монохромной живописи известных японских художников XVII–XIX веков (Хасэгава Тохакү, Кано Доун, Окумура Масанобу, Икэно Тайга и др.). От авторов не требуется слепого подражания японской поэзии; предполагается облечь простоту и противоречивость загадочной русской души в таинственную оболочку древнеяпонских поэтических форм (в дву-, трёх- и пятистишиях).

Принимаются работы авторов в возрасте от 14 лет, независимо от их места жительства.

По итогам конкурса будет выпущен сборник с произведениями победителя и лауреатов. Предполагаемый тираж – 1000 экз.

Подробнее: vk.com/wall458288658_58

Всероссийский конкурс переводов «Читающий Петербург 2018»

Актуально до **24 декабря**

Конкурс проводится среди непрофессиональных переводчиков в возрасте от 16 лет. Принимаются переводы на русский язык одного или нескольких предложенных организаторами текстов. Все отрывки взяты из произведений, представленных в проекте «Читающий Петербург» в 2018 году в номинации «Лучший зарубежный писатель, произведения которого не изданы в переводе на русский язык».

Критерии оценивания: стилистическая грамотность перевода; сохранение семантической структуры произведения; разнообразие переводческих приёмов; стиль и художественная насыщенность перевода, наличие художественно-выразительных средств; отсутствие грамматических, стилистических, лексических и прочих ошибок.

Победители будут награждены почётными дипломами и ценными призами. Их работы будут опубликованы в конкурсном сборнике, подготовленном издательским центром ЦГПБ им. В. В. Маяковского.

Подробнее: pl.spb.ru/news/?ELEMENT_ID=14684

Национальная литературная премия «Русский поэт»

Актуально до **27 декабря**

К участию приглашаются граждане Российской Федерации или лица, постоянно проживающие на территории РФ, в возрасте от 16 до 35 лет на момент подачи работы. От автора принимается три стихотворения свободной тематики, общим объёмом до 100 строк.

Награды:

1-е место – премия 100 тыс. руб. или 200 авторских сборников.

2-е место – премия 50 тыс. руб. или 100 авторских сборников.

3-е место – премия 20 тыс. руб. или 50 авторских сборников.

Лауреаты и финалисты конкурса получают почётные дипломы и памятные призы.

Подробнее: vk.com/russianpoetpremium2018

Литературная премия «Антоновка. 40+»

Актуально до **10 января**

Премия учреждена в память поэта, прозаика, драматурга и критика Алексея Константиновича Антонова, преподавателя Литературного института им. А. М. Горького. К участию приглашаются авторы старше 40 лет, пишущие на русском языке, вне зависимости от гражданства, страны проживания и национальной принадлежности.

Принимаются произведения, носящие гуманистический характер, написанные в лучших традициях русской литературы, не несущие ярко выраженной политической конъюнктуры и не нарушающие законодательство РФ.

Номинации:

– «Поэзия»: подборка стихотворений или поэма объёмом не более 350 строк;

– «Проза»: рассказ(-ы) или короткая повесть объёмом не более двух авторских листов (до 80 тыс. знаков с пробелами);

– «Драматургия»: пьесы, в том числе в стихах, не более двух произведений;

– «Литературная критика»: рецензия, обзорная статья, проблемная статья, эссе по творчеству автора или современному литературному процессу; одно произведение или подборка объёмом не более одного авторского листа (до 40 тыс. знаков с пробелами).

Лауреаты награждаются дипломом и символом премии – бюст А. К. Антонова. Призовой фонд определяется спонсорами конкурса.

Подробнее: antonovka.belkin-lit.ru/o-npemu

Литературный конкурс «ЛитоДрама-2019»

Актуально до 10 января

К участию приглашаются авторы, пишущие на русском языке, независимо от возраста и места проживания. Рассматриваются пьесы, написанные не ранее 1 июня 2016 года. От одного автора на конкурс может быть принято не более трёх работ.

Номинации:

- «Пьеса» (свободная тема; объём – до 70 страниц шрифтом Times New Roman 12-го кегля);
- «Современное пространство» (события пьесы должны происходить в конкретных современных реалиях; объём – до 70 страниц);
- «Фантастическая пьеса» (фантастические, мистические сюжеты; до 50 страниц);
- «Пьеса для детей и подростков» (до 50 страниц);
- «Прозаический театр» (монолог, до 10 страниц);
- «Пьеса без действия» (до 50 страниц);
- «Пьеса для Насти» (пьесы с симпатичной активной девушкой на ведущей роли; до 70 страниц);
- «Казанская история» (пьеса о Казани в любом стиле; до 70 страниц).

Лучшие пьесы будут опубликованы в журнале «Современная драматургия» и в Театральной библиотеке Сергея Ефимова, а также попадут в сборник «ЛитоДрамы» по итогам конкурса.

Подробнее: dramsib.ru/2018/07/31/2018-07-31

Литературный конкурс «Памяти создателя азбуки»

Актуально до 14 января

Конкурс объявлен к 1150-летию успения святого Кирилла, одного из братьев создателей современной славянской азбуки.

Рассматриваются произведения прозы и поэзии малой формы на темы, связанные со славянской словесностью, в частности: «Создатели азбуки», «Славянская азбука», «Значение создания славянской азбуки», «Мы и слово», «Мы пишем на кириллице».

Победители конкурса будут награждены дипломами и ценными подарками. Их произведения будут опубликованы в печатных изданиях Международного союза писателей им. св. Кирилла и Мефодия. Финалисты получат специальные дипломы.

Подробнее: pisateli-za-dobro.com/articles/206-konkurs-pamjati-svjatogo-kirilla.html

Сказочники среди нас

Интервью с Натальей Шараповой

Чудес не бывает? Это заблуждение, которое давно стало религией взрослых. Погрязнув в проблемах, они отказываются замечать, что есть нечто большее, нежели обычная повседневность с её тяготами и трудностями. Но это взрослые. Мир ребёнка отличается от мира мам и пап, бабушек и дедушек. В нём живёт мечта. В нём балом правит богатая фантазия.

Хорошие книги позволяют человеку бережно и аккуратно знакомиться с действительностью и в то же самое время поддерживают его в убеждении, что жизнь прекрасна и полна чудес. Они здесь, совсем рядом. Нужно лишь протянуть руку и коснуться чего-то невероятного, удивительно-го, ошеломляющего. Или, кто знает, может быть, именно маленький читатель сам совершит какое-нибудь чудо.

Одним из писателей, дающих шанс детям как можно дольше оставаться детьми, стимулирующих их воображение, помогающих быть креативными, весёлыми, жизнерадостными и очень-очень счастливыми, является **Наталья Шарапова**. Она пишет сказки, которые объясняют что к чему, проводят черту между хорошим и плохим, учат правильно себя вести и смотреть на вещи исключительно с позитивом. Из-под пера автора вышли сборники стихов «Сказочная страна Шарпуния», «В зоопарке», «12 месяцев», «Фантазёры», «Эхо», «Прививка безопасности». Произведения писательницы также появлялись в коллективных сборниках. Наталья неоднократно принимала участие в ежегодном конкурсе «Новые сказки», проводимым издательством «Союз писателей» среди детских писателей, и выходила в финал. По-

следняя на данный момент работа Натальи Шараповой носит название «Приключения в стране сказок». Книга манит в неведомые дали, где Баба-яга может оказаться доброй,

чудеса случаются в каждой строчке, а милые герои наделены смекалкой. Там нет границ между мечтой и реальностью, а сны обязательно становятся явью.

– Здравствуйте, Наталья! Какие эмоции Вы испытываете в связи с выходом книги? Что значит для автора увидеть свои произведения напечатанными?

– Здравствуйте, Екатерина! Выход новой книги – это всегда и радостное и волнительное событие. Для меня это как рождение ребёнка! Сначала, сгорая от нетерпения, жду: когда же можно будет уже увидеть это творение, взять в руки, погладить, полистать. Но когда книга уже в руках, начинаю переживать: а вдруг что-то не получилось? А понравится ли она? И радуюсь каждому читателю.

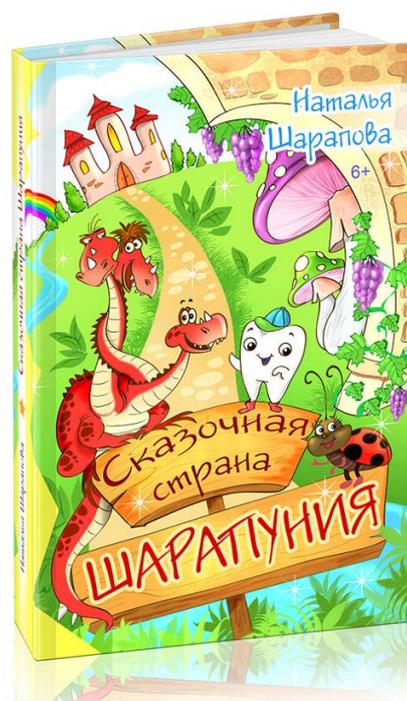
– Как рождаются Ваши сказки? Что вдохновляет на их написание?

– Сюжеты для сказок мне подсказывают дети или какие-то события. Например, сказку «Как от Тимы и Никушки убежали все игрушки» я написала, увидев, с какой неохотой мои внуки Тимошка и Ника убирают за собой игрушки; «Сказка про храбрых братьев» появилась тоже неслучайно. Как смерч поднимает столб воды, мы с детьми наблюдали по дороге к морю. А сказку «Как Баба-яга поселилась в деревне» мы сочиняли вместе со старшим внуком, коротая время в дороге.

– Опишите Вашу рабочую обстановку. Не секрет, что у многих знаменитых авторов были определённые ритуалы, позволявшие им настроиться на творческий лад. Например, Владимир Набоков писал стоя, сперва делая наброски своих мыслей на карточках, а Трумен Капотэ, наоборот, мог сконцентрироваться только лёжа на диване. Сомерсет Моэм читал «Кандидата» Вольтера, а Фридрих Шиллер не мог работать, если в его столе не лежали гнилые яблоки. Джоан Роулинг писала исключительно в кафе, а Чарльз Диккенс и вовсе перед тем, как взяться за перо, наведывался в морг. Есть ли ка-

кие-то особые ритуалы, которые Вы неизменно соблюдаете в процессе творчества или перед тем, как начать писать?

– Никаких особых ритуалов у меня нет. Услышав или увидев что-нибудь интересное, что меня «зацепило» и может стать сюжетом для сказки, я обычно стараюсь сделать пометки в блокноте, просто, чтобы не забыть. А когда уже берусь за эту тему, тщательно продумать всю сказку мне помогает быстрая ходьба вдоль берега моря, почему-то на вечерних прогулках очень хорошо думается. Ну а когда сюжет сказки сложился, тогда уже хочется как можно скорее сесть за компьютер, и пока сказка не появится в первом написании на страничках, оторваться уже не могу. А потом идёт долгая работа над текстом, рифмой. Причём в первом прочтении обычно мне

Книга в каталоге
knigi-market.ru/2417

всё нравится и кажется, что и поправить-то нечего. Но после третьего, четвертого прочтения уже всё не так: там слово неточное, тут – не нравится. Вот тогда работа начинается по-настоящему «кипеть», и сказка на глазах «оживает».

– **Знаком ли Вам творческий кризис? И если да, как справлялись с этим состоянием?**

– Нет, что такое творческий кризис, мне неизвестно. У меня бывают перерывы, когда я подолгу не пишу в силу каких-то обстоятельств, например, летом, когда собираются все дети и внуки и сочинять сказки времени просто нет. Но зато в это время я слышу от детей множество интересных выражений, рассуждений, вижу, как они себя ведут в той или иной ситуации. Всё это я записываю в свой блокнотик, с которым в этот период не расстаюсь. А когда все мои герои разъезжаются по домам, достаю свои записи и пометки и превращаю их в сказки или стихи.

– **Сразу ли Вы решили опубликоваться, когда начали писать? Что послужило толчком, заставившим Вас явить творчество людям?**

– Первым об издании книги заговорил мой сын, когда поднакопилось достаточно большое количество стихов и сказок. Тогда это было для меня из области фантастики. Я посмеивалась над его идеями и отмахивалась. Но сын настойчиво предлагал мне варианты, где можно было бы напечатать для внуков, а их у меня четверо, книгу единичным тиражом. И я напечатала. Таких книг было четыре. А три года назад в литературно-художественном объединении «Парус», где собираются творческие люди Анапы, я познакомилась с замечательным человеком Сапрыкиным Владимиром Михайловичем – поэтом, прозаиком, публицистом, членом Союза писателей России. Прочитав мои сказки, он спросил: «А ты не хочешь издать свою книгу?» И отправил сказки в издательство «Союз писателей», с которым сам сотрудничал не один год. Именно Владимир Михайлович способствовал появлению моей первой настоящей книги, это была книга сказок. Он сам курировал весь

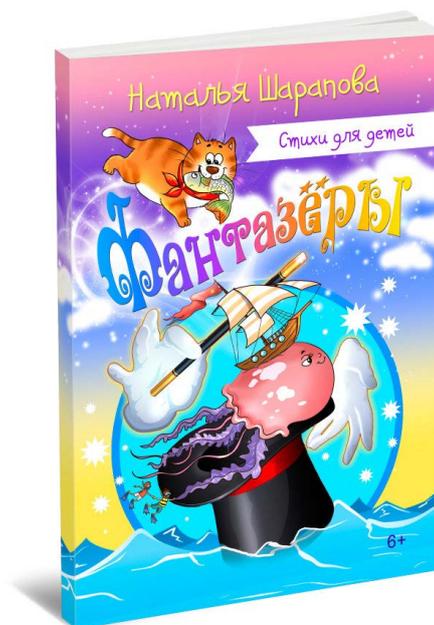
процесс издания книги, написал предисловие, я ему очень благодарна за помощь. И теперь вот уже три года «Союз писателей» помогает моим книгам стать красивыми, яркими, красочными. И, пользуясь случаем, я хочу от всего сердца поблагодарить всех сотрудников издательства за их помощь, подсказки, замечания, такую важную и нужную работу.

– **Добрый рассказчик, который дарит детям сказки на страницах Ваших книг, и реальная Наталья Шарапова – это одно и то же лицо или совершенно разные люди?**

– Я думаю, в большей степени это одно лицо. Как-то так получается, что в любой ситуации (а в жизни всякое бывает) я обязательно нахожу что-нибудь положительное, верю в добро, доверяю людям и надеюсь на хороший исход.

– **Идея смешать новых героев и персонажей народного фольклора – это дань моде, желание проявить оригинальность или стремление отразить Ваше персональное видение той же Бабы-яги?**

– Скорее, это видение моего младшего внука. Баба-яга – это его любимый персо-

Книга в каталоге
knigi-market.ru/fantazyory-natalya-sharapova

наж. Когда он был чуть помладше, он постоянно играл в Бабу-ягу, с Бабой-ягой, сказки слушал только про неё. Ему всегда было жаль старушку, ведь её никто не любит и все обижают. Вот я и постаралась разнообразить для него сказки.

– Любая сказка по определению должна воспитывать и наставлять. Чему Вы хотите научить юных читателей? Какие качества надеетесь воспитать?

– Хочется, чтобы дети научились не бояться трудностей, дорожить дружбой, верить в себя и обязательно верить в чудеса, а ещё старались творить добро. У меня есть такое стихотворение:

*Почему мы любим сказки?
В них таится волшебство!
Можно взять простые краски
Вмиг освоить мастерство...
Ранним утром вместе с феей
В царство дивное слетать,
Разузнать, где смерть Кощея,
И воды живой достать...
Стать немедленно героем –
Великана победить!
Посетить и дно морское,
И принцессу рассмешить...
Там встречается волшебник,
Звери могут говорить...
Для детей они – учебник:
Намекнут, как поступить,
Разглядеть помогут правду,
Из беды спасти друзей...
Смелых – учат – ждёт награда!
Дружба – золота важней!
Вдруг подскажут: постарайтесь
Отличить добро от зла
И по жизни совершайте
Только добрые дела!
Для чего нужны нам сказки?
Научиться мир ценить!
А лишив злодея маски,
В мире станет легче жить!*

– Верите ли Вы в чудеса? Где искать их в реальном мире?

– Конечно верю! А как можно не верить в чудеса? Ведь они вокруг нас! Какими чудесными сверкающими дорожками пытается удивить солнышко утром, когда просыпается, или вечером, когда садится в море, а какие неповторимые картины создают облака! Вы замечали? А Вы когда-нибудь разглядывали самую обыкновенную снежинку? А когда сияет в небе радуга, разве это не чудо? А рождение ребёнка? Это же настоящее чудо! Да много чего происходит такого, что люди порой не замечают. А разве не бывает так: только чего-нибудь пожелаешь, и тебе это «что-то» дарят; о ком-то подумаешь – и тут же встречаешь этого человека. Как же можно не верить? В чудеса верить обязательно надо, иначе жизнь покажется серой и скучной, исчезнет магия любви, нежности и радости.

– Подéлитесь с нами творческими планами на будущее? Возможно, мы увидим Вашу прозу или книгу, рассчитанную на взрослого читателя?

– Я сейчас работаю над книгой сказок, фантазийных рассказов для детей в прозе. Надеюсь, у меня получится. Но про стихи и сказки в стихах тоже не забываю. Очень люблю писать сказки в стихах. Думаю в скором времени порадовать маленьких читателей новыми книгами.

Хочу поздравить всех сотрудников замечательного издательства «Союз писателей», всех писателей и всех читателей с наступающими, самыми прекрасными, сказочно-волшебными праздниками Новым годом и Рождеством! Пусть новый год принесёт множество радостных моментов, исполнит желания, загаданные под бой курантов, и подарит то самое чудо, о котором каждый так мечтает!

– Спасибо, Наталья, за интересную беседу. Уверена, все Ваши планы обязательно воплотятся в жизнь. Удачи Вам и большого вдохновения!

Екатерина Кузнецова, пиар-менеджер издательства «Союз писателей»

Читайте произведения Натальи Шараповой на с. 112!

Из прошлого в будущее с героями книги Ильи Бахмутского

Хотите узнать или, может быть, вспомнить, как жилось в прошлом веке? О чём думали люди в девяностые или в восьмидесятые? К чему стремились? Издательство «Союз писателей» и Илья Бахмутский предоставляют возможность заглянуть сквозь полог времени на страницах нового сборника рассказов и повестей «Переплетение жизненных дорог».

Книга рассчитана на широкий круг читателей. Современная молодёжь сможет пережить пространственно-временной барьер и увидеть правду о том, как жили, чем дышали их родители, бабушки и дедушки, с какими

трудностями боролись и как преодолевали испытания. Воссозданная до мелочей атмосфера эпохи позволит почувствовать себя сопричастным историческим событиям, которые в те дни разворачивались буквально в каждом переулке. Представители старшего поколения вспомнят прошлое с его радостями и печалью, подумают о том, что могли бы сделать иначе, выпадет им такой шанс, а заодно проанализируют минувшее непредвзято, различив за пеленой времён тревожные звоночки, предвещавшие будущий крах державы и идеологии.

«Лихие девяностые» встретят гостей из XXI века разрушенными городами. Ощущение потерянности и неприкаянности обывателей повергнет в некоторый шок. Дворовые коллизии и козни, которые можно было увидеть повсеместно, добавляют остроты сюжетам. И немало удивят тех, кто привык думать, что в девяностых не осталось ничего святого: вечные ценности, подобно жизненнолюбимым травам, вопреки всем законам мироздания, прорастали, словно из трещин в асфальте, в душах обывателей, погрязших в проблемах и принуждённых делать всё ради выживания. Приключения гарантирует поездка со студентами на картошку. Ну а будни эмигрантов в далёком и загадочном Новом Свете по-новому заставят посмотреть на американскую мечту, которая по сей день владеет многими сердцами.

Существование простого человека, вынужденного вести двойную жизнь, – вот главная тема сборника Ильи Бахмутского. А один из основополагающих вопросов, на который придётся ответить, касается причинно-следственных связей между большими историческими событиями и мелкими происшествиями, меняющими человека.

Екатерина Кузнецова,
пиар-менеджер издательства «Союз писателей»

Купить книгу
knigi-market.ru/tag/ilya-bakmutskiy

«Профессия журналиста – фантастическая»

Интервью с Ириной Тин (сокращённый вариант)

Среди деятелей культуры, чьи имена вошли в электронную энциклопедию «400 знаменитых новокузнецан», почётное место занимают деятели кино и телевидения. Одного из них мы хотим представить. Ирина Тин – коренная новокузнецанка, тележурналист, автор документальных кинолент, продюсер. Начинала журналистскую деятельность юнкором в городской газете «Кузнецкий рабочий». Личность многогранная, неординарная, ироничная, имеет свою точку зрения на многие вещи и события, иногда оригинальную, порой парадоксальную. Ирина любезно согласилась ответить на наши вопросы (по скайпу).

– Ирина, как и почему Вы выбрали для себя профессию журналиста?

– Стать журналистом решила, когда ещё училась в школе. Никак не могла определиться с будущей профессией – хотелось быть и врачом, и актрисой, и дрессировщицей в цирке, и учителем, и водолазом. В какой-то момент осенило, что журналистика может дать прекрасную возможность поближе узнать любую профессию и даже попробовать себя в ней. Сразу скажу, что не ошиблась: за свою журналистскую карьеру какие только профессии на себя ни «примерила»!

Просто уж так совпало или, как говорят, «небеса услышали», но как раз в то время, когда я окончила 9-й класс и окончательно решила стать журналистом, в газете «Кузнецкий рабочий» наткнулась на объявление о первом наборе в журналистский лицей. Он был открыт на базе школы № 91 по инициативе её директора Б. М. Берковича и при поддержке редакции «Кузнецкого рабочего». Было собеседование с журналистами «Кузнецкого рабочего». Проводили его журналисты В. А. Немиров и В. О. Речицкий. Помню, что мне удалось их немного удивить. Когда спросили, о чём бы я хотела писать, какое направление выбрать, я, не

особо раздумывая, ответила, что хочу стать журналистом-международником. «Ого! Но международниками же становятся только мужчины?» – «Вот я и думаю, что пора менять эту традицию!» Словом, «женщина тоже человек»! (Смеётся.)

В журналистский класс я в результате поступила и до сих пор с теплотой вспоминаю те годы учёбы. Прекрасные учителя: известный киновед Любовь Кирилловна Самошкина, искусствовед Галина Степановна Иванова, музыковед Игорь Владимирович Сивков и, конечно же, журналисты «Кузнецкого рабочего» Валерий Анатольевич Немиров и Вадим Олегович Речицкий сделали годы учёбы поистине незабываемыми.

А еженедельная практика в газете «Кузнецкий рабочий»?! Это же было целое событие, к которому наш класс готовился заранее! Каждое занятие было погружением с головой в удивительный мир журналистики и волшебную атмосферу газетной редакции.

Наш куратор – ответственный секретарь «Кузнецкого рабочего» Валерий Анатольевич Немиров стал моим первым учителем, моим авторитетом в журналистике. И остаётся им до сих пор! Ему принадлежат слова, которые считаю одной из главных за-

поведей любого журналиста: «Пиши о том и так, чтобы тебе самому было интересно читать. Тогда и другим понравится». Стараясь придерживаться этого принципа.

– После окончания школы вы решили поступать на факультет журналистики.

– Да. Другие варианты для себя даже не рассматривала. Поступила на факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, на газетное отделение. На третьем курсе перевелась в группу церковной журналистики – впервые в стране она была открыта именно на факультете журналистики МГУ в 1996 году. Тогда же начала сотрудничать с газетой «Московский комсомолец».

– Что лично для вас журналистика? За что вы особенно её любите?

– Профессия журналиста – фантастическая! Как уже говорила, прежде всего, за возможность знакомства с разными профессиями, с самыми разными сферами и областями жизни. Ну, как и когда ещё я могла бы увидеть, например, операцию на открытом сердце, которую проводил выдающийся хирург Лео Антонович Бокерия? Или увидеть вблизи (а главное – услышать!), как запускает праздничные салюты единственный в России специальный салютный дивизион? А спуститься в атомную подводную лодку? А самой попробовать себя на тренажёрах, на которых тренируются космонавты?

Ещё – за возможность путешествовать и открывать для себя новые места. За годы работы на телевидении я исколесила если не всю Россию, то уж половину страны точно! Ну и, конечно же, за возможность общаться с самыми разными интересными людьми.

– У вас есть авторитеты в профессии?

– Их много. Я уже называла своего первого учителя, журналиста Валерия Анатольевича Немирова. Я стараюсь следить за его творчеством. Всегда читаю его материалы в электронной версии «Кузнечика».

Леонид Геннадьевич Парфёнов – безусловный авторитет не только для меня, но и, не сомневаюсь, для всех телевизионщиков-документалистов. Жанр документального кино Парфёнов поднял на какой-то фантастический, недостижимый уровень.

Жаль только, что в последние годы его фильмы практически пропали с экранов.

Тёплые воспоминания оставило знакомство с Анной Николаевной Шатиловой.

Сегодня, хотя она уже и давно не работает в эфире, Анна Николаевна по-прежнему востребована в профессии: консультирует ведущих «Первого канала», преподаёт в Школе телевидения Останкино, часто появляется в качестве гостя или эксперта в различных программах. Потрясающе преданный своей профессии человек!

– Вам приходилось встречаться и общаться со многими известными людьми, звёздами, как сейчас принято говорить. Общение с кем из них наиболее запомнилось?

– Трудно сказать про кого-то одного! Каждая встреча по-своему интересна. Вот совсем недавно ушёл из жизни Иосиф Давыдович Кобзон. Я снимала его однажды – для документального фильма о Марке Бернесе. В офис певца на верхних этажах гостиницы «Пекин» наша съёмочная группа приехала за полчаса до интервью – выбрать место, выставить свет, настроить камеру. Думали, в запасе минимум час. Ведь наверняка такая знаменитость и такой занятой человек хоть ненадолго, но опоздает. Но нет! Ровно в назначенное время Иосиф Давыдович вошёл в свой кабинет. Его пунктуальность подтвердит любой журналист! Он уважал и ценил не только своё время, но и время других.

Интервью длилось максимум 30–40 минут. Но вот что удивило и запомнилось больше всего – абсолютное отсутствие звёздности, пафоса, высокомерия. Ни намёка! И второе, ни об одном артисте (а их имён в интервью прозвучало много) певец

не сказал ни одного даже не то что дурного – равнодушного – слова!

А когда мы после интервью вышли вместе в большой холл, на Кобзона накинулись с «обнимашками» несколько подростков. И он с ними только успевал здороваться, обниматься и расцеловываться. Было видно, что искренне рад их видеть. Нашей удивлённой съёмочной группе его помощница шепнула: «Это те, из “Норд-Оста”». А прошло тогда уже лет 5–6. Он с ними со всеми дружил, с их семьями, знал всех. Про то, сколько Кобзон помогал артистам – с квартирами, званиями, больницами, выездами за рубеж – не слышал, наверное, только глухой. А вот как помогал детским домам, приютам – тихо и без огласки – знают немногие. После смерти про Кобзона вспоминали (и припоминали!) многое. Я вот запомнила таким.

Приятно удивил в своё время лидер ЛДПР Владимир Вольфович Жириновский.

Он согласился участвовать в документальном фильме «Если б я был султан» – о традициях многожёнства. А Жириновский одно время предлагал узаконить эту практику в России. Мотивируя это тем, что в нашей стране очень много детей рождается вне брака, это избавляет мужчину от ответственно-

сти. А вот если бы мужчины получили право регистрировать новый брак, не расторгая при этом первый, это бы возложило на них ответственность и за вторую семью.

Честно скажу, побаивалась ехать на это интервью, ожидая увидеть вспыльчивого, громкоголового и грубоватого человека. Но вместо него увидела умного, спокойного, воспитанного человека. Он сразу спросил: «Вам что нужно – эпатаж или спокойное интервью?» Мне нужно было второе, и я получила отличный взвешенный комментарий. Беседа оставила самые прекрасные воспоминания.

– Как часто вы бываете в Новокузнецке? Поддерживаете ли связь с родным городом?

– К большому сожалению, в родном городе последний раз была давно. Удивительно, но вот даже все мои командировки как-то обходили стороной Новокузнецк. Хотя в Мариинске была. Но «виртуальные» связи, конечно, поддерживаю. Во-первых, в городе живёт и работает моя мама. Её профессия связана со сферой культуры, поэтому всегда знаю, что происходит в культурной жизни Новокузнецка. Регулярно читаю электронную версию «Кузнецкого рабочего». Просматриваю городские новостные сайты. Ну и потом, великая сила общения с друзьями из Новокузнецка в социальных сетях! Так что стараюсь быть в курсе того, чем живёт мой родной город.

Этим летом Новокузнецк отметил свой 400-летний юбилей. И, признаюсь, очень лестно было увидеть свою персону на сайте «400 знаменитых новокузнецчан», который был запущен к этой дате. Большая честь быть в одном ряду с выдающимися людьми, которые, каждый в своей области, прославляли наш город. Пользуясь случаем, ещё раз поздравляю всех новокузнецчан с этим событием и желаю им и нашему городу долгих-долгих лет счастливой жизни и процветания!

– Спасибо за интересное интервью! Успехов Вам!

Е. Э. Протопопова, член Союза журналистов РФ, автор сайта «400 знаменитых новокузнецчан»

ПСИХОЛОГИЯ ТВОРЧЕСТВА

с Ларисой Агафоновой

Как правильно подвести итоги и поставить цели под бой курантов

Совсем скоро Новый год! Атмосфера праздника заражает и заряжает, чудеса семимильными шагами спешат в каждый уголок!

Под бой курантов мы все (ну или почти все) загадываем желания. Одни – про себя, иные – вслух, кто-то пишет на бумажке и даже сжигает этот клочок в пламени неперенной на праздничном столе свечи, отсчитывая удары на Спасской башне. А ну как не успеем, не все мечты вспомним?! Успели! Выдохнули и стали ждать чуда – исполнения задуманного.

«Новогодней полночью седую <...> стрелки на ДВЕНАДЦАТИ сошлись» – слова из позабытой, но всё равно актуальной песни вспоминаются именно перед Новым годом. *«У этой хозяйки все ДВЕНАДЦАТЬ месяцев разом гостят! – говорили люди. Кто знает – может, так оно и было»*, – старая сказка нет-нет да и попадётся на глаза, когда родители в спешном порядке готовят детей к празднику.

А сколько всего может запланировать на каждый из этих долгих месяцев творческая личность... Сколько сказок, стихотворений, рассказов сочинить, и даже замахнуться на роман!

Давайте попробуем! Запланируем не семь, а **ДВЕНАДЦАТЬ** подвигов творческой личности!

✓ Выясним, что способствует, а что мешает продвижению к цели!

✓ Решим, что можно отбросить или отложить!

✓ Узнаем, что поможет воплотить всё задуманное!

△ Но погодите-ка планировать! А как же подведение итогов? Ведь целый год вы творили, создавали, встречались с читателями, участвовали в конкурсах, номинировались на премии и попадали в лонг- или даже шорт-листы!

Лариса Агафонова – кандидат психологических наук, доцент, автор более ста работ в области психологии, филологии и педагогики.

Почему не стоит планировать, не поставив жирную точку или хотя бы точку с запятой?

◆ *Завершите гештальт!* Любое важное дело по завершении требует обсуждения. Безусловно, вы счастливы, что выпустили, например, сборник стихов. Но для творческого человека важно, чтобы его детище оценили и похвалили. Если нужно, очень мягко намекнули, что где-то остались недочёты.

В психологии словом «гештальт» обозначают целостность, завершённый цикл. Завершить гештальт в творчестве – это одна из главных задач для тех, кто хочет накопить энергию для новых дел. Незавершённые гештальты отнимают силы и не дают начать новое.

♦ *Сосредоточьтесь на ресурсах* – на том, что помогло вам достигать успеха, а не на сложностях и неудачах. Друзья вас поддерживали? Родные освобождали от домашних забот? Издатели рекламировали ваше творчество? Коллеги делились вашими успехами (да, и такое тоже бывает)? В фокусе внимания должны быть плюсы, а не минусы вашего пути. Ресурсы – это как возвышенности во время ливня, на которых можно перевести дух и идти (или плыть) дальше.

♦ *Проанализируйте свои достижения* за прожитый творческий год – закрепите их в

сознании. Вам предстоит долгое путешествие по ухабистой дороге к успеху, и вы точно знаете, что не всегда этот путь сразу оказывается лёгким и быстрым. Приятные воспоминания придадут сил.

Завершите ваш год в дружбе с позитивным мышлением!

♦ *В завершение похвалите себя*. Напишите на стикере, в блокноте, в сообщении самому себе, какой вы молодец! Не в сравнении с кем-то, а именно уникальный вы, сделавший рывок/написавший книгу/выпустивший сборник/получивший награду!

Вот теперь можно распланировать ближайшие 12 месяцев!

Воспользуемся методикой **SMART**, предложенной выдающимся экономистом **Питером Друкером** для менеджмента, и попробуем применить её в творчестве.

Итак, ваша цель на январь/весну/полугодие должна быть:

➤ **S – конкретной:** «написать два рассказа о любви». Конкретность поможет точно оценить промежуточные успехи, приближающие выполнение конечной цели.

➤ **M – измеримой, мотивирующей:** «создать именно два рассказа», а не «начать писать об отношениях». Если цель будет неизмеримой, невозможно оценить результат.

➤ **A – достижимой:** «сделать над собой усилие и дописать третью главу романа», а не «написать ещё даже не начатый второй том». Самое оптимальное – ставить цель, которая потребует определённых

стараний, но не станет чрезмерно сложной. Вы и только вы знаете свой творческий потенциал, когда и насколько к вам заглядывает её величество Муза и как её удержать.

➤ **R – реалистичной, полезной:** «найти тематические конкурсы, например для сказочников, и принять в них участие», а не «шерстить Интернет двадцать четыре часа в сутки и рассылать свои произведения абсолютно во все литературные группы». Основная цель также не должна идти вразрез с вашими остальными целями.

➤ **T – поставлена на определённый период:** «к первому июня сдать роман в печать и отправиться в путешествие» (так каникулы же!). Каждая цель – как самолёт из точки А в точку Б, имеет время отправления, прибытия и длительность перелёта.

Приступаем! Сформулируйте свои цели, запишите их в удобном вам формате, проанализируйте по пяти критериям и расположите в том месте, где вы сможете их видеть, контролировать и отмечать как достигнутые. И можно переходить к самой приятной части – празднованию Нового года!

Итак, итоги подведены! Куранты пробили! Желания загаданы! Цели поставлены!

**С НОВЫМ ГОДОМ, ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!
ПУСТЬ В ЭТУ СКАЗОЧНУЮ НОЧЬ В ВАШУ ДВЕРЬ ПОСТУЧИТ
МУЗА С МЕШКОМ ПОДАРКОВ И ОХАПКОЙ ЧУДЕС!**

Концепт «любовь» в сказках-притчах Э. Ахадова «Чудо в перьях»

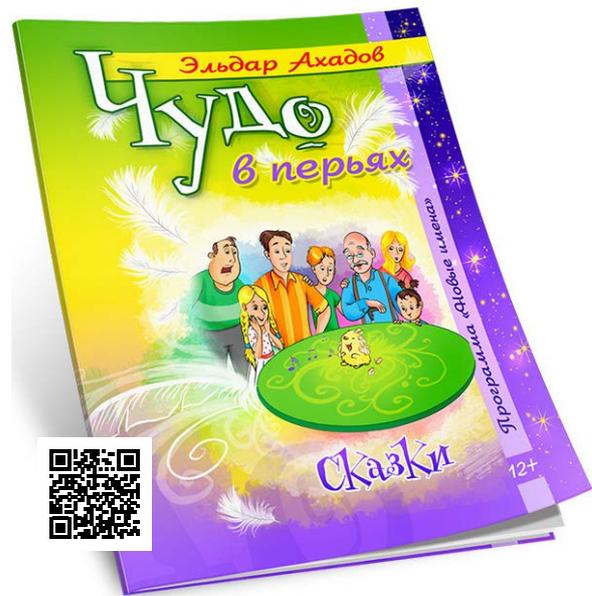
Любовь – это важнейшая составляющая эмоциональной жизни человека. Она представляет собой сложное, часто нерасчленимое и неоднозначное явление, обычно определяемое как глубокое чувство привязанности к человеку или к какому-либо факту действительности. Исключительность понятия любви связана с тем, что в нём пересекается несколько факторов: духовный, социальный, личностный, а также физиологический.

В статье мы рассмотрим языковую реализацию концепта «любовь» в сказках талантливого современного писателя Эльдара Ахадова «Чудо в перьях». Книга выпущена издательством «Союз писателей» в 2017 году по программе «Новые имена современной литературы».

Когнитивный аспект анализа художественных произведений актуален для современных лингвистических исследований. Говоря о концепте, мы примем за основу определение, данное В. В. Колесовым: «Концепт – сущность понятия, явленная в своих содержательных формах – в образе, понятии и в символе». Отметим, что изучение концепта «любовь» во многом обусловлено его многогранностью, универсальностью и значительностью.

Сказки Э. Ахадова по объёму, проблематике, философской глубине, иносказательной форме и образности могут быть справедливо названы притчами. И концепт «любовь» занимает в них особое место.

В качестве названия сборника неслучайно выбран прецедентный текст. «Чудо в

перьях» – так именуют странного, необыкновенного человека. Это ключевой образ книги Э. Ахадова, в какой-то мере характеризующий и самого автора. В наш очень прагматичный век говорить о любви, доброте, заботе, ласке не вполне современно: все ждут «нормального, серьёзного» разговора с читателем, а в сборник включены маленькие, «взъерошенные» сказки-притчи, «да ещё и в перьях». Но прочитав их, услышав их «песню», прочувствовав, понимаешь, что именно они – то самое «настоящее, живое, неповторимое».

Говоря о словообразовательных связях лексемы «любовь», отметим, что слова с корнем «-люб-», встретившиеся в книге, немногочисленны: это существительные *любовь, любопытство*, субстантивированные

¹ Колесов, В. В. Концепт культуры: образ – понятие – символ / В. В. Колесов. – М., 2004. – С. 19–20.

причастия и прилагательные *возлюбленный, любимый*, прилагательные *любезный, любимый*, глаголы *любоваться, любить, полюбить*. Однако притча – это особый жанр, в ней многое выражено имплицитно – через символы и образы. Поэтому сильны ассоциативные связи: автор передаёт идею любви через образ солнца, цветка Чжэнь.

В образе солнца автор воплощает прежде всего социальный и личностный аспекты любви. Э. Ахадов пытается напомнить читателям важные истины. Во-первых, любовь способна изменить мир вокруг и жизнь каждого человека в отдельности (солнце сияло так ярко, что мрачная туча растаяла от его улыбки). Во-вторых, она может вдохновить на невероятные свершения (комета, желая посоперничать с солнцем, устремилась к далёкой звезде). В-третьих, истинная любовь принимает всех такими, какие они есть (дождик-плакса, раскатистое эхо, полетевший к солнцу за лаской ветер – все получают от солнца любовь, понимание, ласку). И, наконец, любовь дарит умиротворение, спокойствие, счастье (тишина, согретая солнцем, «чувствовала такую любовь ко всему, что есть и будет, что кричала и пела от радости самые лучшие песни звенящей, ликующей тишины»).

Цветок Чжэнь – это символ духовной, высокой любви, он «рождён любовью и не погибнет до тех пор, пока она есть: любовь матери к своему ребёнку, любовь юноши к возлюбленной, любовь детей к своим родителям, любовь каждого живущего на земле ко всему сущему и ко всем, кто нуждается в любви». Найти цветок непросто, и нашедший может навсегда остаться в мрачной подземной темнице, но автор показывает путь к нему: «Откройте ваши сердца миру и сделайте так, чтобы одна лишь любовь была в нём повсюду».

Исследование синтагматических связей концепта «любовь» дополняет глубину философского понимания автором этого явления. Определения, использующиеся при слове *любовь*, – *трогательная и нежная любовь, первая любовь*. Э. Ахадов воспевает чистое чувство, лишённое сомнений, сожалений, страха быть отвергнутым. Несогласованные определения, встретившиеся при этом слове, подчёркивают многогранность чувства: *любовь матери, любовь юноши, любовь детей, любовь каждого живущего*. Дополнения, употребляемые при лексеме «любовь», используются с предлогом «к», передающим направленность чувства на объект: *любовь к родине, любовь к другим людям, любовь к ребёнку, любовь к возлюбленной, любовь к родителям, любовь ко всему сущему*. И, наконец, обстоятельство со значением места в словосочетании *любовь повсюду* завершает объёмность и глубину понятия «любовь» в притчах-сказках Э. Ахадова.

Очень выразительны употреблённые рядом однородные определения *любимая, родная Элиза*. Любимая – это значит ставшая родной, пусть не по крови, а по духу. Использованные при глаголах с корнем «-люб-» слова также красноречивы: *полюбил всем сердцем, вечно любит, очень любит, любите всех, любите друг друга*. Глубина чувства, полное погружение в него, любовь ко всему живому, ибо «на свете и нет ничего мёртвого. Всё живое. У всего своя душа», – вот в чём, по мнению Э. Ахадова, заключается смысл человеческого существования на земле.

Таким образом, исследовав словообразовательные, ассоциативные, синтагматические связи лексемы «любовь» в притчах-сказках Э. Ахадова, можно представить значительность и философскую глубину авторского представления этого концепта.

Л. А. Калинина, канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Глазовский государственный педагогический
институт имени В. Г. Короленко»

Поэтика произведения А. Млынаша «Страна Ясами»

Детская литература представляет собой особую область общей литературы. Именно ей отведена важная роль формирования личности маленького человека. От того, какие книги увлекут ребёнка в детстве, зависит его отношение к миру, к людям, к природе. Поэтому родителям следует очень тщательно, грамотно подходить к их выбору.

Одним из произведений, заслуживающих внимания взрослых и детей, является «Страна Ясами» современного талантливого писателя Аркадия Млынаша.

Как известно, литература для детей выполняет несколько функций: воспитательную, развлекательную, эстетическую, познавательную. Наиболее важной из них в настоящее время представляется развлекательная, и это вполне объяснимо: не заинтересовав малыша, невозможно его ни воспитывать, ни развивать. Стараясь стать ближе к юному читателю, Аркадий Млынаш создаёт нескучные произведения о детях, в ко-

торых показывает внутреннюю жизнь маленького человека во всей её сложности и полноте, пытается разглядеть его личность. Книга «Страна Ясами» уже в названии отражает направленность на определённую возрастную категорию (3–5 лет) и внимание к потребностям детей в самовыражении, подчёркивает их стремление к самостоятельности, к творчеству. Истории, которые происходят с героями, словно подсмотрены автором и перенесены на страницы произведения. Система образов тоже понятна и близка ребёнку: это мама, которой «лучше нету на свете», папа, дед, бабушка, брат, сестра. Важно и то, что разговор с маленьким читателем идёт на равных.

Главный герой стихотворных произведений Аркадия Млынаша Ясам – собирательный образ. Он наделён чертами, которые легко узнаются в каждом ребёнке. Ясам любопытен, наблюдателен, искренен. Например, рассматривая бычков (рыбу), недоумевает: «А где у рыбок рожки?» Узнав, что цветная капуста содержит много витаминов, старается раскрасить белокочанную, сделать её «цветной». Он многое стремится осознать, объяснить. Так, в лесу вместо съедобных грибов собирает мухоморы, потому что они «издалека видны». Посчитав, что в книге папы не хватает рисунков,

*Понял, папе с книжкой скучно,
И добавил красоты:
Синим – дождик, красным – тучи,
Жёлтым – солнце и цветы!*

Ясам добр и наивен: пытается разобраться в проблемах – своих и взрослых, – он решает их по-детски. Борщ, в который мама забыла положить томат, он делает красным при помощи помады. Не находит раскраску – рисует на овощах: тыкве, помидорах, перцах...

Совершенно очевидно, что имя Ясам выбрано автором неслучайно: это слово образовано способом сращения (слияния) двух местоимений – личного «я» и определительного «сам», раскрывающих представления ребёнка о себе и своей значимости в мире.

Язык произведений образный, сочный. Обращают на себя внимание названия стихотворений: это и прецедентные тексты, в которых выражается добрая ирония («Мастер на все руки», «Кто ищет, тот всегда...»), и оценочные характеристики Ясама («Почти богач», «Помощник», «Художник», «Я – мужчина!»), и слова, словосочетания, определяющие тему речи («О ссоре», «О будущем», «О моде», «Про папину книжку», «О цветной капусте»).

Лексико-семантические поля, представленные на страницах книги, весьма многообразны – прежде всего это обусловлено тем, что главные герои любознательны, их многое увлекает. Особенно выделяются слова следующих лексико-семантических полей: «семья», «дом», «природа», «животный мир».

Интересны примеры языковой игры, включённые в тексты, например:

1. «Тыквы строят глазки». Эффект игры создаётся совмещением прямого значения (тыкве краской подрисовали глаза) и переносного, передаваемого фразеологизмом «строить глазки», т. е. заигрывать, кокетничать, проявлять симпатию.

2. «Ясам решил: “Пришью я сам...”» В языковую игру включены омофоны «Ясам» – «я сам», при этом объективируются словообразовательные связи имени собственного. Интересно, что в том случае, когда фразу произносит героиня – девочка, внутренние связи с именем Ясам также прослеживаются: «Я сама одела брата».

Язык героев произведения выписан стилистически удачно. Например, девочка использует в речи гендерно маркированные (т. е. характерные для женской речи) слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами: «хлебушек», «пальчики», «птички», «платице». Речь мальчика Ясама также гендерно обусловлена: в ней много глаголов, но мало эмоционально-оценочных

эпитетов. Он сдержан, сосредоточен на действии, немногословен:

Кашей вымазан буфет.

В каше бабушкин портрет.

– Может, выпал манный дождик?

Но в ответ услышал: «Нет!»

Я слегка заволновался:

– Что, у нас вулкан взорвался?

Спал на кухне много лет?

Мне опять сказали: «Нет!»

Аркадий Млынаш хорошо передаёт не только гендерные, но и возрастные речевые особенности героев. Так, очень удачно подобрано (или подслушано) «детское» слово «замужиться», имеющее двойную мотивацию. Во-первых, оно может быть образовано префиксально-суффиксально-постфиксальным способом от слова «муж» (стать мужем), по той же словообразовательной модели, что и «подружиться», но с приставкой «за-», передающей значение начала действия. Во-вторых, слово «замужиться» может быть мотивировано словом «замуж» (взять замуж) суффиксально-постфиксальным способом:

Мальчик Ясам решил: подрастёт,

С девочкой этой «замужится»!

Показаны и синтаксические «неправильности» речи ребёнка:

Не пустишь, чтоб ушёл один,

С тобой буду в ссоре!

В силу малого речевого опыта выбор Ясамом придаточного предложения цели в этой фразе является синтаксически и семантически случайным. Очевидно, что взрослый человек составил бы грамматически правильное предложение: *Если не пустишь меня одного, буду с тобой в ссоре.*

В речь деда автор вводит разговорные слова и конструкции, что также вполне оправданно: «ладят рамы», «идти в ночь».

Язык произведения необыкновенно выразителен, его образность ярче всего проявляется через использование метафор, среди которых есть общеязыковые, привычные («шляпка гвоздя», «солнце ночами не гаснет») и собственно авторские, окказиональ-

ные («гроздя стружки» и др.). Следует заметить, что наглядность явлений, предметов соответствует возрастным особенностям и потребностям ребёнка.

Книга «Страна Ясами» – это разговор автора с детьми обо всём: о семье, дружбе, счастье, будущем. Аркадий Млынаш вме-

сте с героями наблюдает, удивляется, размышляет, радуется. Иногда он совершенно неотличим от своих персонажей, и поэтому произведение лишено назидательной интонации. Оно способно развлекать, воспитывать, удовлетворять эстетические и познавательные потребности ребёнка.

Л. А. Калинина, канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Глазовский государственный педагогический институт имени В. Г. Короленко»

Языковые особенности поэзии Бориса Красильникова

(на материале сборника стихотворений «Пёстрая лента»)

Современная литература представляет собой особое явление. Она многообразна, часто непривычна и нетрадиционна, так что не утихают споры литературоведов по поводу её будущего. В ней нередко наблюдается смешение форм, жанров и стилей. Прежде всего это справедливо в отношении современной прозы. Что касается поэзии, то она также испытывает на себе влияние происходящих в мировой культуре событий: нередко встречаются эксперименты со словом, формой стиха, ритмической организацией. И тем интереснее встретить поэта, следующего традициям русской классической поэзии.

Борис Красильников – талантливый московский поэт. Сборник стихотворений «Пёстрая лента», вышедший в издательстве «Союз писателей» в 2018 году, включает разные по тематике и стилю поэтические произведения. Миссию поэта автор видит в том, чтобы «сплетением слов будоражить сердца».

«Сплетение слов»... Именно это выражение Б. Красильникова заставляет обратиться к анализу языковых особенностей его творчества. Язык неслучайно называют «первоэлементом литературы». Исследование его позволяет глубже понять идею,

философию произведения, оценить художественную ценность, проникнуться настроением поэта.

Анализируя стихотворения Б. Красильникова, в первую очередь отмечаешь удивительную образность и метафоричность поэзии. Почти есенинскую, имажинистскую. При этом встречаются метафоры как узуральные, так и окказиональные, авторские:

*Под шелухой избитых фраз
живёт словам он параллельно...*

*Скакало сердце на ветру
От черт, лишь издали похожих...*

*Я внешне – плоть осеннего листа,
Душа цветёт, но тайно и незримо...*

*И после, проживая дни,
Как узник, ждущий приговора,
Срывал боязней кандалы...*

Благодаря необычным, запоминающимся метафорам, их эмоциональной окрашенности создаётся яркий и ёмкий художественный образ описываемого объекта, явления, лица и выражается отношение к нему автора. Метафоры делают речь поэта

исключительно выразительной и, безусловно, вызывают эстетическое наслаждение у читателя.

Следующее лексическое средство, часто встречающееся в творчестве Б. Красильникова и делающее его стиль узнаваемым, – сравнение. Основной структурный тип сравнений – существительное в творительном падеже:

*Пьяным барабаничком
Дождь стучит в окно...*

Волком ветер воет...

*Дрожал комочком сизокрылым
Под дверью, что вела в подъезд.*

Также поэт широко использует сравнительные обороты:

*А рядом, преклонив колени,
Как призрак юности былой,
Поклонник твой – подобный Тени –
Явится, словно дух святой.*

Сравнения усиливают изобразительность и образность стихотворного текста, позволяют подчеркнуть значимые особенности, признаки описываемого явления.

С этой же целью используются автором эпитеты. В роли них обычно выступают качественные прилагательные, передающие эмоциональную оценку:

*А может, этому всему виной
Рассудок мой, болезненно-ранимый?*

*Смешны наветы и хула –
Они исчезнут злойной тучей.*

Но особенно выразительны метафорические и метонимические эпитеты:

*С мудростью медвежьей
Затаюсь в тепле.*

*От карего, от голубого,
Но лучше всё же от любого –
От сглаза – сбереги меня.*

«Медвежья мудрость»... Как верно подмечен образ! Мудрость в том, чтобы не идти навстречу бедам и напастям, не вступать в неравный бой, а переждать их: «суета и дрязги плачут пусть по мне». А разве не замечательная авторская находка – «карий и голубой... сглаз»? Благодаря метонимическому переносу происходит расширение синтагматических связей слова с фразеологически связанным значением «карий». Удачна также имплицитно выраженная связь «сглаз» – «глаз».

Перифразы, встречающиеся на страницах сборника Б. Красильникова, как правило, узуальные, общеязыковые:

*Поэтом названная страшной силой,
Берущая в полон рассудки и сердца –
В плоть облачённая, возводится счастливой
На пьедестал в душе влюблённого творца.*

*В любой момент, мой друг,
в любой момент и час
Старуха скверная с зазубренной косою,
Из досок сбив постель, укрыв землёй сырою,
Любого может унести из нас.*

*Увидишь, как Посланник Рая
Волшебный свет льёт на тебя.*

Читателем легко угадываются образы, которые названы не прямо (Красота, Смерть, Ангел), а описательно, через сочетание слов. Используя перифразы – прецедентные тексты-образы, автор воздействует

не только на эмоции, но и на ментальный опыт своего читателя.

Для того чтобы подчеркнуть противоречивость мира, борьбу разных начал, Б. Красильников обращается к оксюмору и антитезе:

*Преодолев разлуки дальность,
В тот миг к сердцам вдруг боль придёт,
И нереальный мир Реальность
В слезах невольных обретёт.*

Не нужен Ангел, Ты нужна – живая...

*Он годы с нею проживал,
Проехав десять остановок.*

Эти стилистические приёмы позволяют усилить эмоциональное впечатление от созданного автором образа, глубже выразить чувства лирического героя.

Говоря о лексических языковых средствах, нельзя не отметить случаи использования омографов:

*Про фату́ ты забудешь, ведь фа́ту
Так к лицу цепь из звеньев измен.*

Удачное объединение слов «фата» – «деталь головного убора невесты» и «фат» – «щёголь, пустой человек» заставляют читателя размышлять над неожиданными образами и дарят эстетическое наслаждение от предложенной автором языковой игры.

Среди синтаксических единиц в творчестве Б. Красильникова ярко выделяется анафора. Эта фигура речи давно признана исследователями эффективным средством воздействия на чувства читателя:

*Я боюсь, что совсем некрасив,
Я боюсь, что совсем неразумен,
Я боюсь, что, наверно, спесив,
Я боюсь, что не создан для буден.*

Настойчивое повторение слов сообщает тексту искренность, и поэту хочется верить.

С лингвистической точки зрения интерес представляет также стихотворение «Свиристели»:

*Налетели свиристели,
Закружились, засвистели,
Вихрем канули в рябине,
На ветвях тревожа иней.
Запорхали все крылами,
Закивали головами,
Окунулись в ягод лужи,
Расплескав их среди стужи.
Вмиг забыли про метели
Средь ветвистой той купели,
Средь снегов, что заалели
От рябиновой капели.*

В двенадцати строчках – одиннадцать глагольных форм, причём совершенного вида. При помощи них передаётся динамичность повествования, радостное настроение птичьей суеты. Интересно также, что многие глаголы имеют приставку «за-» со значением начала действия. Это стихотворение вызывает стойкую ассоциацию со стихотворением М. Цветаевой «Рас-стояние: вёрсты, мили...», отсылку к её творчеству.

Впрочем, литературных аллюзий – как текстовых, так и стиливых – в поэзии Б. Красильникова немало. Отметим лишь некоторые: «...толпе чужда их маета, понятна – Левину и Китти»; «Он опоздал... и ощутил: финал рассказа «После бала»; «Смотреть на жизнь Ты станешь смело, забыв про Гамлета вопрос», «Кто-то сразу не встал, затаившись, как зверь, телом, вспомнив из “Маугли” фразу...».

Наблюдения над языком стихотворных произведений Б. Красильникова позволяют сделать вывод, что перед нами, безусловно, очень талантливый поэт, умело пользующийся средствами русского языка, интеллектуальный, эмоционально тонкий, следующий традициям русских классиков, а сборник «Пёстрая лента» – это признание в любви Жизни («Пёстрая лента», «Становлюсь всё ближе к Богу»), Природе («Свиристели»), Любимой («Молчаливый диалог», «Он ею бредил наяву», «Родинка» и др.), Поэтам («Поэты», «У могилы С. Есенина»).

Л. А. Калинина, канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Глазовский государственный педагогический
институт имени В. Г. Короленко»

Анна Васильева

Москва

Праздник для всех

С раннего утра Тихомиру не покидало ощущение: что-то будет. И это «что-то» – вовсе не новогодний подарок в яркой обёртке, который неожиданно появится под дверью.

Сперва библиоведьма обнаружила, что любимого кофе даже на одну чашку не хватит. В связи с чем выслушала нудную лекцию крысы Маргариты Карловны о том, что «надо впрок покупать, и вообще – хозяйством заниматься, это тебе не палочкой волшебной размахивать!». «Да нет у меня палочки – так колдую!» – пробурчала в ответ Тихомира, запивая пирожок несладким чаем. Сахар, как оказалось, тоже куда-то делся.

До любимой библиотеки Тихомира брела, буксуя в сугробах, как «запорожец» соседа дяди Валеры, и ругая на чём свет стоит дороги Лаврентьевска, которые превратились из-за ночного снегопада в снежные реки. На крыльце девушка поскользнулась и чуть не полетела носом.

– Да что ж за напасть-то сегодня! – не выдержала библиоведьма. – Давайте ещё что-нибудь свалится на мою рыжую голову! К счастью, сверху ничего не рухнуло.

Зато из читальни послышался тихий плач. Придя на звук, Тихомира обнаружила сидящую на полу библиотекаршу Наташеньку. Трепетная девушка горевала над расколотым ёлочным шариком, как старуха над негодным корытом в сказке Пушкина.

– Вот, разби-и-и-ился... – Наташа подняла полные слёз глаза на Тихомиру и шмыгнула носом.

– Да вижу я... – отозвалась волшебница. – Ну что поделать. На счастье! Мы новый повесим. У нас этих шариков целая коробка. Где она, кстати? И нечего на полу сидеть – из окна дует.

Наташенька отряхнула брючки и вышла. До новогоднего праздника, который они придумали для ребят, оставалось всего несколько дней. В зале стояла пушистая, роскошная, наряженная, как царевна, красавица-ёлка. На окнах трепетали лучами бумажные снежинки, вырезанные на мастер-классе девочками-читательницами под присмотром Наташеньки. В углу на тумбочке, возвышаясь над сугробом из ваты, игрушечный Дед Мороз улыбался румяной Снегурочке.

Библиоведьма подняла стеклянные половинки. «Нет, ну точно магия! Причём не добрая ни разу. Мой любимый рыжий шар был!» – вздохнув, девушка отправила осколки в мусорное ведро – ещё не хватало, чтоб кто-нибудь из маленьких читателей порезался.

– Что-то не нравится мне всё это, – Маргарита Карловна свесилась со стеллажа со сказками. – Помнишь, на прошлой неделе кактусы у Анны Сергеевны погибли. Жили – не тужили, и тут на тебе. Засохли за ночь. Кактусы! Засохли! А позавчера крыша протекла – полдня с тряпками бегали. Сейчас вот шарик разбился. Не слишком ли много неприятностей? Может, опять нечисть какая в библиотеке завелась?

– Я тоже об этом подумала, – кивнула Тихомира, вспомнив, как они с подружкой Леной несколько месяцев назад книгохвата из читальни выгоняли. – Но я не дам никому праздник испортить. Ещё как назло книговой Беримир, библиотечный хранитель, в

отпуске. Будь он на месте – вовек бы такого не допустил. Ладно, сами справимся. Я из библиотеки сегодня не уйду, пока не узнаю, кто здесь пакостит.

– Ну надо же! Первая мудрая мысль за сегодня! Одобряю! До вечера. Я – спать, а тебе работать пора, читатель пришёл. – Крыса скрылась в гнезде, которое к наступлению холодов свила для неё из старого шарфа заботливая Тихомира.

Вечером, когда чересчур впечатлительная Наташенька ушла домой, библиоведьма заперла библиотеку, прошлась по залам, поправила на полках книги, заглянула в архив. Маргарита Карловна присоединилась, но тоже ничего не обнаружила, если не считать закатившуюся под шкаф красивую бутылку, сухой осиновый лист и лист календаря за прошлый год.

Библиоведьма рассудила, что если нечисть в читальне и завелась, то покажется она попозже, поэтому смело можно перекусить. Девушка вытащила из сумки большее красное яблоко, пристроила его на столе и ушла руки мыть. А когда вернулась, увидела, что вместо аппетитного крутобокого фрукта рядом с монитором валяется крохотный огрызок.

– Это кто тут безобразничает?! Выходи немедленно! А то я сейчас учебник по библиомагии открою и такое заклинание найду – от тебя мокрого места не останется! – негодовала колдунья.

– Вот именно! Она не шутит! – пискнула Маргарита Карловна, воинственно вытянув в струнку голый хвост. Никто не появлялся, и Тихомира уже решила, что потерю яблока можно пережить и поужинать бутербродом, но вдруг за стеллажом что-то потопало и захихикало.

– Это книгохват, что ли, опять? – прищурившись, шепнула крыса. – Ну, тогда нечего с ним церемониться. Сбегай домой за хронологической пылью, а я его покараую.

– Ой! Не надо за пылью!

– Ах, не надо? Тогда вылезай! – Тихомира даже ногой для убедительности топнула.

– Да иду я...

Не прошло и минуты, как из-под книжного стеллажа, чихая и кряхтя, вышла крохотная девчонка. Отряхнула зелёное платьице, подтянула сползший рыжий гольф. Исподлобья посмотрела на Тихомиру. Нос кнопкой. Глазищи большие, круглые, как у говорящего кота Сан Саныча – любимца Лены. Макушка вся в чёрных кудряшках, в которых запутались хлопья пыли, нитки и ещё какой-то мусор.

– Ну и кто ты такая? – поинтересовалась книжная колдунья.

– Алёнка! – звонко ответила маленькая незнакомка.

– Ты ж из этих вроде, книгохватов? – Маргарита Карловна прыгнула с Тихомириного плеча, посеменила к Алёнке и понюхала носок её сандалика. – Ну точно! Книгохват! Только мелкий ещё и не такой противный. Я ж говорила, Тихомира, пылью её надо.

– Я не противная! – обиженно воскликнула Алёнка, но на всякий случай отодвинулась подальше к двери, чтобы если что – сразу удрать.

– Ну а кто тогда кактусы испортил, в потолке дыру проковырял, шар разбил и яблоко моё съел? Не ты ли, хорошая и послушная посетительница библиотеки, которая сотрудников уважает? – с напускной суровостью спросила библиоведьма. Ей совсем не хотелось швырять в новую знакомую хронологическую пыль, которую вредные библиотечные существа ранга книгохватов, стеллажников и ниже боятся как огня. Девчонка ей понравилась. Она чем-то напомнила Пеппи Длинныйчулок и Ронью, дочь разбойника.

– Ну да, я это... – потупилась Алёнка, а потом добавила, спохватившись: – Но вы не думайте, что я плохая и злая, как все книгохваты! Просто мне обидно очень, что у ребят скоро праздник новогодний, а меня не позвали.

– Ага! Натворила всякого, набедокурила, а мы её должны на концерт пригласить и в хоровод вокруг ёлки. Ишь, чего удумала! – не унималась крыса.

Алёнка совсем расстроилась. Нижняя губка у неё задрожала, как у всех малышей, собирающихся зареветь.

– Подожди, подожди! – опередила поток слёз Тихомира. – Вот этого не надо! Ты ж не царевна Несмеяна, сырость тут разводите! Давай вот что сделаем: мы тебя на праздник позовём, а ты нам в библиотеке больше ничего портить не будешь. Договорились?

– Ага! – закивала девчонка и озорно улынулась. – А вы не обманете? Честно-честно?

– Честное библиоведьминское! А сейчас пошли-ка со мной, Алёнушка, ёлку проверим. У меня пара замечательных шариков есть. Один, как твоё платье, изумрудный! Он отлично подойдёт нашей лесной красавице.

Тихомира шла первой, гордясь маленькой, но всё же победой. В первый раз она не

уничтожила отрицательного персонажа из книжного магического мира, а подружилась с ним. Радостная Алёнка припустила за ней. Её позвали на праздник! И теперь не надо сидеть за шкафом и с завистью смотреть, как мальчишки и девчонки стишки читают, смеются и конфеты лопают. Последней цоккала коготками Маргарита Карловна, которая тоже была довольна, что не пришлось применять заклинания и противную пыль, от которой ужасно долго чихалось. Новогодний праздник – он добрый и волшебный для всех. Даже для книгохватов!

Р. С. Вы так и не поняли, кто такая библиоведьма, почему крыса разговаривает и как эта волшебная компания оказалась в Лаврентьевске? Открывайте повесть «Наколдуй, библиотекарь!» и всё узнаете!

Наколдуй, библиотекарь!

Детское фэнтези

Чего только в жизни не бывает! Какое диво дивное и чудо чудное не водится в подлунном мире! Маги, колдуны, вампиры, оборотни – это всё привычно и ни для кого не удивительно. А что про библиоведьму скажете? То-то и оно... А ведь Тихомира именно из таких. «Представьте, приходите вы в библиотеку про писателя послушать, который в позапрошлом веке помер, а там вместо скучного “бу-бу-бу” и “бла-бла-бла” перед вами здоровенный лукоморский дуб вырастили! Да ещё кот на него запустили – золотой цепью греметь! Из тех пушистых увальней, которых гладить – одно удовольствие!» Только чудеса не всегда благом оборачиваются. Вместо желанной работы придётся отправляться к людям сеять «разумное, доброе, вечное». А это испытание не для слабонервных. Мало ли что случиться может... Вот и приходится держать ухо востро. Нельзя иначе в эпицентре приключений!

Книга в каталоге
knigi-market.ru/2329

Евгений Волков (Чертополохоцвет)

Калуга

Путь

Вот и вьюга опять на пути, на пути...
Вот и снова буран валит с ног.
И казалось, что мы в этом мире одни
И метель – обезумевший волк.
Завывает, на задние лапы встаёт:
«Не пуцу во владенья свои!»
Ощетинившись, скалясь, идти не даёт:
«Поворачивай, прочь уходи!»

Здесь не ждут чужаков, здесь не ваша земля,
Здесь живут по законам своим.
И погубят враждебные эти края
Тех, кто в гости является к ним.
Вы хотите узнать, как сойдёте с ума
И как кровь превращается в лёд?
Одиночество, холод и чёрная тьма
Ждут вас здесь – так смелее, вперёд!..

Ну и пусть. Не свернём, не собьёмся с пути,
Мы уже не вернёмся назад.
Мы там были, и нет туда смысла идти –
Там не ждут и никто нам не рад.
И себе мы не рады там были давно,
Потому сквозь метель и идём.
И, пройдя километры суровых снегов,
Мы прекрасную землю найдём...

Начало марта – 1 мая 2017 г.

Зимнего леса летний сон

В снежной тайне лес сосновый
Заколдован белым сном.
На тропинках занесённых
Тишь, безмолвие кругом.
Он молчанием укутан,
Как большой уснувший зверь.
И дрожат, живые будто,
Щётки хвойные ветвей.

Опускаются снежинки
В свете солнечного дня,
Крылья бабочкой раскрыла
Бесконечная зима,
Заметая всё метелью
И лавиной вьюжных бурь.
Но под снежную постелью
Соснам грезится июль:

В буйстве красок лес сосновый
Светом солнечным прогреет.
Всё устлал ковром зелёным
Лета яркого расцвет.
Запах терпкий трав душистых
Уведёт в лесную глушь,
Приведёт тропой змеистой
В глубину тенистых гущ.

Где рождаются легенды
Среди хвойной тишины.
Где по веткам скачут белки,
Пряча в дупла солнца сны.

3–13 ноября 2016 г.

Снежная Смилла от Питера Хега

Снега паденье слышно чуть слышно...
Словно круженье снежное мыслей –
В снежную бурю вот-вот превратится.
Страшной догадкой осуществится...

Снегом опять занесло целый город.
Кто-то под ним что-то страшное скроет...
Ветер с бураном следы заметают,
Что там случилось – никто не узнает.

Солнце садится, во тьму погружаясь,
В пекле студёном дотла догорая.
Утром опять вознесётся с рассветом –
Птицею Феникс из снежного пепла.

Город из льда и холодного камня
 Молча продолжит хранить свои тайны.
 Всё, что укрыто от внешнего взора,
 То, что не станет предметом для споров.

Но для любимицы снежных просторов
 Всё станет ясно, наверное, скоро...
 Сквозь снежный плед вдруг покажутся явно
 Крови рубиновой мокрые пятна.

Снежное чувство Смиллы прелестной
 Тайное делает явным, известным.
 Странной гренландки мыслей круженье,
 Может, поможет раскрыть преступленье...
Декабрь 2017 – 14 января 2018 г.

Красные сосны

Красные сосны стоят молчаливо
 В снежном убранстве, роскошно-красивом.
 В чистом, по-зимнему свежем пространстве
 Время, похоже, совсем потерялось.
 Воздух особенно вкусно-морозный,
 Где величавые красные сосны,
 Сахаром словно, присыпаны снегом,
 Под бесконечно синеющим небом.
 Хвойный гербарий на облачном фоне
 В сполохе солнечных плясок утонет.
 Пламенный отблеск зимнего солнца
 Медью раскрасит красные сосны.
2016–2017 гг.

Не за горами Новый год

Припорошило во дворе.
 Ноябрь так скуп на брызги света –
 Тускнеет неба акварель
 Из серо-голубого цвета.

Не за горами Новый год,
 Зажжёт огнями серый город.
 И может, веру принесёт,
 Что будет что-то по-другому...

И что уснувшие мечты
 Разбудит ели хвойный запах,
 И ощущение пустоты
 Уйдёт из жизни безвозвратно.

Бокалы празднично звенят,
 Речь президента и куранты,
 И мандаринов аромат –
 Встречайте главный зимний праздник...
15 ноября 2016 г.

Твои волосы пахнут снегом, или Ледяное сердце

Твои волосы пахнут снегом,
 Покрывалом снежной зимы,
 Пахнут мёдом манящие губы
 И приливом морской волны.
 Твоих глаз бесконечная пропасть
 Увлекая, зовёт в никуда –
 В бесконечную жизни дорогу,
 Где пропали, ушли поезда.
 А твой стан в полумраке волнует
 Совершенством изгибов крутых:
 Все, кто видел хоть раз, не забудут –
 Но какое мне дело до них?..
 На твои опускаются плечи
 Лепестки мягкой нежности роз...
 Воском снова расплачутся свечи
 И застынут лавиной слёз.
 А за стёклами снова тоскливо
 Режут, ночь рассекая, дожди.
 Мы простимся, хоть пусть не остыло,
 Ещё тлеет тепло простыни.
 Зимним холодом веет оттуда,
 Где сердечный огонь должен жить...
 И над городом снежным я буду
 Вновь колючей снежинкой кружить.
18 октября 2016 г.

Снежные пчёлы

Снежные пчёлы кружат над хрустящим
 Ковром, еле слышно жужжа.
 Крыльев пушистых роем парящим
 Реют, неслышно ложась.

Красное спелое яблоко в небе,
 Мёдом сочащийся шар –
 Словно конфету облепят,
 Пьют его сладкий нектар.
Конец сентября 2016 г.

Одиночество – сволочь

Декабрь, ошарашив жителей Екатеринбургa аномальным теплом, тут же напомнил всем, что на дворе всё же зима. Вода от растаявшего за два дня снега за ночь превратилась в лёд. По тротуару, больше похожему на конькобежную дорожку, осторожно, боясь поскользнуться, медленно шла женщина. Её руки были заняты большими пакетами, забитыми под завязку. От их тяжести и напряжения во всём теле взмокла спина и волосы, что прилипли ко лбу под вязаной серой шапочкой. Наконец, она свернула во двор. Подойдя к ближайшему подъезду, женщина поставила свою ношу рядом с дверями и с облегчением выдохнула. Знакомо пропиликал домофон. На улице проشمыгнула маленькая собачонка, а за ней появилась хозяйка.

– Здравствуйте, Наташенька! С наступающим! – произнесла она.

– Здравствуйте, Ирина Геннадьевна! И вас тоже.

– Как же ты это всё допёрла? Сколько же ужасно. Куда только коммунальщики смотрят?

– Да, гололёд, но что поделать. – Наталья поспешила войти в подъезд.

Она так устала, что ей было не до бухтения её соседки. Сделав последний рывок, женщина поднялась на третий этаж и вошла к себе в квартиру.

«Для кого ты всё это набрала?» – думала Наталья, разбирая пакеты.

– А для себя самой! – тут же ответила себе вслух. – Отпуск у меня или что? Новый год на носу!

Конечно, она знала, что никто к ней не придёт, гостей не будет. Но предвкушение

праздника, даже если и в полном одиночестве, – тоже маленький праздник. И пусть потом, с боем курантов, исчезнут все иллюзии и лишь телевизор с нестареющим «Голубым огоньком» и законсервированными звёздами шоу-бизнеса будут нарушать тишину безнадёжно одинокой женщины. Пусть! Это же будет потом.

Наталья Русланова вот уже пять лет живёт в этой однокомнатной квартире. Это всё, что осталось от «счастливого» брака. Пятнадцать лет семейной жизни теперь уже не кажутся сюжетом дешёвенького сериала. Уже нет слёз обиды, уже нет желания что-то вернуть, сохранить семью. Была ли вообще семья? Сейчас уже не больно от воспоминаний и рассуждений на эту тему. Да и от самих воспоминаний и рассуждений остался только «пшик».

Эта квартира стала её убежищем от сочувствующих подруг, от желающей разбавить её одиночество мужской половины сослуживцев. Она, конечно, давно требовала ремонта, который из разряда ближайшей цели постепенно превратился в почти неосуществимую мечту. Обшарпанные обои и обветшалая мебель, доставшаяся от первых хозяев, так и кричали: «Замени нас!» И вот, это время настало. Отпуск, длинный отпуск, неиспользованный за два года, будет потрачен на ремонт. Сразу, как только страна перестанет праздновать, россияне вернуться к трудовой деятельности, Русланова пригласит к себе ремонтную бригаду. И ничего страшного, что ещё раз бокал шампанского будет поднят в этой пережившей несколько десятилетий обстановке.

Разобрав пакеты, Наталья плюхнулась на маленький диванчик. Глядя в потолок, она планировала остаток вечера. Приготовление закусок и салатов отменялось, так как всего понемногу было куплено и стояло в контейнерах, на полках холодильника. Принять душ, накрыть на стол – вот, пожалуй, и всё, что требовалось. Вечернее платье и макияж давно отсутствовали в списках пред-

праздничной суеты. «Всё будет по-другому. В Новом году всё будет по-другому», – мысленно повторяла женщина. Она не заметила, как заснула.

«Привет! С Новым годом! Хочешь пообщаться?»

Эта эсэмэска пришла после боя курантов. Наталья не слышала знакомого булька, которым оповещали о себе сообщения. Она просто заметила светящийся экран мобильного. Тот лежал на столе, рядом с салатницей. Прочитав текст, женщина отложила телефон. «Какой-то идиот или идиотка ищет развлечений», – подумала она. Её торжественный ужин уже подходил к концу. Наталья встала, чтоб убрать остатки на кухню, когда телефон вновь ожил.

«Почему молчишь? Тебе же одиноко. Я знаю».

– Не твоё дело, – произнесла женщина и, бросив мобильник на диван, продолжила убирать со стола.

Не спеша закончив уборку, Наталья сварила кофе. Она пила свой любимый напиток, стоя у окна, и вдруг поймала себя на том, что прислушивается и ждёт, когда булькнет телефон.

– Ты что? Неужели всё так плохо? – спросила Русланова у своего отражения в окне. – Похоже, что да, – ответила ему же, немного помолчав.

Поставив пустую кружку в раковину, женщина принесла мобильник. «Ничего плохого не будет, если я отвечу», – подумала она. Но почему-то положила телефон на стол и стала мыть посуду. А тот молчал, не булькал, не светил. Мобильник молчал, казалось, вечность, хотя прошло чуть больше часа.

Расстелив постель, женщина выключила телевизор. Она лежала на диване и смотрела на экран телефона. Смотрела и ждала, что тот сейчас оживёт.

– Ну и не надо! Боже, какая же ты дура! Кто-то искал развлечений и, похоже, нашёл. А ты сидишь и ждёшь. Чего ждёшь? Чуда?

Наталья выключила ночник и попыталась заснуть. Даже принятое спиртное не помогло этому. Сна не было. Женщина включила лампу и села.

«Привет. Кто вы?» – набрала она текст и отправила сообщение.

«Давай знакомиться», – ответили ей буквально через минуту.

Так началась переписка, которая втянула, втащила Русланову на порог какой-то новой жизни. Ей очень хотелось большего, хотя бы услышать голос своего нового друга, убедиться, что тот, с кем она общается, действительно мужчина. Ведь где-то в глубине души оставались сомнения, что её разыгрывают бывшие подруги. Конечно же, она набирала и набирала номер, слушала бесконечные длинные гудки и давала отбой. Всё впустую. Антон, так представился её таинственный знакомый, не отвечал и не перезванивал. Может, он женат? Может, не может разговаривать? Может, он вообще немой? Этих «может» в голове было столько, что женщина перестала перебирать их варианты. Она просто спросила его: «Почему?» Ответа не было. Прошёл четвёртый день знакомства, и ни одного послания за сутки. Наталья ждала. Она не выпускала телефон из рук, проверяла баланс, убеждалась, что не разрядилась батарея. Всё было в порядке, не было только ни одной эсэмэски.

Душевный дискомфорт нарастал. Русланова, так стремившаяся к уединению и тишине, считавшая их лучшими помощниками в понимании себя самой, вдруг ощутила страх одиночества. Теперь это её одиночество, такое комфортное и привычное, превратилось в трагедию. Она уже больше не могла переносить общение с собственным Я. Ей хотелось убежать от себя самой, от этого проклятого одиночества. Именно сейчас женщина поняла, что перевалила через пик своего одинокого существования. Её новый таинственный друг словно знал все её сокровенные мысли и желания. Он дал ей надежду. Он напомнил ей, что она жен-

щина, красивая женщина, достойная любви и счастья.

Снова и снова Наталья перечитывала написанные Антоном строки. Просыпаясь по утрам, она приводила себя в порядок, делала макияж и уже не бродила по квартире в старенькой бесформенной одежде. Она словно ждала, что её друг вот-вот зайдёт в гости. Глупо, конечно, но ждала. Иногда ей казалось, что Антон находится рядом и видит её.

Затянувшееся молчание изводило. Русланова не выдержала. «Не пропадай! Я прошу тебя!» – перечитала она набранный текст и отправила эсмэску. И снова ожидание ответа. И снова ничего.

Побродив по квартире, женщина заглянула в холодильник. Продукты, что были закуплены на Новый год, заканчивались. Руслановой пришлось собраться и сходить в магазин. Прохаживаясь среди полок супермаркета, она вспомнила, что забыла мобильник. Наталью словно окатили кипятком. Особо не разглядывая, она побросала продукты в корзину и поспешила к кассе. Женщина бежала домой так, как будто оставила включённым уют на своей самой любимой кофточке. Бросив у порога пакет, не снимая обуви, она метнулась к мобильнику.

– Я знала! Я знала! – повторяла Наталья, увидев на экране долгожданное сообщение.

«Мы обязательно встретимся. Надо только подождать», – эти шесть слов она перечитывала уже пятый раз.

– Подождать? Сколько ждать? Почему надо ждать? – шептала женщина. – Хорошо, я подожду, – согласилась она и как-то обмякла.

Она не стала писать ответ. В этот день Русланова уже не ждала эсмэсок, теперь она ждала встречи.

– Виталик, привет. Это Наташа Русланова. У меня к тебе дело, личное такое дело, – начала Наталья разговор со своим бывшим одноклассником. – Мне нужно по номеру

мобильного узнать владельца, ну и, если можно, его координаты.

Виталий Герасимов – начальник убойного отдела её района. Он хоть и был в шоке от звонка Руслановой, но отказать ей не смог. Собственно, ему это ничего не стоило. А заслужить внимание своей школьной любви было нелишним. Мужчина в курсе, что та развелась с мужем. И как знать, может, сейчас дорога к сердцу его Наташи свободна.

Через три дня они уже сидели в кафешке недалеко от её дома. Герасимов передал конверт и надеялся на продолжительное общение. Но пара дежурных вопросов и ответов – это всё, что подарила Русланова в знак благодарности. Выпив чашечку кофе, сказав спасибо, она поспешила уйти.

Так не терпелось открыть заветный конверт прямо на улице, но женщина решила сделать это дома.

«Остроумов Антон Александрович, 1973 года рождения», – прочитала Наталья, сидя на диване.

Что-то знакомое. Откуда она знает эту фамилию?

– Боже! Так это бывший владелец моей квартиры! – произнесла женщина вслух. – Антон Александрович. Так вот откуда вы знаете номер моего мобильного. Понятно.

Кроме адреса и телефона, никакой информации на листке больше не было.

– Герасимов! Ну ты даёшь, ты же всё это мог сообщить мне по телефону! К чему была эта встреча! Этот конверт! Ну ты даёшь! Я уж думала, тут целое досье. Да уж...

Русланова ещё немного повозмущалась и успокоилась, решив, что ей, собственно, и адреса достаточно.

На следующий день Наталья сделала себе причёску, макияж и, оценив своё отражение в зеркале, подошла к шкафу. Среди множества давно не ношенных вещей нашлись и вполне достойные. Ещё раз критически осмотрев себя со всех сторон, она вызвала такси.

Русланова ехала к дому своего таинственного Антона. Она ещё не знала, решится ли войти в подъезд, но желание увидеть, где живёт человек, так зацепивший её душу, было сильнее каких-то там сомнений. Вот и дом – современный, красивый, повышенной комфортности. Отпустив такси, женщина подошла к стеклянному входу. Предательски задрожали ноги. Захотелось развернуться и бежать. Но было поздно. Её уже заметили. Там, внутри, за стеклом какая-то женщина поливала цветы. Она внимательно смотрела на Наталью, которая совсем не подумала о существовании консержки. «Раз уж ты пришла, давай, вперёд!» – сказала себе Русланова и взялась за ручку двери.

– Добрый день, – произнесла она, улыбаясь.

– Добрый, – ответила женщина, критически разглядывая её снизу доверху. – Вы к кому? Что-то я вас не припомню.

– Я? Я к Антону Александровичу в сорок вторую квартиру, – произнесла Наталья, почувствовав, как предательски краснеет.

– А вы кто ему будете? Родственница, что ли? На похороны приехали?

– На какие похороны?

– На какие, на его, конечно.

Русланова опешила. Она не знала, что делать и что говорить дальше.

– Да я смотрю, вы не в курсе, – продолжала консержка. – Беда же случилась в семье Остроумовых. И ведь главное – когда! Накануне Нового года!

– А что, что произошло? – выдавила из себя Наталья.

– Так погиб Антон Александрович. Авария на дороге произошла. Я точно не знаю, где. Но, говорят, разбился, машина вмятку. К жене спешил, к праздничному столу. 31-го и погиб. Жалко человека, хороший был, не то что его кукла, жена то бишь. Той, по-моему, только на руку его смерть.

Русланова больше ничего не слышала. Она медленно развернулась и вышла на улицу. Несмотря на морозную погоду, женщина расстегнула дублёнку. Она не заметила, как вышла со двора и, переставляя ватные ноги, побрела по улице.

«Я что, схожу с ума? Как умер? С кем я общалась? Так же нельзя. Как так?» – голова кипела от вопросов. Душа разрывалась от непонимания и нежелания принять такую жестокую реальность. Она не заметила, как вышла на проезжую часть. Она не заметила, что загорелся красный свет. Она не слышала визга тормозов. Она не почувствовала удара.

Как-то сразу наступила темнота, пробившись сквозь которую, Наталья ощутила неопределяемую лёгкость. Она не обращала внимания ни на скопление народа, ни на приезд скорой помощи, ни на своё тело, лежащее на асфальте. Женщина смотрела туда, где стоял её таинственный знакомый. Она знала, что это он. Она пошла к нему навстречу, повторяя вслух его последнее сообщение: «Мы обязательно встретимся. Надо только подождать».

Людмила Денисова Гаутинг, Германия

Первый снег

Вчера по крыше хмурый дождь осенний
Стучал весь день – мажорных красок тать.
На полке где-то брошена тетрадь –
Хранитель строк от прежних вдохновений.

Её б открыть и записать слова,
Но в дни такие не приходит муза,
Лишь боль в груди от беспросветья груза,
От мыслей чёрных пухнет голова.

А нынче утром всё куда-то делось.
Испита чаша осени сполна,
И за окном открылась белизна –
То первый снег прогнал природы серость.

Сплетён на ветках кружева узор
Рукой искусной щедрой мастерицы.
И всё на солнце жемчугом искрится,
Пейзаж вокруг притягивает взор.

И пусть такая прелесть ненадолго:
Зима в права вступает не спеша.
Но оживает сонная душа,
И замирает сердце от восторга.

И ты поймёшь: иного нет пути,
Что стоит жить таких мгновений ради.
И руки сами тянутся к тетради,
И муза снова птицею летит.

Зимний сонет

Последней каплей скучного дождя
Ушла изрядно вымокшая осень.
Зима уже свои порядки вносит,
Красы осенней боле не щадя.

Сковав все реки толстым слоем льда,
Она примчалась в белой колеснице,
Прошлась по миру властною царицей,
Своим величьем искренне горда.

Одела лес в узорчатые шали,
И заискрились как алмазы дали.
Укрылись белым саваном поля.

И мы готовы от хандры очнуться,
Чтоб тоже в эту сказку окунуться
Длиной до середины февраля.

Зимняя ночь

Пламя зари отгорело над соснами,
Ночь опустилась на лес.
Звёзды украсили яркими точками
Тёмную сферу небес.

В речке застывшей луны отражение
Грустно дрожит и молчит.
Колокол выдал за лесом селение
Парой ударов в ночи.

Дымом повеяло: печи затоплены.
Зимушка – это всерьёз.
Днём напоив свежим воздухом допьяна,
К ночи крепчает мороз.

С ним до утра неразлучно повенчанный
Мир тишиною объят.
Лишь запоздалой повозки бубенчики
Где-то тихонько звенят.

Но, увы, печален был финал.
Отчего ж бежала я из зала
И тихонько слёзы вытирала?
Ты другую в вальсе обнимал.
Как ждала я новогодний бал!

Оливье

В Новый год в любой семье
Делать будучи оливье.
Сей салат с названием броским
Изобрёл француз московский.
 Вызвал он ажиотаж
 В ресторане «Эрмитаж».
 А салат простой, как сказка:
 Огурцы, лучок, колбаска,
Два яйца к колбаске той
И картофель отварной.
Аккуратно всё порезав,
Заправляем майонезом.
 Этот простенький урок
 У французов вызвал шок:
 «Это ж явная подмена,
 Вы не трогайте Люсьена.
Много лет тому назад
Был другим его салат:
Рябчик – он из кур семейки,
Дальше раковые шейки
 И икорки паюса.
 Так при чём тут колбаса?
 Жаль, рецепт французский сгинул,
 Как Люсьен сей мир покинул.
Так что, граждане-месье,
Ваш салат – не оливье.
Вариант такой закуски
Мы зовём “салат по-русски”».

Прим. автора:

Знаменитый салат был изобретён в середине XIX века французским поваром Люсьеном Оливье – владельцем трактира «Эрмитаж» на Трубной площади в Москве.

Страдания Деда Мороза

Средь снегов лесной опушки,
Между ёлок и берёз
В ледяной своей избушке
Чешет репу Дед Мороз.

Раньше он дарил игрушки:
Кукол, плюшевых зверей.
Заводные безделушки
В радость были, а теперь...

Пишут в письмах ребятишки,
Принеси, мол, Дед, давай
Мне айфон, а брату Мишке –
Ноутбук в сто гигабайт.

Кто планшет какой-то хочет,
А один большой балбес,
Второгодник, между прочим,
Запросил аж «мерседес».

Оттого Дед и страдает,
Что не может он понять:
«Я и слов таких не знаю,
Где мне это чудо взять?»

Он Снегурочку-девчонку
Вызывает на совет.
Та, слегка поправив чёлку,
Тут же выдала ответ:

«Дед, тут вот какое дело,
Изменилась жизнь кругом.
Да и мне быть надоело
В Новый год со стариком.

Мне тебя, конечно, жалко,
Но и ты меня пойми
И скорее олигарха
Хоть какого подари.

Быть его женой законной
Непременно я должна». –
«Да, – вздохнул Дед обречённо, –
Тяжки нынче времена».

Страницы автора
domstihov.ru/users/denisova
stihi.ru/avtor/denisova2

Снежная буря

Затерялась луна в облаках, как в сугробах.
Сыплет снежное просо с небес решетом,
Зацепившись за ель, как за шпиль небоскрёба,
Плачет туча под ветра глухой баритон.

Разгулялась позёмка до воя, до дрожи,
Застонали деревья, срываясь на крик.
А вокруг ни души, лишь случайный прохожий
Пробежит сквозь пургу, приподняв воротник.

Новогодний курьёз

Новый год почти пришёл. И душа уж ноев,
Просит сесть скорей за стол и разлить спиртное.
Можем выпить мы теперь, спать услав потомков,
Но звонок раздался в дверь необычно звонко.
И кого там чёрт принёс? Только-только сели.
Открываем – Дед Мороз, да ещё при деле.
Он снимает с плеч мешок: «Здесь подарок Вите.
Но сперва прошу стишок, вы уж извините».
Вынимает из мешка самосвальчик детский.
Неужели от стишка никуда не деться?
Выступаю я вперёд, почесав за ухом:
«Стих читать – не мой черёд. Дед, такая штука:
Витя – я, не пяль глаза, ведь письмо, робея,
Тридцать лет тому назад написал тебе я.
Ждал подарка, но, видать, не читал письма ты». –
«Не читал? Какая статья? – молвил бородатый, –
Вы старания мои лучше не порочьте,
А претензии свои предъявляйте почте.
Я заказы ребятни выполняю с толком». –
«Дед, меня ты извини, но стишок под ёлкой
Может сын мой прочитать, дошколёнок Вова.
Жаль, он лёг уже в кровать, сны глядеть готовый.
Но прочтёт, к тому же он тоже ждёт подарки
И в письме просил айфон, самой новой марки».
Дед затылок почесал в поисках ответа:
«Я письма не получал, и айфона нету.
Но заказы всё равно остаются в силе.
Вы отправили письмо почтою России?» –
«Да, – я выпалил в ответ, разговор итожа, –
Неужели тридцать лет ждать ребёнку тоже?»

Валерий Лепов

Якутск

Рускеала

В Петербурге солнца мало,
но тепло. Нева течёт.
И рождественским подарком
снег упал на мокрый лёд, –
тонким хрустким одеялом
под сиянье белых звёзд
зимний праздник Калевалы
в волшебство камней ведёт.

Колокольный звон приносит
ветер северной земли, –
в декабре зима и осень
в дивной Ладоге сошлись, –
где подземные богатства,
белый мрамор и шунгит
и берёзовое братство
в древних рунах тихо спит.

Петербург – окно в Европу,
на финляндские снега, –
ни любви, ни слёз не просит,
потому что Ленинград.

Отчего на солнце белом пятна?
Это просто может быть любовь,
и зима холодная приятна.
Происходит смена полюсов.
Снег и ветер, мерзкая погода,
но чирикнул кто-то у окна
на рябине около порога –
ждёт, когда уже придёт весна.
Он давал присягу этим летом,
жарким солнцем, проливным дождём,
перьями покрылся и обветрен,
а теперь снегами пригвождён.
Пусть на солнце белом будут пятна
и зима приходит, коль весной
снова счёт запустится обратный,
лето возвратится в край родной!
И тогда солдат получит отпуск,
и сыграет свадьбу, может быть,
и детей поднимет к синим звёздам,
и покажет место у рябин.

Под ёлку ёжики ложились,
и зайцы грелись у корней.
Зачем красавицу спилили,
оставив только голый пень?
Пускай она смолою свежей,
в меха одетая гирлянд,
поможет новые надежды
вселить и дух поднять ребят,
посмотрит мир с его изнанки,
узнает тайны городов
и станет эпицентром танцев,
чтоб обрести свою любовь.
Пусть век её не будет долог,
ей в окружении дерев,
детей и внуков на пригорках
не суждено, лысея, млеть.
Она украшена звездой,
свечами плавится, горит,
превознесённая молвою,
и попадёт в календари.

Страница автора

soyuz-pisatelei.ru/forum/261-9225-35

Наталья Колотилина

Кашино, Московская обл.

Новый год

Подошёл Новый год незаметно.
Но его ты увидишь приметы
В гуле рынков и в шуме вокзалов,
В блеске улиц и праздничных залов,

В доброте новогодних посланий,
В суете «огоньков» и гуляний,
В поздравленьях, итогах, собраньях,
В представленьях, концертах, свиданьях;

В паре саун и бань, в дискотеках,
В клоунадах, весёлых потехах,
В весе сумок и в милых подарках,
В дед-морозах, снегурках и санках,

В детском смехе, на тройках катаньях,
В маскарадах, блинах и гаданьях...
Но главное всего – это ёлки!
Ведь без них как без рук, но не только:

Нет без них новогодних базаров,
Где мы их, как коней, выбираем,
А потом, спеленав и стреножив,
По квартирам несём, кто как сможет.

И к тому же куда Дед Мороз
Будет прятать презент, что принёс?
Новый год! Вы подумайте сами:
Сказка будет везде вместе с нами.

А когда нам куранты пробьют,
Мы весёлый устроим салют!
И ещё загадаем на счастье,
Чтобы не было в мире ненастий,

Чтоб покой был, достаток в семье
И здоровья тебе и себе,
Чтобы дети и внуки выросли,
А родители меньше старели.

Чтобы женщин любили мужчины,
Чтоб для ссор не осталось причины!
Друзья,
С Новым годом!

Рождество

Сегодня праздник. Рождество.
В церквах проходит служба.
На свет явилось Божество.
Христа все славят дружно.

А на дворе скрипит мороз!
Деревня в белом хладе
Стоит среди елей и берёз
В серебряном окладе.

Последний раз за этот день
Хозяйки стол натажат:
Соленья, выпечка, кисель...
Короча, постный ужин.

Но только первая звезда
Рождественскому посту
Провозгласит конец, тогда
Обильный стол и тосты.

Колядки ходят по домам,
Раскрасив лица сажей.
Под звук гармошки шум и гам,
В твой дом заходит каждый.

Тебе посыпят на порог
Зерном, желая счастья,
Чтоб в доме не было тревог,
Чтоб обошли ненастья.

Веселье брызжет через край,
Попевки в смехе тонут!
Гостинцев ты с собой им дай
И пожеланий тонну.

И две недели – маскарад,
Народ гуляет Святки.
Красивый прошлого обряд:
Гаданья, ярмарки, колядки!

На Святки

Съеду с трассы на просёлок,
И как будто в сказке я!
Лентой вьётся между ёлок
Снежной пылью колея.

И хоть житель я столичный,
В эти святочные дни
Соблюдаю всё ж привычно
Я обряды старины:

За Сочельником уж Святки,
С Рождества идёт гульба:
Игры, ряженья, колядки,
А в Крещение – ворожба.

Далеко моя деревня:
За Вазузою-рекой,
Где стеной стоят деревья,
И за Волгою родной.

Белой ватой снег на ёлках,
А берёзки – в кружевах.
Что-то каркает без толку
Чёрный ворон в облаках.

Еду я. Мои пенаты
Ждут меня из раза в раз.
Дверь в свой домик, как в палаты,
Отворю сейчас для вас.

Снова «к чёрту на кулички»
Мчусь на встречу чуть дыша,
В настроении отличном,
Где поёт сама душа.

Ольга Митькина

Москва

Новогоднее

Счастье прячется где-то
В рождественской ели.
Мы заметить его
Среди веток успели.

Мы подкралась на цыпочках,
В хвое счастье лежало,
Там же мы нашли веру.
А это немало!

Веру в то, что любовь
Будет с нами повсюду.
Люди будут добрей
И поверят вновь чуду.

Веру в то, что наступит
Скоро мир на планете
И найдут своих мам
Одинокие дети.

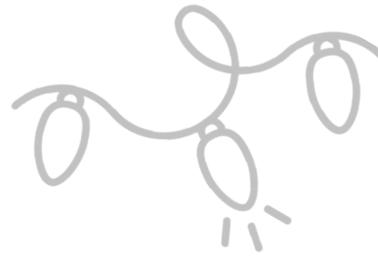
И голодные псы
Найдут где-то приют.
И в домах будет свет,
Смех, забота, уют.

Новый год

Гимн играет с экрана.
Торжественен и велик.
Сейчас закончится год.
Запомнить бы этот миг,

Когда пахнет хвоей в доме,
Огни сверкают на ели.
Дети смеются громко,
Костюмы зверят надели.

Шампанское льётся в фужеры.
Давно приготовлен тост.
И, кажется, мир так прекрасен,
Так ярок и очень прост.

Дед Мороз раскидал
Белый снег как алмазы,
И снежинки на шапках
Сверкают как стразы.

Дети ждут Новый год,
До курантов считая минуты,
Люди ёлки несут
И подарки сиротам в приюты.

Много ярких огней
На витринах и серых домах,
И так хочется, спрятав
Сомненья и страх,

Пожелать всем удачи
И новых блестящих побед,
Счастья, новых друзей
И здоровья на тысячу лет.

Страница автора
www.olgamitkina.com

Инна Андрианова Калининград

Полыню пахнет Родина моя.
Когда за летом вслед приходит осень,
Полынная горчит судьба, но я...
Я не грущу, покоя сердце просит¹...
Полынный дух не помнит дом зимы,
Где замерзает на лету дыханье,
Где властвует душа холодной тьмы,
Где снег подлунный – вечности мерцанье...

Часы пробьют двенадцать раз,
И в мире сказок виртуальном
Застрянет тувелька как страз.
(Мне подошла бы идеально?)
Отстали сказки, не догнать
Дня нынешнего выюгу злую.
И острых льдинок поцелуи
Застынут на ветру опять.
И чья промёрзшая душа
В окно стучится ровно в полночь?
И жаждет свой бокал наполнить
И выпить влагу не спеша...
И чьи глаза блестят вовне?
Чей голос страшно вдруг завоет?
Какого жуткого изгоя
Мне образ явится во сне?

¹ Цитата из стихотворения «Пора, мой друг, пора!» А. С. Пушкина.

Часы двенадцать раз пробьют,
И вновь рассеется тревога,
И тихо встанет у порога
Мой Новый год, найдя приют...

Эхо

*По мотивам картины М. А. Врубеля
«Портрет Н. И. Забелы-Врубель на фоне
берёзок». 1904 г. Акварель, пастель...*

Стволы берёзок – ангельские трубы,
Ниспосланные небом для земли.
Душа земная их – Надежда Врубель,
Чей голос растворяется вдали.
Они рожают в сердце только нежность,
Они в душе рожают только грусть:
Любая жизнь приводит в неизбежность
Уйти ко времени, порой в смятенье чувств.
Остановись, прекрасное мгновенье!
Улыбка губы тронула слегка,
Взгляд лаской обнимает мир, издалека
Струится тихо ангельское пенье,
И бабочкой порхает вдохновенье
У яркой шляпки с формами цветка...

Рекомендуем сборник автора

Книга в каталоге
knigi-market.ru/shelest-mira

Сергей Анохин Шебекино, Белгородская обл.

Дождь пахнет бензином и пылью,
лоснится пустое шоссе...

Берёзы вдруг заголосили
все разом в лесной полосе,
и листьев кипящая стая
с тяжёлых ветвей сорвалась
и, в сумрачном воздухе тая,
с гудящим простором слилась.

Как будто и не было вовсе
весёлой и пёстрой листвы,
лишь властно ворочалась осень
в остатках пожухлой травы!

Но ветви берёз все тянулись
В ту сторону, где их листва
исчезла...

Ко мне вдруг вернулись
надежды простые слова –
как ветви всё тянутся думы
к тебе; и, тревогой дыша,
противясь порывам угрюмым,
светлеет, светлеет душа.

Ты уйдёшь...

Ты уйдёшь от меня, дорогая,
от запившего, злого, чумного,
заблудившийся мир отторгая,
обретёшь себя, юную, снова.

Снова станешь спокойной и чуткой –
будешь прежнею дочкой и мамой,
и покажется скверною шуткой
бой за жизнь мою, злой и упрямый...

Но прошу: не считай за потерю
эти годы, что мне посвятила:
безрассудно влюблённого зверя
в твоём сердце останется сила.

Поздно встретились мы!.. Как собаки,
годы глупостей – сворой – по следу!
От последней – бессмысленной – драки
я уже не уйду, не уеду...

Людмиле

Я ничего не говорил,
рукой предчувствуя перила,
как будто бы согласен был
со всем, что ты мне говорила.

Ты говорила, что в беду
моя дорога и в ненастье,
но я-то верил, что найду
своё – единственное! –
счастье.

Так явно помнится теперь:
непримиримо, что есть силы,
закрывл некрашеную дверь,
а та вдруг вскрикнула:
«Людмила!..»

Гоню, гоню виденье прочь –
за годы, в марево метелей,
но гулко-гулко, как в ущелье:
«Людмила!..» –
вскрикивает ночь.

Осинники, Кемеровская обл.

Сижу на скамейке, от солнца в тени,
Кормлю голубей свежей булкой.
А кончился хлеб – разлетелись они,
Осталась одна лишь голубка.

И я пригляделся – подранок она,
И булочки ей не досталось,
Сидела в сторонке и тихо ждала,
Чтоб крошки хотя бы остались.

Мне новую булку нетрудно достать,
Решил – накормлю голубицу.
Но тут же слетелась вся стая опять,
Голодной останется птица...

Вот так же и люди – идут напролом,
Дерясь и локтями толкаясь,
И не замечая, что рядом со злом
Другие стоят, унижаясь.

Никто не поможет, руки не подаст,
Они лишь себя только тешат,
А если придётся – обманет, продаст...
Мы словно как голуби те же.

Ах, как хочется мне до рассвета дожить и не сгинуть.
Из такой глубины на цветущую землю шагнуть.
И на солнце взглянуть, свежий воздух плечами раздвинуть
И супругу обнять, что люблю, ей на ухо шепнуть.

Мы привыкли к тому, что не одна сотня метров над нами.
Эту тяжесть земли я не в силах теперь превозмочь.
Закрываю глаза, вижу, жмутся к заплаканной маме
Две головки с бантами. Я ничем не могу им помочь.

Слышу скрежет лопат где-то рядом. И смерть где-то рядом.
Кислород ещё есть. Он и будет, пока я дышу.
Нас найдут, откопают и скажут: «Вы живы, ребята?»
Что ответить, не знаю. Наверно, воды попрошу.

Ах, как хочется мне до рассвета дожить и не сгинуть.
Из такой глубины на цветущую землю шагнуть.
И на солнце взглянуть, свежий воздух плечами раздвинуть
И супругу обнять, что люблю, ей на ушко шепнуть.

Внучок

Растёт внучок, растёт
Один у семи нянек.
Уж деда узнаёт,
Ручонки свои тянет.

И замирает весь,
Сжимается в комочек,
Когда взлетает ввысь,
И весело хохочет.

И слюнки изо рта
Мне капаят на плечи.

А бабка-суета:
«Полегче, дед, полегче!»
Да я не уроню,
Силёнка есть покуда,
И детскую слюну
Я долго помнить буду.

Могу купаться в ней,
От счастья умирая, –
Давно хотел детей
Подбрасывать, играя.

Мы поменяемся ролями,
Когда-нибудь произойдёт:
Бродяги станут королями,
А короли уйдут в народ.

Альфред Бодров

Хотьково, Московская обл.

Облетевшая берёзка

Как курантов бой глубокий
Оставляет след в сердцах,
Так и песни голос звонкий
Не умолкнет на устах.

На юру стоит берёзка
С облетевшею листвою.
На ветру поёт девчонка
С золотистою косой.

И о чём поёт девчонка
С золотистою косой,
Подпекает ей берёзка
С облетевшею листвою?

Тихо милая берёзка
Обнимает облака.
На ветру поёт девчонка
Про притихшие поля.

Кубанские напевы

*Кубань, или Псыжъ – конь вздыблённый.
(Из сказаний о нартах)*

Кубань, река родимая,
Торопишься, спешишь.
Галопом, сердцу милая,
Вперёд как конь летишь.

Кубань, ты горделивая,
Под солнцем ты не спишь.
Душа моя родимая,
Собою что таишь?

Кубань, река глубокая,
Тебя не перейти.
Душа моя широкая,
Нам счастье как найти?

Кубань, река родимая,
Коварства не простишь.
Кубань, ты сердцу милая,
Под небом вдаль летишь.

Кубань, река сердечная,
Нам многое простишь.
Душа моя беспечная,
Измены не простишь.

Несчастье нам, коварная,
Иль радость принесёшь?
И тайну ты, лукавая,
С собою унесёшь.

Кубань, ты сердцу милая,
Не смею ноги мыть.
Кубань – река родимая,
Бесчестье в ней не смыть.

Кубань, река сердитая,
Торопишься, спешишь.
Галопом ты, родимая,
Вперёд как конь летишь.

Наталья Дёмина

г. Саратов

Моя Пустыня...

Туда-сюда. Туда-сюда.
 Пустыня. Солнце. И жара...
 А караван идёт, идёт...
 Верблюд мой медленно плывёт...
 Неторопливо, свысока
 Взирает он на мир, меня.
 Покачиваясь на волнах,
 Идём уже который час...
 Песок. Песок. Песок везде:
 Песок в глазах, песок в еде.
 И не спасает паранджа –
 Песок въедается в меня...
 Скрипит уже он на зубах...
 Песок... Он в душах и сердцах.
 Горячий, страстный, золотой
 Сверкает – прикоснись рукой.
 Он набегаёт как волна.
 Барханы движутся сюда...
 А может, буря впереди?
 Пустыня, жизни не губи!

Лишь саксаул и гребенщик,
 Литопс... А солнце так палит,
 И по спине стекает пот.
 Во фляжке был один глоток.
 Пльвём. Пльвём. Пльвём. Куда?
 Песок. Песок... слепит глаза.
 Могу дремать – верблюд идёт
 И время медленно ползёт.
 Вдруг оживились всё вокруг,
 Ведь впереди цветы цветут.
 Дворец, там пальмы и фонтан.
 Оазис – в дар пустыне дан.
 Погонщик с криком нас погнал.
 Верблюд бежит, узнав сигнал...
 Между горбов трясусь, держусь,
 Упасть с него я так боюсь.
 И напряжение растёт:
 Чуть-чуть осталось до ворот.
 Чуть-чуть, а сердце так стучит,
 Спина уж ноет и болит,
 И ноги тоже затекли,
 Как будто вовсе не мои.
 Поводья сжав в своих руках,
 Скачу... скачу... стучит в висках...
 Зажмурила сильней глаза,
 Дыханье сбилось у меня.
 Крик, шум, фырчанье... и песок...
 Он дымкой стелется у ног.
 Песок вдыхаю через раз –
 Он будет сниться даже в снах.
 И по команде – тишина...
 Мы добрались! Ура! Ура!
 А разговоры словно мёд...
 Текут, сливаются... и вот...
 Верблюд мой на колени встал.
 Спускаюсь. Вижу, как устал.
 Но поднимается опять:
 Да, эту гордость не отнять!
 Он словно знает жизни суть...
 А я пытаюсь не заснуть.
 Палатки белые стоят,
 Как будто облака парят.
 Здесь небо встретилось с землёй...
 Всё опьяняет красотой!
 Журчит вода, цветут цветы
 И запах специй... Не спеши...
 Пустыня замерла и ждёт...
 Горит, пылает горизонт,

И дюны в розовом уже,
Их темнота зовёт к себе...
Ночь. Звёзды. Миллиарды звёзд.
Их яркий свет тебя влечёт:
Чем больше смотришь, тем они
Всё ближе, ближе... Оцени...
Пустыня, звёзды, ночь и я...
Раскрыты тайны бытия?
Луна, верблюды и песок...
Душа ликует и поёт...
Песок, а в нём песчинка – я...
Жизнь удивляет иногда.
7 октября 2018 г.

Звёзды над Самаркандом...

Звёзды над Самаркандом –
крупные, как алмаз,
Яркие бриллианты
томно горят сейчас.
Видели слишком много,
не отводя свой взгляд.
Были омыты кровью
много веков назад.
Гордость не потеряли,
славу – перенесли,
Но от гордыни пали,
память лишь сберегли.
Есть и дорога боли,
горы её несут.
В «золоте» и глазури
все минареты тут.
Словно упало небо, –
может быть, это рай...
Звёзды над Самаркандом...
ближе, ты так и знай.
6 октября 2018 г.

Перчатки

Время остановилось.
А для него бежит.
Может быть, всё приснилось?
Вряд ли кто устоит...
Руки совсем замёрзли.
За руку не держу.
Можно надеть перчатки.
Можно, но не хочу.

Ветер сильней и злее.
Слёзы стоят в глазах.
Руки в карманах греешь?
Боль опьяняет страх...
Если не доверяешь,
чувства – только слова.
Может быть, потеряешь
то, что не для тебя.
Руки в чужих перчатках...
Сколько ты грел, скажи?
Если замёрзли руки,
нужно иметь свои.
Может быть, не перчатки...
варежки подойдут?
Время остановилось.
Только ведь где-то... ждут...
2018 г.

Неслучайно

Мне не становится легче.
Я не могу убежать.
Я не могу. Но стараюсь...
Умом всё это понять.
Случайно... в лифте столкнуться,
Случайно... выбрать этаж.
Случайно... Жизнь – неслучайна
И всё решает за нас.
Нет прав на эти объятия
И поцелуи твои.
Дорога счастья жестока...
Мы несвободны в любви.
Тону в трясине. И плачу.
Не вырваться. Не сбежать.
И привяжусь ещё больше,
Не в силах слёзы сдержать.
Когда кого-то полюбишь,
То прирастаешь душой.
И что для сердца важнее:
Жить с кем-то или с тобой?
Искать виновных, ответы...
И вновь в трясине тонуть.
Решить, решиться... А может,
Тебя опять оттолкнуть.
Жизнь с нами в покер играет,
Но флеш-рояль не собрать...
Две пары, тройка, фулл-хаус...
И продолжаем молчать.

Хочу увидеть... до боли...
 Всего мгновение... но...
 Мы несвободны, а это
 То, что нас тянет на дно.
 Легко грехи осуждаешь,
 Пока они не твои...
 Ты видишь, камни бросают
 И разбивают мечты.
 Случайно... Жизнь неслучайна...
 Она решит всё сама.
 Казалось – шанс, а в итоге
 Дорога вновь в никуда.
 Идти? Увязнуть? Бороться?
 Всё очевидно давно:
 Живи, чтоб не было стыдно.
 А как? Не знает никто...

2018 г.

К портрету С. Есенина

Глаза... В них вера, боль, надежда
 И одиночество души.
 Чуть-чуть иронии в улыбке
 И предвкушение любви.

Быть «золотым», но жаждать счастья:
 Непониманья груз несёшь?
 Признание... Признаний уйма,
 Но сердце-то не проведёшь.

Насквозь жизнь видеть и бояться,
 Отвергнутым в итоге быть...
 Взгляд... Только взгляд... Одна возможность
 И жить, и чувствовать... любить...

Осень

Осень почти настигла... Чувствуешь – не сбежать.
 Руки сжимает крепче... Трудно уже дышать.
 Двигаться невозможно. Взгляд свой не отведёт.
 Знает твои все страхи и с вождельем ждёт.

Солнце тепло подарит, в золото мир одев,
 Но увядают краски, свой исчерпав резерв.
 Осень... она такая... гордо несёт себя...
 Быстро проходит мимо, но позовёт тебя.

Вот оно, благородство, – шанс подарить второй...
 Кто-то ещё вернётся, кто-то идёт с тобой...
 Молча подходишь к краю, молча глядишь в глаза,
 Молча... Она-то знает, как проводить тебя.

Дождик тебя оплачет, ветер смахнёт слезу,
 Золото под ногами... Золото – ни к чему...
 Нежно тебя целует. Просит закрыть глаза.
 Чувствуешь – слишком поздно.

Вот и пришла... зима...

2018 г.

Страницы автора

ok.ru/profile/412089114258

vk.com/n.v.demina

Николай Ивлеев

Малая Грибановка,
Воронежская обл.

Гражданин

Томясь надеждой безотрадной,
Без должной веры в свой успех,
В подлунный мир не в меру жадный
До власти, денег и утех,
То преднамеренно лукавый,
То без стыда поющий лесть,
Всегда готовый ради славы
Топтать достоинство и честь,
Всегда настигнутый пороком
До самых избранных вершин
Пришёл я скромно, не пророком –
Как беспокойный гражданин.

Особой роли не имея
От Всемогущего отца,
Учить и поучать не смея
Других от своего лица,
Я вижу долг в труде суровом
Без поручения Творца
Будить непринуждённым словом
Толпы заблудшие сердца
И в век, прославивший тиранов,
Мир потопляющих в крови,
Напоминать ей не устану
О силе правды и любви!

О пищущем коммунисте

Его судьба и участь решены,
И после смерти он не канет в Лету;
Его Господь не призовет к ответу –
Он был рождён по воле Сатаны.

О нашем мнении о Сталине

Европа думает, что мы
Уже идём к свободной мысли;
А мы, отчалив от тюрьмы,
В тюремном двореке зависли!

Зюганов говорит

Зюганов говорит, Союз работал здорово,
Трудились все не покладая рук,
Тогда в стране производилась прорва
Товаров всяческих и всяческих услуг.

А мне по возрасту события те близки
И хорошо запомнились те дни:
Тогда Союз производил одни
Не подкреплённые товарами приписки.

О первом президенте

Он реноме своё освоил
И мальчиком для порки стал,
Клеветникам не прекословил,
Хулителям не возражал.

Да, было, лгал порой народу
И обещал на рельсы лечь,
Зато сумел для нас свободу
От посягательства сберечь.

Да и народ не так уж честен,
Не так разборчив и умён.
Путь коммунистов нам известен,
Но их сзывает к власти он.

Народ готов отдать им право
Беспрекословно зло творить,
Он всё забыл и путь кровавый
Способен снова повторить!

Дума диктатора

Я страшной жизнью жил и знаю:
Чужие жизни не щадил;
Теперь себя я проклиная
За то, что столько душ сгубил.

В душе уж мёртво, мне отрада
Одна лишь смерть – всему конец;
Моя желанная награда –
Страданий избранный венец!

Лишь оболваненные нами
И старики, и молодёжь
Нести продолжают наше знамя,
Приняв за правду нашу ложь,

Но жалки мне фанаты эти,
Ведь в убеждениях своих
Им на земле не солнце светит,
А ложь и трусость греет их.

Их жизнь исполнена печали,
Им правда чистая горька,
Ум не приемлет светлой дали,
И цель тревожна и низка.

Подлец меня, наверно, будет
Хорошим словом вспоминать,
Но в мире есть другие люди –
Они не станут сострадать.

Их состраданье не напрасно –
Оно у пропасти межа,
Но им души моей несчастной
Тоской измученной не жаль!

Нас коммунисты в светлый рай вели,
Мы жили весело, работали ударно,
Шагали с песнями, пока не добрались
До помощи гуманитарной.

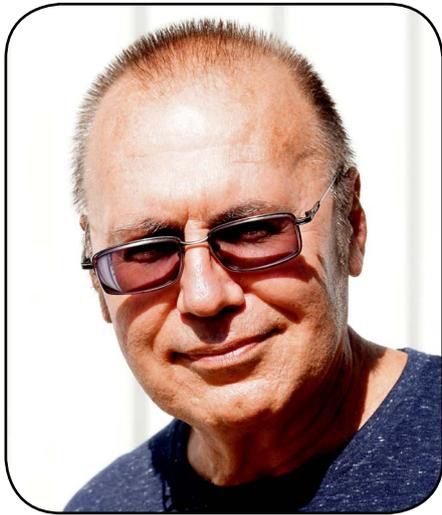
А демократы не учили жить,
Крестьянам землю дали без обмана
И то, что мы себя не в силах прокормить,
Сегодня кажется бессмысленным
и странным.

И вновь зовут нас коммунисты в строй,
У них Грудинин и другие профи,
А это значит: быть нам во второй
Гуманитарной катастрофе.

Родина

Брови хмурые, седые,
Боль в зрачках суровых глаз –
Я такой тебя, Россия,
Представляю всякий раз:
Ни девчонкой светлокудрой
Озорницею босой,
Ни берёзкой, вешним утром
Разжемчуженной росой.
На борьбу, на труд готовой,
В замордованной стране
Измождённой и суровой
Вспоминаешься ты мне:
На руках разбухли вены,
К позвонкам прирос живот,
Знать, ворочаешь без смены
Ты уже не первый год!
На фантазии богатых,
Здравомыслию назло,
На детей придурковатых
В прошлый век тебе везло.
Эти Марьи да Ивановы,
Не смыкая в ночь очей,
Ждут сидят небесной манны
От зюгановских речей.
Для чего им быть богатым,
Для чего им рвать пупок?
Им бы в руки автоматы
И тогда, суди их Бог,
Всё бы вновь разворотили,
Разгромили всё насквозь,
Но зато довольны были:
Всё по-ихнему сбылось!

Андрей Ивонин

Москва

Времена года

Синее небо и прозрачней свет.
Шаги и речи глуше, но природа,
Не верь глазам, не умирает, нет,
А только засыпает на полгода.

Зима замедлит ход ручьёв и рек.
Скуёт дороги. Путником усталым
Пройдёт по тихим улицам, и снег
Укроет город белым покрывалом.

И жизнь замрёт. Надолго. Но едва
Ветра умолкнут и пригреет солнце,
Как молодая, юная трава
Поднимется и сквозь асфальт пробьётся.

И мы, прервав мучительные сны,
Сердца откроем, будто настезь двери,
Для новых чаяний, для счастья и весны,
И вновь в своё бессмертие поверим.

Глобальное потепление

Сырой асфальт. Пьют голуби из луж.
Природа жжёт и, проявляя рвенье,
Взамен декабрьских холодов и стуж,
Глобальное готовит потепленье.

Течёт поток из грязи и воды
По тротуарам слякотным, и тают
В Гренландии арктические льды,
И птицы на юга не улетают.

И только ветры в непроглядной тьме,
Срывая с плеч плащи и покрывала,
Стараются напомнить о зиме,
Которая как месяц уж настала.

О чём ещё писать, как не о лете,
в бесцветной и промозглой полумгле
вечерних сумерек, при приглушённом свете
настойной лампы на моём столе,
когда иллюзий пёстрые картины
вдруг невзначай проявятся из тьмы
и в комнату вплывут, как бригантины,
среди метелей, снега, и зимы?

О чём справляться, как не о погоде,
у хмурого седого декабря,
когда последний месяц на исходе
и ветер рвёт листки календаря?
И в четырёх стенах пустого дома,
день проведя в смиренье и мольбе,
в уютном кресле в сладкой полудрёме
о ком мне думать, как не о тебе?

Скучаю

Нет, жребий мой не случаен.
Всё вытерплю и приму.
Но всё же опять скучаю
по голосу твоему.

По зуммеру телефона,
звонящего поутру.
По проводам у перрона
на холоде, на ветру.

По выверенным, неспешным,
казалось, простым словам,
по резким твоим насмешкам,
читаемым по губам.

Так призрачно всё и хрупко.
и будет таким и впредь.
Возьми же скорее трубку!
Скорее, молю, ответь!

Мы простимся чужими. Холодный январь
Треплет ветки озябших рябин на ветру.
В день такой же, как этот, в такую же хмарь,
В середине зимы я, наверно, умру.

Будет сердце искать напряжённо ответ.
Будут путаться мысли, как в тёмном лесу.
Эту тёплую нежность, и муку, и свет
Несказанной любви я с собой унесу.

Я отсюда уйду. Далеко. Навсегда.
Улечу к небесам в жарком вихре огня.
Если всё-таки нет мне прощенья, тогда
На земле даже ты не удержишь меня.

Параллельные миры

Есть параллельные миры
в той беспредельности колючей,
в которой правила игры
диктует нам счастливый случай.

Где до конца не отделить
в канву судеб вплетённой нити.
Там, где имеет место быть
иная версия событий.

Где в позабытом далеке
стремленья не были напрасны.
Где мы идём рука в руке
под небом радужным и ясным –

наивны, молоды, смешны,
восторженны и, как когда-то,
до смерти влюблены. Где ты
ещё ни в чём не виновата.

Метут, метут метели,
И липкий лепит снег.
Как будто в самом деле
Прощаемся навек.

И тучами над нами
Затянется просвет.
Как будто знаем сами:
Назад дороги нет.

Гуляет ветер в поле.
Уходит поезд в ночь.
И неизбывной боли
Уже не превозмочь.

Стучит, как дятел, в темя.
Бьёт в бровь, под дых и в пах.
Остановилось время
На каменных часах.

Не различимы звуки,
Не распознать следы.
И холодеют руки
В предчувствии беды.

День не заладился в самом начале.
Полнился заревом цвета крови.
Часы на комодке угрюмо молчали,
Остановившись на полуслове.

Тщетное время в попытках грубых
Просто проснуться – всегда слишком рано.
Вода, настоявшись в проржавленных трубах,
Долго и шумно текла из-под крана.

Утренний чай, остывающий завтрак –
Всё, как всегда, и до боли знакомо...
Люди, кутаясь в шубы и шарфы,
Как на войну выходили из дома.

Страницы автора
www.facebook.com/andrej.ivanin
vk.com/ivoninmb

Зима

Кружили снежные метели
над зимним лесом, и в итоге
деревья голые надели
туники белые и тоги,

став целомудренней и строже
и неприступней, чем когда-то.
И были их стволы похожи
на портик римского сената,

где календарь и непогода
готовят новые препоны.
Где на ближайшие полгода
иные действуют законы.

Мороз за минус двадцать.
Метели кутерьма.
Не думает сдаваться
Упрямая зима.

За снежную корону
Стоят снеговики.
И держат оборону
Последние полки.

Никто в пылу азарта
Не струсит, не предаст.
Но под ногами марта
Хрустит нетвёрдый наст.

Он день весны торопит,
Зимы оковы рвёт,
Крошит, кромсает, топит
И взламывает лёд.

За ним войска по следу
Несметные идут.
Они несут победу
И пленных не берут.

Ну а покуда, воя,
Вразброд, враздрызг, вразбег,
Летит над полем боя
Шрапнелью мелкий снег.

Вечернее

Помедлив на последнем рубеже,
слепое солнце прячется за крыши.
О том, что дело к вечеру уже,
я промолчу, но ты меня услышишь.

Ты свет зажжёшь, и тьма сойдёт на нет.
Прикроешь в доме окна, чтобы тыщи
ночных гостей, стремящихся на свет,
не вторглись в наше скромное жилище,
в котором только двое, ты и я,
живём, как две нахохленные птицы.

Зачитанную книгу Бытия
открыв на заключительной странице,
мы будем молча наблюдать в окно
Вселенную от альфы до омеги,
как на плывущем к вечности, давно
от берега отчалившем ковчеге,

и плыть, и плыть сквозь заоконный мрак,
в холодное стекло уткнувшись лбами,
и чувствовать всё явственнее, как
ночная тень сгущается над нами.

Вот тьма над чёрной бездною. Вот свет.
Вот прошлого подробная канва.
Вот жизнь длиною в миллионы лет.
А вот небес холодных синева.
Вот перечень всех сущностей земных
от Homo Sapiens до губок и амёб.
Вот мальчик о созвездиях иных
мечтающий, читающий взахлёб
неписаную Книгу Бытия.
Вот мириады звёзд над головой.
Вот Космос. Вот Вселенная. Вот я,
шагающий по гулкой мостовой,
и тот отрезок времени, когда
встаёт вопрос, один среди прочих тем:
откуда мы и движемся куда?
В какую даль стремимся и зачем?
Но сколько о подсказке ни проси
и ни бросай в ночное небо клич,
не хватит ни терпения, ни сил
рассудком Божий замысел постичь.

Бийск, Алтайский край

Светка

Светка снова возьмёт подработку –
Пара тысяч в бюджет не лишни.
На тетрадку сынку, на шмотку,
На поездку туда, где «вишни».
 Да и мало ль ещё что надо
 Второкласснику местной школы,
 Кроме импортного шоколада
 И забористой кока-колы?
Он единственный! Папка помер.
Силикоз. От подземной пыли.
Будь ты проклят, заморский «Ровер»...
Столько лет на тебя копили.
 Солнце клонится за осины
 И ледком затянуло лужи.
 Для любимейшего мужчины
 Светка вкусный готовит ужин.
Вот вернётся он и с порога
Крикнет: «МАМА! Там всё так круто!
Там железная есть дорога
И прыжки до небес с батута!
 А ещё нам билеты дали,
 Мы с Наташкой из «Г» сидели
 В самом тёмном, но КРАСНОМ зале
 Ели сникерс, мульты смотрели...»
Сердце матери не обманет,
Расходилось совсем сердчишко.
То сильнее застучит... то встанет.
Вот упала с кастрюльки крышка...
 До деревни же недалече.
 Где плутает помятый пазик?
 Очень медленно в этот вечер
 Время тянется, час да часик.
Тихо каплет вода из крана,
И молчит невключенный телек,
И не слышно ещё с экрана,
Что там блеет божок Тулеев.
 Только дали бы подработку –
 Пара тысяч семье не лишни.
 На конфетку сынку... и фотку,
 И поездку в... «Зимнюю вишню»...

Осенние качели

Нот не видно. Всё темно.
Лето кончилось... как жаль.
Ференц Лист взглянул в окно,
Пальцы тронули рояль.
 Закачались тополя;
 Стаи птиц, как звуки нот,
 Под командой журавля
 В свой отправились полёт.
Обнажились ясеня.
Клёны кланяются ниц.
В клубах рыжего огня
Не видать весёлых лиц.
 А мелодия тоски –
 Увядания полей
 Гениальностью руки
 Раздавалась всё сильнее!
Вот вступает нота СОЛЬ,
ЧеРеДуясь с нотой РЕ.
Дождь пошёл стеной косой.
Как бывает в ноябре...
 Листьев рыжая метель
 До утра таранит степь
 Стелет мягкую постель,
 Належаться – не успеть.
Не последний пал рассвет,
Хоть упал последний лист.
Листа траурный оркестр
В дебрях парковых так чист...
 Неба тёмного провал
 Ясно вызвездила ночь,
 А под утро час настал,
 И тепло уходит прочь.
Хитрой осени пастель
На мольберт легла земли,
Листьев рыжая метель
Бушевала до зари.
 Вот вступает нота СОЛЬ
 Вперемежку с нотой РЕ...
Нот не видно всё равно.
Лето кончилось. Как жаль...

Страница автора

www.stihi.ru/avtor/kreek3854

Анатолий Обьедков

Великий Новгород

Градомир

Скань да влага
Саркофага,
Отблеск дня,
Голос звонкий
Амазонки,
Храп коня, –
Звякнув цепью,
Кружит степью,
Мнёт ковыль,
И на взгорках
Струйкой бойкой
Вьётся пыль.

Небо, горы,
Синь во взоре,
Ехать лень.
Зной двоится...
Шелковица
Дарит тень.
Свистнет в кроне
Разветвлённой
Синий дрозд,
Волны плещут,
Море блещет,
Мир так прост...

В Херсонесе
Много песен
И вина,
Где танцуют
И ликуют
Дотемна,

Где на праздник
Самый разный
Бродит люд,
И из амфор
С полным правом
Радость льют.

Степь тревожна,
Всё возможно
В ранний час,
Коль дорога
От порога
Началась.

Дым заставы
Всех заставит
Бить в набат, –
Вскинуть взоры,
Встать в дозоре,
Взять булат.

Неба выскерк,
Знатный Сириск¹
На пиру.
Море, рифы,
Скачут скифы
Поутру.

Им зарницей
Насладиться б
И сквозь стон
Для начала
Вновь гречанок
Взять в полон.

Прямо к граду
Два отряда
Держат путь.
Гривы быстры,
Шелковисты,
Метят грудь.
Бьют копыта,
Синь разбита
В пух и в прах,
В скачке даже
Конь отважен
На ветрах.

Спит Амага
В саркофаге
Сотни лет,
Ей, царице,
Видно, снится
Блеск побед.
Голос звонкий
Амазонки
Вновь зовёт:
«Где вы, сёстры,
Где наш остров
В лоне вод?»

Лик богини
Сквозь руины
Светит нам, –
Не забыта
Ипполита
И наш храм.

Всем на площадь!
Ветр полощет
Облака,
На прогонах
Ждут нас кони
И века...

Меч из ножен!
Мы поможем
Грекам здесь,
Враг всё ближе,
Отстоим же
Херсонес!
Он – столица,
Им гордится
Всякий люд,
И потомки
Граду громко
Песнь споят.

Был разрушен,
Но не стужей,
Божий храм,
Лишь колонны
Просветлённо
Льнут к ветрам, –
Хоть в частичной,
Но античной
Наготе, –
Миру внемлют,
Стоя дремлют
На плите.

Кто им правит,
Кто здесь славит
Нашу жизнь?
Византия
Шлёт витию, –
Задержись!
В Древнем Риме
Встанет зримо
Легион,
Князь Владимир
В градомире
Был крещён.

16 января 2018 г.

Во Владимире

На фрески Андрея Рублёва
В Успенском соборе молюсь.
Волнуюсь. Мне чудится снова:
Встаёт обновлённая Русь.

Она устремляется к звёздам,
И столько надежды в душе,
Что думать об этом не поздно
На самом крутом вираже.

И верить откажется разум,
Что всё это в прошлом давно,
Что мы возродимся не сразу, –
Тогда, когда нам суждено.

А фрески живут и поныне,
И холм под собором высок,
И веет нетленной святыней
Парящей земли уголок.

23 марта 2018 г.

Мой край, ты будь непобедим
И никогда не знай беды!
Летит, летит столетий дым
Сквозь топот Золотой Орды.

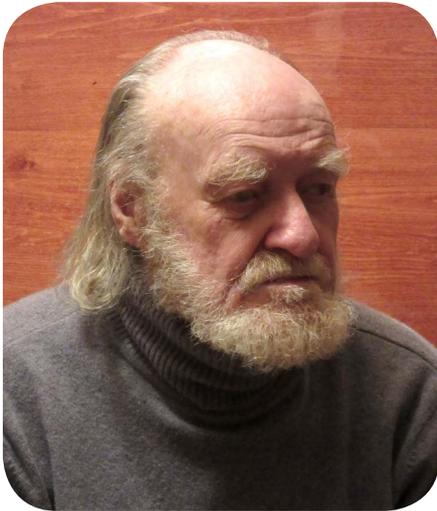
И мне узреть его дано,
И ощутить врага набег,
Как будто я не столь давно
Среди порубленных телег

Лежал в крови, и наяву
Следил за сечей роковой,
И признавал, что я зову
Всех тех, кто всё ещё живой...

Был крепостью тогда Козлов –
Холм неприступен и высок,
Касаясь башней облаков,
Служил положенный свой срок.

Мичуринск стал давно другим,
Течёт, как встарь, внизу река,
И как посланник вьётся дым
Сквозь войны, судьбы и века.

¹ В III веке до н. э. в Херсонесе жил историк Сирик.

Лев Пряхин

Нижний Новгород

Человек состоялся?

Проза в стихах

(Продолжение. Начало в № 7–10/2018)

19.4. Нам кажется, нет ничего
в человеке неведомого для него самого.
Вы в слушатели этой сказки возьмите
особу, чьё имя по-прежнему – совесть.
И лишь после этого (чтоб без сомнений)
начните свою повесть, как
очевидную новость.
...Законы, придуманные человеками
мира текущего, требуют (вроде бы) от
членов общества осуществления воли его.
Но в нём, в мире нашем, текучка:
Бессмысленная, но занятная штучка –
Законами этими оберегается.
И, видно, не зря, между прочим, старается.
А нам нужно что?! Только мирного неба.
Чтоб мы (то есть люди «простые»)
стремились, не тратя
Внимание ни на расчёты, ни на
обстоятельства, ни даже на
их создателей ушлых конкретные лица,
Поскольку всё это, как думаем мы,
разных вех пресущественных ради, –

Добиться
Успехов. При этом в объёме
не меньше заданий,
Которые мы получили от с разумом
нашим, пускай и не частых свиданий.
Успехов за счёт наших мягкости,
гибкости, перерождения совести.
О деятельности такого характера
очень приятно услышать
любой плутократии новости
В удобной дельцам,
из разряда гуманных, условности.
19-5. В таких катавасиях хитрых,
без мудрых, как вы, наши лидеры
рольные, обществу не обойтись.
Отнюдь неслучайно (есть слухи):
вам в мозг сам лукавый провис.
Отсюда, по всей вероятности,
тонкости вашей риторики.
(А вы, как нам растолковали
СМИ с СМДИ, не рамолики.)
Вот и заложили вы в обоснование людям
«простым» (то есть нам) убеждение
в точности несокрушимой
деяний есопрогрессивных дельцов.
Потухшей натуре своей «удальцов».
Без их суеты даже истинная
дрессированность не убивает в ней
(в совести) до безнадёжности чувство,
Исконное ей: справедливости
в деле мирском и духовном.
Проблема безуглая: совесть, соратники
наши, потребно (и вам) сохранить,
дабы в судный час свой
не свалиться на доньшко русла
Потока, текущего ложью
в проране греховном.
Она (совесть) даст своевременно ясный
сигнал: «Стоп, дохлец!» – если лжёшь
за предел невозвратный.
Возвратный же... Может ли выйти
успешной попытка не лгать самому себе,
путь свой (глухой?) обзрев донага?!
Кто пробовал – знает... Когда сопоставил
свою «лепоту» с самобытностью
общенародной, бывает, смиренной,
но чаще набатной,
Отнюдь не всегда деликатной,

Без продыху небесталанной,
 а значит, небезрезультатной,
 Широкоохватной, –
 И ложь заключил (неизбежна
 она?!) в непроточных болот берега.

19-6. А наши предтечи (отнюдь не
 безгрешные, но без пощады смиренные)
 Старались вершить правду жизни своей,
 Без скидок на необозримность путей.
 Их помыслы двигались несокрушимо
 победно во всём против зла лицемерия.
 Есть древняя мудрость. Она знает путь
 таковой, что любым трассам лжи вопреки.
 Жила (и живёт?!) самобытность
 в народе восславском.

А подобострастность
 Им, людям свободным, была не по духу
 ни в чём – ни с одной (так и жили) руки.
19-7. Пусть исповедь ваша вместит в себе
 слово признательности бедам,
 встретившим вас в очень нужное время,
 когда вместо брода
 Несло вас вдогонку идеям беспутным,
 своим и не только, в бездонную воду.
 Но вы отплывали! Поскольку соратницы
 ваши – внезапные беды
 (О них я вам снова толкую:
 В них прячутся ваши победы)
 На всём смутном свете,
 Надеюсь, не всуе,
 Вам не на проруху,
 Узрев ваши муки,
 умноженные на томление духа,
 Страдали,
 И вам (так случается,
 если не лжёшь) помогали.
 А вы неслучайно косу беспощадную,
 как и положено, встретив,
 Нашли то, что ей – ходит слух –
 не присуще, как штилю упёртому ветер.
 Неужто её командиры, пославши «на вы»
 слабину в её сути, обычно крутой,
 проморгали?!
 Нет, искренность – ваша (и наша!) защита
 Во всех беспорядках, содомих, обидах,
 Какие б они оседлать не сумели орбиты.
 Известно, что вам удалось раскусить
 (о косе речь) характер её: негневливый,
 сметливый и жизнелюбивый.

И в том убедившись (бывает), в себе вы
 смогли потушить (задушить?!)
 в этот миг безрассудства порывы.
 Потом расхлебать кашу логик:
 Создатели их полагают – железных,
 Чем потчуют всех хитропаты
 (о логиках баю:
 Их неисчислимые стаи).
 А у хитропатов
 в них нет ни затора, ни края.
 Но как разгуляться им?! «Логики» эти
 никто, кроме них, никогда и нигде,
 никаким вдохновением не переварит.

20. НЕПРАВДА И ЛОЖЬ

20-1. Душевный во всём сомневающийся
 простаков органон не получит заряда
 для действий, защите полезных.
 Всё многообразие ваших трудов
 беспробудный рассудком оценщик в одну
 кучу зяблую свалит – в подобие бездны,
 Чтоб вы, заблудившись в оценках его, не
 сумели построить свой нерукотворный –
 из дел ваших неоднозначных –
 надёжный редут.
 Всё прахом пойдёт. Вот тогда вашей
 вроде бы жизни безмерной
 (пусть только душевной) наступит
 безоблачный хитропартийный капут.
 Остатки возможны. Не будем к ним строги:
 Полезнее помнить о том, что и наши
 всё ближе и ближе подходят к финалу,
 Которого не доставало.
 ...Тогда, может быть, – впрочем,
 необязательно ваши (имеем в виду,
 что и наши; мы – вашего круга) итоги
 В беспамятных ваших (и наших) отчётах
 оставят для общества пунктик. Не пункт.
 Таков их, отчётов подобных, статут.
20-2. И то, если (вдруг) повезёт и
 оценщик ваш (что крайне редко бывает),
 отнюдь не возвращённый
 на хитропатической химии фрукт.
 А если возвращён, то его ядовитые споры
 всё поле ретивости вашей, не в смерть
 защищённое вами, зальют и забьют.
 Поможет им справиться только лишь
 странно попавший (как вы очертили) на

ваши сокровища некий любитель: хомут.
 Не сможет? Тотчас ему выплывет
 сменщик – ещё многогранней по части
 лукавости спрут:
 Хлюст, глот, «доброхот»,
 «патриот» или пшют;
 Ещё – эгоист, аферист, казуист, мазохист.
 Каждый из перечисленных – плут.
 Бездонны для круга такого
 оценки успешного
 Обзора терзателями, властно схваченными
 Величием мира нездешнего.
 А деньги – у тех, кто явились заказчиками.
 И всё-таки, как им, ценителям грешным,
 В своём лиходействе крошечном
 Прощупать интимности вашего духа,
 Когда никаким ухищрением слуха,
 Усиленным до непосредства наукой,
 Не расшифровать в голосах
 душ открытых ни звука?!

20-3. А им, безупречным заказчикам, надо,
 чтоб выглядело это правдоподобным
 В деяниях ваших оценщиков,
 духом пригретых бесплодным.
 Подай им развёрнутое интервью
 с духом искренним вашим,
 Уставшим,
 Где сосредоточена
 вся подноготная личности вашей,
 Не павшей
 В боях с социал-демократами
 и либералами, – теми, кто вдрых
 переформировал лицемерием нашу эпоху.
 Желают оценщики, пусть не
 прочувствовать – в этом они по нулям, –
 но хотя бы ощупать-прощупать души
 вашей неистребимой тревогу,
 Которую вам удаётся в общественных
 бурях – в жару и в мороз –
 Топить в бездне миром невидимых слёз.
 При этом в себе сомневаться,
 Собой предаваться
 И больно весьма о себя ушибаться.

20-4. Всё к месту оценщикам
 в деле потачки хозяевам мудрым,
 Которым совсем ни к чему
 благодатное (в обществе) утро:
 Во тьме легче выдавить неукоснительно
 вежливую, беспощадно при этом

кривую оценку всей вашей
 (с учётом оставшейся) жизни.
 Возможно (вполне вероятно)
 найдутся иные оценщики,
 Которые из побуждений, как будто благих,
 удаляют шутя из оценок своих аневризму:
 Рассудка, увечьем ответственности
 перед Богом «увенчанной».
 Жалеют как будто:
 «Не станем цеплять заусенчики».
 Одни – те, кто внешних кровей, – лицедеи.
 Другие – ни-ни! Они лишь лицемеры.
 Отыщутся третьи. Честнейшие. В секту.
 По их разумению.
 Убойному! Эти – непоколебимые
 апологеты рождённой в глубинах природы
 безбашенной их, безответственной веры.
 Четвёртые... все – из неправд.

Ибо правда – не пара затмению.
20-5. А ваша неправда, которою вы
 защищались от прочих неправд,
 Какая?.. Не исключено, что никто
 (или кто?!) из людей – я сужу по себе –
 правде собственной жизни
 в любых вариантах не рад.
 Поэтому он не владеет богатством её,
 Каким бы скрижалям не радовалось
 правде несокрушимой «Моё бытие».
 Но всё же, из всех результирующих ваши
 действия выводах, от свержу сил
 до полной расслабленности
 дерзновенной неправд,
 Правдивая самая – ваша неправда.
 В защиту её надо загодя делать
 всё то, что естественно вам,
 дабы не накрутилось преград,
 Которым она, ваша вечная, ваша святая
 (почти что) неправда не рада.
 Особенно, если случится несчастье
 участвовать вам в «подковёрной» борьбе:
 В ней вам, как и нам (простакам)
 не видать никогда (полноценных!) побед.
 Запомните навзничь:
 нигде никогда не бывает иначе,
 Чем так, что неправды, не только про вас
 (и про нас) не обходятся, если
 не искренние, то тем паче,
 Без тщательно выверенной,
 обходительной лжи.

(Ох, знаю, по собственной жизни,
как трудно неправду и ложь
по сусекам своим разложить.)
Лжи, в целом, удачной и, как получается
у лицемеров, весьма вдохновенной,
Когда она (вроде б) послушна законам
страны (чем они, её качества,
для вдохновителей ценны).
Лжи стойкой. Иначе законы в ней
были бы несовершенны.
А это (подспудно) подсудный поклёп на
основы законности чуткой – уросливой.
Весы степеней беспристрастности
оповещают: по форме между ними
(злом и неправдами) розни,
И значит, существенной разницы нет.
Иначе неправда погибнет (а это – подрыв
силы конгломерата), легко обвинённая
в том, что она – злонамеренный бред.
20-6. И всё же старайтесь
всегда и везде – это не безнадёжно,
Поскольку не пустопорожно,
Чтоб ваша родная неправда
всегда содержала обет
Не быть ни у зла в примаках
и ни у лицемерия в призывниках.
Суеты талдычат, что ваша уверенность
не бесполезна, когда ваш расчёт духом
пользы для ближних и дальних, согрет.
...А может быть, это не так?!

Не «так» – значит, стойкости крах,
А ваша неправда не к правде стремится:
во мрак.
Жизнь ваша, лишь в точном созвучии
с вашей неправдой,
Единственно ваша. Когда и в семье
и в общине бдит корень её –
там шкатулка надежды.
Тогда лишь итог её – истинный,
а не украшенный вымыслом
и не умученный
В конец «неожиданным «случаем» –
Единственный из всех возможных
во имя и рода, и племени станет
вам лучшей наградой:
Единственной из всех наград ваших,
небесполезных в плутании вашем
сквозь вечностей межи.

Такой (для контроля!), который
и сердце, и душу без умысла режет.
20-7. Текущий итог вашей жизни, укрытый
со всей бережливостью, вам характерной,
надеждой в просторах (теснинах?) души –
Визитная карточка ваших побед и утрат.
Его никому, никакими прогрессами
не сокрушить:
Ни правом гражданским,
ни хитрократичной свободой,
ни ямами тайных подначек-привад, –
В которых слегка, лишь чуть-чуть,
затаился (чем дальше – тем пуще)
совсем не мифический ад.
Он кормится щедро продуктами мысли
бесчестной – клиента бесчестных богатств,
Плодящих в народах
раздор, лицемерие, страсть.
Носиться пристало (с итогом!),
как носится русский чудака (не дурака!)
со своей жизнью – писаной
неприхотливостью торбой,
Лелея её, изменяя, где виден изъян,
дополняя без устали до гробового конца.
Нельзя позволять никому, а особенно
«лучшим из лучших», пусть даже
(считается) самой отъявленной пробы,
Влезать в неё. Надо всегда оставаться
самим и с собой. Только – в виде истца.
Ни в чём не теряя подарка Природы: ни
с чьим не сравнимого в духе лица.
20-8. И он, ваш грядущий, плод мук и
надежд, неизвестный вам в целом итог,
Настроит на автоматизм
продвижения все ваши ноги.
Две? Что вы! Их много.
Что сороконожки?! Ведь надо нам двигать
и тело, и душу, и дух, и пытливость
Всегда и везде, что бы с нами в итоге
ни сделалось и ни случилось.
А падать таким существам –
дай-то Бог,
чтоб не их эпилог.
И вы не собьётесь с единственно верной
и в жизни, и даже за жизнью дороги.
20-9. Неправда – не ложь. Она то,
что из общества «самый простой»
человек произволом своим извлекает.

А правда – не истина. Но – драгоценность
 особого рода, которую сердце
 от подлости мира сего бережёт.
 И нам – неустойчивым в вере,
 рабам ненадёжным своим, отпускает
 Её, правду, в качестве смазки, по дозе
 отмеренной точно, на каждый наш
 верный по духу шажок.
 Святая неправда!
 Она-то и есть самобытность!
 Та, что отличает тебя и друзей очевидных
 твоих, с их округой (духовных!) идей,
 От прочих – опричных – людей.
 Сплетая дела разных личностей,
 духом одним вдохновляемых,
 в бесщелевую безбрежность,
 Где в «моде» находки в просчётах,
 рождение смысла,
 Убийство бессмысленности
 и ещё ненасытность
 В движении мысли, сердечности, цели.
 А в радостях-муках побед неизбежность.
 Для всех самобытных людей. Значит, и,
 без сомнений для вас,
 Если даже дела ваши прахом пойдут.
 Тупик? Нет, спасательный круг:
 Всем людям, особо с прорезами в опыте,
 кто в жизни выберет тот же маршрут.
20-10. Всем, в первую очередь,
 кто – вместе с вами! Отсюда – и вам...
 Людей – миллиарды. Дорог – миллионы.
 Истоптаны все.
 Открытия, те, что из правил любых
 исключения, в общей идут полосе.
 Но каждый возникший ходок
 по любой из них – первопроходец.
 С душою инкогнито или во всей
 Откровенной
 (не исключено – лицемерной) красе.
 Все. И «благородные» –
 Какими привыкли себя выставлять
 хитрованы бесплодные, –
 И тяглые, кто коренные в общественной
 тачке, которых погонщики
 центовые именуют: «народец».
 Все движутся к цели:
 Одни неуёмною бражкой,
 Сплочённые братством, не брагой,

Другие: кто мелкой ватажкой,
 Кто непринуждённой ватагой,
 А третьи, чьих – марксово знамя,
 Стальными (как будто) рядами.
 Вне счёта такого – мозгами
 Снабжённые ловкими.
 Те мчатся на «мерсах» рублёвками.
20-11. А тот, из «простых» ходоков,
 кто утратил всё, – что проложил,
 и всех, кем дорожил, –
 До будто бы точки и даже за точку,
 Идти продолжает тропинкой своей.
 В одиночку?
 Нет, с Ангелом, Богом назначенным!
 Того, кто открыт, не оставит Он благом,
 и даже тогда, когда тот в суете
 изуродовал грешно природные качества.
20-12. Идут бедолаги, счастливыцы,
 мояхатаскрайцы и прочие –
 И денно и ночью по-разному.
 Их счастье, когда в части благ
 по пути безотказному.
 А если не так, то идти по такому хотя бы
 пути, чтоб ни в чём, никогда и нигде
 его не отнести к несуразному.
 Кто вместе, кто порознь. Любые. И те,
 кто возможностям следуют «равным»,
 о чём вспоминает Закон, – озабоченные;
 И те, кто свободно, с готовностью
 движутся за полупроводниками,
 И те, кто в расчётливости показали себя
 шутниками (само собой –
 и блудниками и еретиками),
 И те, кто безбашенны. Все варианты
 не счесть без оценки врачебной,
 И даже с врачебной... Оценкам вполне
 по делам справедлив иск типичный
 с времён допотопных – судебный.
 И каждому, даже тому, кто без повода не
 удосужился сдвинуться с места ни разу,
 По силам случится его,
 самобытная (или?..) дорога.
 Та самая (если без «или...»), что, как ни
 старайся, как ни суетись, не к
 блаженству земному ведёт, не к экстазу...
 Любой Крест – от Господа Бога.
20-13. Идущий (бегущий, стоящий,
 сидящий, лежащий) такую, во имя

души своей вечной (!), дорогу осилит,
Поскольку на то воля Божия.

Ей – что перечить, что нет.
Старайся, чтоб ноги души
твою брэнность носили.
Тогда ты осилишь её, если даже желаешь
добиться успехов себе лишь, как будто
на пользу; народу, как будто во вред.
Вопрос лишь в одном:
сколько будет душе (каждой) стоить
гордынею выпестованный курбет.

И в сумме... Итоги твои: всё, что сделал,
Что мог, но не сделал, что наворотил,
часто горы, без замысла, макулатуры,
Всё сложится в твой всеобъемлющий
будущий «бизнес»-бюджет,

Перекочевавший
в нетленную шкуру культуры.

20-14. Всё наше откроется там
до последней соринки.
И если не пусто... а разве чтоб пусто –
бывает?... до самого малого благоденствия.
Завесу, которой мы ложь укрываем,
бесстрастная истина напрочь отринет.
И в счёт, что нам выставит Суд, встанут
как обвинительные: «не моя се вина,
но властей!» – изливания.
Лишь искренность наших ответов есть
чистый алмаз нашей сущности,
с верхом заваленной злобой гордыни
От времени (вдруг?)
появления мысли – доныне.

21. ОХ УЖ ЭТИ СОВЕТЫ...

21-1. Всё прочее – бред:
Не то чтоб суетам ответ.
Всё в ней (об оценке) –
плоды либеральной дрессуры.
Увы, новость не для меня
Сия неожиданная. Паче чаяния.
Но я не сумел удержаться
хотя б от молчания,
Ведь путь для такого настроя – стерня.
А всё, что на нём совершается, –
часто во имя прогресса сует.
Заманчивы очень в устах
вдохновителей сладких посулы.

Им нужен особый настрой наших чувств,
чтоб купалась душа с наслаждением.
В соседстве с уверенным крепко в себе
наваждением.

И в миг, когда надо им, – вмиг утонула.
Наставники, в юные годы «пришельцев»,
хлопочут при этом нередко –
И метко.

А ведь всякий, кто в мир подлунный
пришёл, даже если почил при рождении,
Явился сюда неслучайно.

Его, ожидая, любили...
Всем вечность возможности дарит,
чтоб каждый пришелец смог будущий
(в вечности!) дом остропилить.

И вот тут «наставники»
снасти готовы раскинуть.

Удачный улов ожидают они при ужении
Душ юных в их неосторожном брожении.

21-2. Работа всех, призванных к жизни
здесь, ждёт с нетерпеньем. Работа по силе.
Тому, кто на миг появился в ней,

хватит мгновения
(Увы, из учёных мужей не нашёлся никто,
чтобы вызнать их мнения).

А тот, кому годы отпущены, –
им не пристало остаться пустыми –
Обязан трудиться как вол (или кто?) –
и за миг до решающей апоплексии.

Свой срок воспитания «в детском саду»
для души человеческой

На многострадальной Земле все
пришельцы по полной программе отбудут.
Чем время учёбы пробыётся в их суть:

безупречностью
Тяжёлых трудов или лёгкой,
без встрясок, беспечною
Сплошь праздников без окружения буден?
И радоваться, и терпеть
надо всё с вдохновением:

Лишь только такая недолга
чревата (роди!) становлением.

21-3. Известно доподлинно: времени,
дабы ошибки не съели плоды,
отпускается труднику «детского сада»
Существенно больше, чем нужно,
Чтоб выдубить шкуру души жизне-
стойкостью, в сети которой позывы к

естественности в ней вовек не стихали.
 Тогда её не покалечат пожары
 и не заморозят вселенские стужи.
 А если такой результат не случится,
 то в этом он сам, человек, виноват
 разудальными (или трусливыми)
 в глупость (вполне гробовую) грехами.
21-4. История бает: учись – не ленись.
 Постигай всю, казалось бы,
 непостижимость науки – «крутиться».
 В тебе отведённых границах
 Познаний. И, что обязательно, ею
 ведомыми (впрочем, бывает иначе,
 но пользу ищи – и отыщешь) делами,
 Рождёнными, пусть с чьей-то помощью,
 но непременно твоими мозгами,
 Во имя всего человечества, даже когда
 дела эти лишь (в частности) только забота
 о бедствующих в стужи зимние птицах.
 Учись, превращая весомые знания
 практикой жизни,
 Согласно Писанию Божию,
 в собственность неистребимо свою.
 Пусть предупреждения предков
 не станут тебе (как и всем,
 Кто не оставляет проблем,
 Завязанных тесно с историей)
 просто капризом:
 В учении тяжко, зато безбоязненно,
 ибо сподручно, в бою
 Сражаться с противниками. В том числе
 с увлекающими молодёжь
 к поклонению мге:
 Создателями помрачающей разум «пурге».
21-5. Уродуют разум. А как быть
 «уродам»?! Где выходы в зрелый поход?
 Кто видит в «пурге» знамя жизни,
 хотя бы и временно, – тот,
 несомненно, духовный урод.
 Идут безоружными в бой, чем является
 жизнь, и на Суд. А «пурга»
 в самый тяжкий момент – в стороне.
 Идут по своей неизбывной вине.
 А там, где достойные образа Божия цели,
 казалось, маячат, – клокочет веселие дури
 Во имя приятных (на миг – жизнь одна!)
 ощущений не только на шкуре.
 Лишь тот путь спасителен,
 где возмужалость в цене.

С ней – искренность! Качество чудное –
 подать людей постоянная Господу Богу.
 Она непременно должна быть наполнена
 тягой познания истины доверху.
 Лишь знания, пусть и в объёмах
 всего только «детского сада», помогут
 Наклянчить у истины, для попадания
 в зрелость, потребные ворохи пороха.
21-6. Дорога нелёгкая.
 Но она Божьей любовью устелена!
 Упал – здоровее поднялся, ударился
 больно – немалую пользу извлёк,
 Промёрз, перегрелся –
 закалка бесценная в теле на
 Всю жизнь, если не остывает в тебе
 сердце – твой путевой огонёк.
 Здесь, что б не свершалось,
 во всём многогранность.
 Получишь и удочку,
 и водоёмы, кишасящие рыбой.
 Не дань... Здесь тебе приготовлена и
 выдаётся основа основ
 самодетельности.
 Используй до точки всю данность
 Естественной жизни, алчбой не изрытой.
21-7. Здесь дух человеческий –
 не осуждай его строго,
 Когда не находишь защиты судьбы
 стерневой своей от
 вездесущих сует безотрадных.
 И не забывай:
 он тебе не бульдог, не берлога.
 Он (дух этот) – твой
 бескорыстный наставник.
 А в деле не он – ты себе и кулак, и ограда.
 Не сбейся с пути своего:
 пуще пущего – на лицедейские трассы.
 За «мерсами» и «ё-мобилями»
 в сладкую жизнь не гонись,
 Где рыбу – не снасти, не дело – припасы,
 Не труд, безусловно, свободный,
 а «должность» савраса
 Даёт молодёжи сиятельный
 оборотень – гуманизм.
21-8. Знай: ген в человеке бытует,
 способный бесстрастно,
 Когда наступает пора, открывать, –
 чтоб на пользу всему человечеству, –
 что в нас естественно и что опасно.

У каждого сущего есть,
 без сомнения, что открывать.
 Соборного? Тут нас сомнения: «Верно ли
 так или надо иначе?! А?» – гложут ужасно.
 Злотворного? Здесь никакие сомнения
 не ворошатся. Здесь красок
 Вагоны: продукты фантазий, когда нам
 на совесть, хоть бы чуть-чуть, наплевать.
 А ведь положи руку на сердце скажем:
 обычно совсем не чуть-чуть.
 Нас тянет (как просто?!) пред вечным
 во вред себе врать и лукавить.
 А если привычка?
 А если мутация совести?
 Нас подмывают «потребности»
 выкрутятся «как-нибудь»
 Из неблагоприятных делишек?! Закон
 процветания: гуманистичная власть,
 когда ты с нею в дружбе, тебя может,
 если захочет, прославить.

21-9. За что? И за то, и за это... А
 кроме того: так бывает, что славят
 совсем ни за что, если польза
 для европатичного (!) общества – «что».
 Случается, славят лукавых и подлых,
 представив их мерзость геройством,
 За вой по правам человека. Застой
 В делах сих страшнее («кому-то»),
 чем гибель хаоса.

Тебе не защитники те,
 кто поборники кое-чьих прав.
 Ведь ты за содружество
 прав и обязанностей – всех (!) на свете.
 Тебя не прославят те сферы партийные,
 что власть (всласть) прихватизировали,
 ибо в глазах их ты без остановки не прав.
 И к слову: тебе не удастся (закон начеку)
 уличить их в бессвязности
 Намерений. Вот и выходит,
 что ты за права свои, как за обязанности,
 перед ними в ответе.

21-10. Тебя не прославят...
 Возрадуйся: слава мирская,
 Та самая – действенная,
 что бездонней могил,
 беспардонней ловчил,
 беспощадней громил,
 Тебе не грозит. Ну а если она
 тебя всё же к себе подпускает,

Ищи, не теряя минуты,
 где ты невзначай начудил.
 От славы беги, кто б её не сосватал.
 А если друзья? Умоли их, чтоб дурью
 не мучились в доблести стадной.
 Тогда, глядь, не всё, что посеял, пожнёшь.
 А утрата
 Плевел (их найдёшь; время будет –
 и выполешь) станет наградой
 Тому урожаю, что вырастил
 безукоризненно ты
 В объёме труда безупречно тяжёлого,
 разуму сложного и бескорыстно
 прекрасного в строгой и честной неволе,
 Стараясь для пользы всех:
 ближних и дальних, своих и чужих,
 тихих, мягких, крутых.
 Таких же, как ты, «лопоухих», –
 кто пашет, и сеет, и полет,
 и веет, и Бога о помощи разуму молит.
 И не почивай ты на так называемых
 лаврах. А пусть с перерывами,
 но досконально стремись оценить,
 ради целей каких возникают они.
 Вопрос сей в себе постоянно храни.
 Вовсю сомневайся в том, что на вопрос
 сей ответит сам шут (или чёрт?),
 не с похмелья с постели восстав,
 Тем более (чур нас всех!) –
 европатичный устав.
 Задумывайся крепко над содержанием
 жизни твоей: ты уверен – не спорой,
 Пока ещё не сформирован
 твой личный состав,
 Который тебя отвезёт (так случится
 обязано) не на кудыкину гору.

22. ОТКРОЙСЯ В МИР ВЕЧНЫЙ!

22-1. Пшеница? Плевелы? Без помощи
 Божьей одно от другого нельзя, без
 опасности сесть в водоём, отличить.
 А значит, кого бы то ни было, даже себя,
 за фатальные промахи... и попадания, но
 не в искомую цель, не спеши обличить.
 Молись. Если молится – нечто.
 Не молится – значит, ничто.
 Все души – не голые. Все приодеты:
 Кто в славное вечное лето,

Кто – в зимнее, от гуманизма, манто.

22-2. Открылся ли, нет ли... Господь знает всё. Обо мне, о тебе и о нас.

По чувствам... По мыслям...

Словам... И делам...

Итог: по плодам дел,

всех вместе и в розницу, должное даст.

Тогда мы узнаем (возможно)

друг друга в лицо, нам присущее:

антагонист-моралист,
пацифист-реваншист,
гуманист-экстремист,
альтруист-карьерист,
формалист-прогрессист,
схоласт-энтузиаст,
хлюст-теист-атеист,
пест-балласт...

Бывает полезно в рядах этих стойких

увидеть бедлам.

В такой (каждой) паре (тройне...),

чем полнее наборы, тем крепче

у их фигурантов надежды на «лучшее».

Сестрою всем им (и без слов: мне? тебе?) может быть вездесущая аннигиляция.

А ей безразлично, кто против неё хорохорится: племя, народ или нация.

22-3. Из нас кто готов утверждать,

что не он в лицемерии пущем

панует, как в собственном доме?

Всё вскроется, что мы лелеяли твёрдо в навязанной нам слишкомпатами коме:

Душевной, сердечной, интеллектуальной.

Таись от врагов непременно.

Таись от друзей повременно.

Таись от себя вдохновенно.

Но – чтоб не от Бога.

Смысл всех своих замыслов, планов,

намёток пред Ним раскрывай,

не деля на мирской и сакральной.

И чтобы при том твои явки

с повинной к Нему не искали предлога

Визит отложить.

Опоздаешь – пеняй на себя.

Всё брось и спеш. Только в этом будь, и

непременно и выверенно, эгоистом.

Успеешь – получишь совет безупречный.

И в первый заход,

и в любой рядовой, и в предвечный.

Здесь – жизни итоги. Оценки Господь

выставляет всем душам людским, и в безгрешных трудах и в грехах, их любя.

А мы продолжаем отыскивать «счастье» корыта наполненного, о котором всюду либеральные СМИ беспардонно трубят.

22-4. И всё-таки то, что Природой

заложено в суть человека, не сбить даже

мудрым, как смерть, лицедейством.

Хоть соколом гордым

в раздольные радости взвейся.

Хоть мутным Илюшей Обломовым

в мятой постели прогрейся.

Старания – в руку! И всё-таки

нашим надеждам «на чудо» итога

на грош не потянет цена,

Какими бы твёрдыми и полновесными

ни представлялись нам наши старания.

Особенно в части

общественного ковыляния.

Итог?! Он ведь, в случае лучшем,

нам – душ ледяной,

обжигающий холодом душу до дна.

Все наши грехи, начиная с гордыни,

не следствие немоги нашей природной,

но наша, без ссылки на «время», вина.

И нет нам за них оправдания, как бы ни

тешили нас от крутых управителей

наших приятные вести.

Как Бог нас оценит, так – всё.

Никаких апелляций, чистилищ, заставок.

Итог – недотрога! Крутой олигарх от него

ничего не отнимет, его жидкий друг –

гуманист – ни шиша не добавит.

22-5. Растерянность предков? Их всех (?),

патриотов (!) России, весьма подпирает

обязанность смертной отрады

До ближних своих (на Земле!) довести

(донести) подноготную Божьей управы.

Управы над нами в любой точке жизни,

вложив дух любви, без бравады.

И как защитить нас от нас. Без пощады!

Вы – бывшие люди, ушедшие в вечность, –

богатые правдой её,

неизвестной нам в общностях главных,

Пред сонмом соборов потомков,

весьма своенравных,

Откройте всю правду такую,

чтоб стало нам, вроде б живым,

вроде б вашим потомкам,

Весьма к неизбежностям,
 нам непонятным, нестойким, –
 До ужаса (кое-кому, может быть,
 и до радости?!) ясно,
 Какие дела, вроде бы победительные,
 людям петлей на шее.
 (Исход наших «мудрых» решений.)
 Потом точно также бесстрастно
 (Возможно ли?), каждый из бывших
 Доложит оценку дел прочих, известных
 ему, поместив перед миром,
 В естественности нами понятой –
 значит, нам до основания сирым,
 Уже как объект рассмотрения цельного –
 в виде предмета итога,
 Любого из нас поместив,
 не взирая на лица,
 На место, в котором
 нет зги для успешного торга
 В присутствии тех,
 с кем ему приходилось трудиться,
 А также его поднадзорных, там, где
 состоялась, не раз и не два,
 его промыслами благотворность.
 ...И только теперь проявиться торопится
 в целом оценок бесспорность.

22-6. Оценки совсем незначительных дел,
 обнажат катастрофы потерь
 В суетах, казалось, безвредных.
 Хоть и надоедных.
 Всё это – чтоб было потомкам от радости
 до сокрушения ясно, какие поступки
 откроют успехам грехами закрытую дверь.
 Реально доходчивость эта удачна
 для – в связке с толпой оптимистов
 из есокомплекта – пустых хвастунов.
 Уверенных в том, что их ум
 для острастки духовных балбесов суров.
 А для осуждения выходок ушлых ослов
 не хватает им слов –
 Лишь кроме победных тирад
 против, на их хохряк, болтунов.
 Для них честность в деле – изгой.
 Отсюда фанфар разудалость
 в подобии (в чём-то) мозгов.
 Они забывают умышленно то, что за их
 неприступной для мысли стеной –
 Два мира: телесный – земной,

Небесный – страстной.
 Два антагониста. Как будто.
 И, видимо, этим уместным!
 В их действиях непостижимая цельность
 духовного мира в любую,
 в космическом ранге, минуту!
 Хоть мир беспредельно не тесный!
22-7. И мы, в самом цельном понятии,
 в нашем земном, – нашем «детском саду»,
 Ничтожны. Скорее на счастье себе и
 особенно ближним, зависящим
 от суеты нашей, чем на беду.
 Ничтожны по части того, чтобы внять,
 и понять те законы,
 Что миром, который мы здесь разглядеть
 Не можем, в «свое время» донесены нам
 наукой земною, по виду резонной.
 Об авторитете любых вариантов которой,
 и в том числе тех,
 где господствуют абракадабры
 И в нас будят всё что угодно,
 но только не радость
 (Когда же она прорывается в «массах», то
 общество наше – не общество – стадо),
 Должны мы, так нас приучили законы,
 радеть.

«Прокруст» отнимает у всех без разбора
 людей из «простых» право через науку
 освоить небесную твердь.
 Наш долг (он чем шире – тем выше) –
 содействовать праву (и делу) людей
 в православной надежде созреть
 И против беспутства стоять
 беспорочно на жизнь, не на смерть.

22-8. Беспутство в науке безбожной
 плодит варианты...
 В которых как рыба в воде
 Ещё: как наживка для рыбы в беде,
 Бытуют, блаженствуют и суетятся
 не только, как принято их
 славословить: таланты...
 Итак, варианты (по духу атланты):
 Информационно-ситуационный:
 Отросток науки, когда заявляет
 права свои знамя свободы –
 Провокационной.
 Свободы разнузданности неуёмной,
 способной оставить сообщество

на растерзание силы
 Деформационной.
 В своём содержании –
 Диверсионной.
 Отросткам примеров таких
 (говорит нам история)
 твёрдо присущ механизм интервентский:
 Ампутационный.
 Позыв к пьедесталу торопит людей
 (их всё больше подобного рода:
 прогресс налицо – его делу века)
 к оформлению новшеств;
 по сути, отнюдь не без цели,
 Диссертационной:
 Кусочек (чего?) оторвал (от чего?),
 защитил (перед кем? от кого?) и подал
 миру как достижение мысли.
 Не всякий искатель научных трудов,
 откусивши сей плод, смехом,
 сплошь издевательским,
 в автора прыснет, презрением свиснет,
 С местечка заклётого
 (но не для автора) брыснет.
 А если и прыснет, и свиснет, и брыснет,
 то что́ приключится?
 ...Послушны кругам оголтелым
 прогресса колёса и спицы.
 Противоречивость: характер науки такой,
 как и мамки её – охлократии, в том,
 что они пока вмызг не сошлись.
 Хотя по итогам сомкнулись;
 понятно давно – не каприз.
 И в той, и в другой
 процветает процесс «от Чувайса».
 Мой друг, ты его подхватить не старайся,
 чурайся и не пробирайся!
 Поскольку процесс сей
 по в сумме разбродов –
 Ликвидационный

22–9. Но в обществе искреннем
 несокрушима другая наука-докука.
 А мы позабудем (на миг!)
 про науку-гадюку,
 В которой (как видно – чуть выше)
 готовы увидеть полезную штуку.
 ...Под зовом: «Наука» – иное совсем
 обретается.
 Не то, что расчётов премудрых
 искателей выгод кромешных
 Касается.
 Не как прикасается к «рыбе-киту» рыбка
 хитренькая: прилипала.
 Где хитрость живёт –
 там добротность пропала!
 Наука ничем не делима.
 Одна! Изначально!
 Извечно. Дифференциально,
 как и интегрально.
 А значит, она нрава искреннего.
 То есть неколебимо крутого.
 Наука – сакральна!
 И – бейте и режьте меня (если смысл
 в этом есть) – утверждать буду,
 что безусловно моральна.
 Поскольку она –
 производная Духа Святого.
 Разделы её сплетены в неразрывный
 клубок, не подвластный дельцам
 даже высшего круга.
 Разрезать её – погубить, ибо отрасли,
 только они, знают, как им питать,
 и питают взаимно друг друга.
 (Продолжение следует)

Прим. автора:

*Приставка «есо» в ряде слов означает
 причастность указанных в слове событий
 к Европейскому Союзу.*

Анна Скворцова

Энгельс, Саратовская обл.

Флюиды Духа и Любви,
В душе сливаясь без стеснения,
Дают не магму – соль Земли, –
А чувство тайного влечения.
Любовь безропотна всегда.
Она, жалея, душу греет.
От духа гордого – беда,
Быстрее злыдни с ним стареют.

А светлый дух – без пятен зла,
Тепла, заботы излученье.
В сердечке ласка – квант добра,
Без эгоизма и мученья.
12 июля 2016 г.

Любовь светила наша,
Цвела от счастья я,
И для тебя всех краше
Весною той была.
Любовь хранила чистой,
Взяв верность сердца впрок,
Но ревность и нечистый
От счастья дали клочок.
Разбужен дух Отелло
В твоей душе легко,
И подозренья дело
С ума тебя свело.

И ссоры между нами –
Холодная вода –
Любви гасили пламя,
Дав пепел без труда.
Теперь глядим на пепел
С желанием возжечь,
Чтоб грел, хотя бы в вечер,
Как греет ночью печь.
17 июля 2016 г.

Развод бывает долгожданным,
Даст радость, счастье и покой.
Союз устал от брани пьяной,
От драк, измен и дней с тоской.
Причина кроется вся в этом,
Но повод может быть в другом:
Иль темперамент был без света,
Иль без тепла, уюта – дом.
А суть развода в негативе
Хранит всю жизнь тяжёлый след
И жалость к инициативе
С годами не проявит, нет:
Напомнит суд, его разборки,
Даст образ половины той,
Раскроет паспорта две корки,
Где штамп развода, как живой.
23 марта 2012 г.

Разумно скорость обожая,
Люблю вдоль берега нестись,
Окно машины, не сужая,
Даёт душе пейзажа высь.
Мой взор скользит по водной глади,
Питая душу тишиной.
Вся суета клубится сзади,
Её съедает дух лесной.
Плывёт по речке лист зелёный.
Несёт отраду сердцу лес,
Спокойствием весь напоённый,
Из прошлой жизни будто влез.
Следы той жизни память смыла,
Но сердцем чувствую её,
Щемит непрошенная сила,
Картины миг вонзил копьё.
26 июня 2007 г.

Ольга Солодовникова

Прокопьевск, Кемеровская обл.

Завтра не будет

Только завтра не будет.
 Ведь завтра холодной рукой
 Моё имя оставишь в сугробе.
 По белому красным.
 А на землю ложится не снег,
 а вселенский покой,
 Заметая, баюкая,
 делая сердце напрасным
 Пережитком отрезанных
 вечность назад белых крыл.
 Так легко, безучастно
 в сугробе не ждать и не верить...
 Поперхнувшись снежинкой,
 дорогу на небо забыл
 Старый Бог. И скребётся
 в мои онемевшие двери...

Жизнь хохочет в спину

Жизнь хохочет в спину –
 ни одна не выживет.
 Опадает под ноги вечера пыльца,
 Лампы в сумрак шурятся
 зенками бесстыжими,
 Осторожно трогают пустоту лица.
 Город ливнем вспенится,
 стёклами ощерится,
 С памятью заплаканной голос зачеркнём
 В исходящих. Рифмами
 с ней под утро сверимся,
 Сколько их распластано на окне твоём.

Что мне в остатке...

Что мне в остатке? В прорехах сандалий
 Тёмные звонкие отпечатки света,
 Память звериная – страсти и лета,
 Простыни влажной, тебя и сандала.

Дальше в остатке – срываемся в осень.
 Я плюс надежда равно единица.
 В клетке стеклянной две буквенных птицы.
 Рядом – по правилам. Правильней – порознь.
 Порознь – честнее. Небесные струны
 Трогают песней артритные пальцы
 Всех одиночеств. Из брачного танца
 Выйду живой. Пусть частично... но умной...

Линяет перьями

И плавали в тоске глаза,
 Как в скучном супе пятна жира,
 Как Бог до сотворенья мира,
 Как поперхнувшийся вокзал,
 Узлами – под присмотром дула.
 Вороньим гвалтом – выстрел слов.
 В кармане ветхий птицеслов.
 И, обживая спинку стула,
 Линяет перьями любовь.

Какие-то крылатые

Какие-то крылатые, гортанные и струнные
 Покоем перемирия кружатся над землёй,
 И вторят им лунатики, распутывая лунное
 Вязание праматери, уснувшей над петлёй.
 Седым прозрачным облаком.
 Между рукой и временем.
 Между рекой и именем. От левого плеча –
 Два шага вниз. И падают.
 И прорастают семенем.
 Тобой. Крестом. Диагнозом усталого врача.

Бесптичье

Опять ломаю о воздух крылья
 И навык падать – полёт по сути –
 Отточен так, что на снежной пыли
 И отпечатка меня не будет.
 И набухает зрачком бездомным
 Желанье дома. Хождение в люди –
 О тейбл фейсом. Бетонной комой
 Любовь чревата. И слёз не будет.
 Когда ступеньки прощально скрипнут,
 В пернатый воздух непрочной грудью
 Ложусь, и снится, как птицы гибнут.
 В твоём бесптичье меня не будет.

Владимир Черноусов Новокузнецк

В городе N-ном исчез понедельник

В городе N-ном исчез понедельник,
Стала короче неделя на день.
«Так быть не может», –
 взмолился бездельник.
«Как без него нам?» – канючила лень.

Бедному дню не хватило терпенья,
Клятому быть ни за что ни про что.
Слышать, как врут на него без стеснения,
Слишком «тяжёлым» считаться давно.

В городе вскоре пропала работа –
Не было дня, чтоб рожать дураков.
Но появилась, однако, забота –
Вернуть понедельник без обиняков.

Ищут пожарные, ищет полиция,
Ищут учёные и сыскари,
Все одного, это так не годится,
Дни напролёт от зари до зари.

Бьётся муха в грязное окно

Бьётся муха в грязное окно
И жужжит от гнева что есть мочи,
Пролететь пытаюсь сквозь стекло,
Обрести свободу муха хочет.

За окном чирикнул воробей,
Ублажая жирную простушку.
Крохобор откушать ждёт скорей
(Обидно, досадно, да...)
Ладно, что сарай закрыт на ключку.

Заголилась роща девкой непутёвой

Заголилась роща
Девкой непутёвой,
У мостков полощет
В речке лист кленовый.
Мимо пробегало
«Облако в штанах»,
На яру от срама
Скрылось в куполах
Каменного храма...
Без претензий весь,
Я беру упрямо
Мир таким как есть.

Чтение детектива

Он вышел из книги –
Герой-детектив
И сразу заполнил собою пространство.
На стол «Магнум»¹ выложив,
Руки скрестив,
Всевидящим оком окинул убранство
Моей холостяцкой квартиры
И в миг,
Все возраженья к явлению откинув,
На стул взгромоздился,
И бешеный крик
Обратно мне в глотку
Подальше задвинул.
Я понял,
Что долгий нас ждёт монолог,
Что впору, наверное, мне подкрепиться,
А там на авось положиться:
Авось,
Плохого со мной
Ничего не случится.
Чем дальше – тем больше.
Я понял, что влип, –
Излишними будут любые движенья.
Мной управляет навязчивый тип.
Я принимаю его
Все сужденья.

¹ «Магнум» – пистолет огромной убойной силы.

Лариса Агафонова

Москва

Снежка

*В игре её конный не словит,
В беде не сробеет – спасёт:
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдёт!*

Николай Некрасов

Снежка вышла из дома, подставила лицо крупным снежинкам и зажмурилась: «Хорошо-то как! Почти зима, хотя всего лишь ноябрь!» Женщина обожала снег, несмотря на то, что всё детство провела на тёплом юге, в Краснодарском крае, где и зим толком не было – так, выпадут три снежинки и тут же растают. Впервые Снежка увидела сугробы, когда вся семья переехала в Свердловскую область, и сразу влюбилась в зиму, морозы. «Недаром мы тебя Снежком прозвали», – смеялась мама.

Девушка постояла несколько минут, стряхнула снег с лица, надела толстенные варежки, взяла лопату и пошла чистить дорожки. Работала женщина дворником или дворничихой – кому как нравится.

По паспорту её звали Снежаной. Так тридцать два года назад захотелось папе, много лет ждавшему малыша. У них с женой долго не получались детки, случилось несколько выкидышей, замерший плод. И,

наконец, на свет появилась доченька-красавица. Супруге было вообще всё равно, как назвать своё сокровище, главное – девочка здоровенькая родилась. Раз хочется новоявленному папочке, так пусть будет Снежана.

Пока девочка лежала в колыбельке, имя пытались сократить, пробуя на язык Жанночка, Жаннуся, Снежечка. Ничто не приживалось, пока бабуля не назвала внучку Снежок. Девочка с радостью заагукала, отвечая на обращение, и лет до трёх так и оставалась Снежком. А в детском садике малышня быстро превратила её в Снежку. Так и повелось: дома Снежок, с друзьями Снежка.

Среднего роста, крепенькая, бойкая и острая на язычок девочка росла беспроblemным ребёнком. Хорошо училась в школе, легко прошла подростковый период, не давала родителям повода для беспокойства до тех пор, пока семья не переехала. Поначалу Снежана бунтовала против расставания со старыми друзьями, потом завела «неправильного» кавалера – байкера с серьгой в ухе. Позже сменила его на тихого «ботаника», и взрослые вздохнули с облегчением, но, как оказалось, зря. Этот интеллигентный мальчик Валерик «подбил», как выразилась бабуля, Катерина Петровна, Снежку поступать на факультет журналистики, хотя на семейном совете уже давно было решено, что Снежок идёт учиться на лечебный факультет в мединститут.

– Ты же химию с биологией четыре года зубришь, ты полностью готова стать врачом. Это всё «ботаник» твой тебя надумил, – увещевал папа.

– Из тебя выйдет хороший кардиолог. Ты хотела спасти людей, – подхватывала мама.

– Кто нас всех лечить будет? Ладно, я, старуха, и так уже на пороге стою, одной ногой на том свете, – очень бодрая и активная бабушка Катя, в свои восемьдесят лет посещавшая бассейн дважды в неделю, конечно, лукавила, – но о родителях ты подумала? Они немолодые, надеялись, что дочка-врач будет их лечить на старости лет, – пыталась она воззвать к внучкиной совести.

– Так, мам, пап, бабуль, не тратьте слова и нервы попусту. Я уже всё решила. Я буду журналистом: хочу ездить по миру, смотреть, что происходит, и рассказывать об этом другим людям. Кстати, моя работа выиграла на конкурсе начинающих журналистов, и за это мне будет поощрение при поступлении. А с Валериком, пап, я уже рассталась, так что он ни при чём.

Взрослым пришлось смириться с выбором дочери и внучки и в этот раз, и в будущем, когда Снежок принимала странные, а порой даже опасные, на их взгляд, решения. Чего стоила поездка в Чечню, в самые отдалённые районы, когда девушка собирала материал для дипломной работы! А первые командировки от известного своими провокационными статьями журнала родители вспоминали с содроганием ещё несколько лет, даже после увольнения Снежка из издания.

Бабулю берегли, старались не говорить об опасных экспериментах рискованной внучки, но она, кажется, догадывалась, жевала сухонькими губами и мелко крестила Снежка дрожащей рукой, когда та забежала к ней на чаёк. Бабуля до самой смерти жила одна. До переезда в Свердловскую область она ютилась в небольшом доме с дровяной печкой, лет двадцать после смерти супруга управлялась с хозяйством сама и никогда не просила о помощи. И на новом месте наотрез отказалась селиться с семьёй сына, упирая на то, что не она им, а они ей будут мешать. Пришлось купить ей на соседней улице (ближе не получилось) однокомнатную квартиру на первом этаже.

– Я, может, хочу насладиться свободой и ничегонеделанием, – уверяла она сына Петра и невестку Катю. – А что, это ж не квартира, а загляденье: печь топить не надо, огород сажать да полоть тоже, из хозяйства одна рыжая кошка. Красота! А у вас шумно: ты, Петя, футбол свой смотришь и кричишь на весь дом, а я почитать люблю, в тишине да в покое. Станете ко мне в гости приходите, роднее будете, – тихонько смеясь, добавляла она.

Так и вышло: к ней каждый день заглядывал то сын, то невестка, а если была в городе, то забегала Снежка. Из помощи бабуля принимала только мытьё окон два раза в год и стирку тяжёлых штор, которые она не в силах была поднять. Под конец жизни (а прожила старушка до девяноста трёх лет) она не смогла только полы мыть, а скромную еду всё равно готовила себе сама, отбиваясь от попыток приносить ей обед и ужин.

Умерла бабуля тихо, во сне, с улыбкой, словно решив для себя, что хватит уже, пора и честь знать, как она частенько говорила. Снежок горевала больше всех. Бабулечка была её доброй подругой, лучшей слушательницей её текстов, умела необидно похвалить и искренне похвалить. Её квартира по завещанию отходила внучке, и в тридцать два года Снежка впервые стала жить отдельно, съехав от родителей.

– Может, хоть замуж выйдешь, – говорила мама. – Что ты всё с нами да с нами. Пора уж внуков нянчить, мы ж старые с отцом, хочется успеть бабкой с дедом стать.

– Можно подумать, я сидела рядом с вами паинькой, – отмахивалась Снежка. – Я просто не созрела для замужества, вот и всё.

– Доченька, так можно и перезреть. Всё ж таки не девочка уже, – вздыхала мама.

– Ничего, я крепкий помидор, – хохотала рыжеволосая Снежка, – и увядать пока не собираюсь. А вы наслаждайтесь тем, что вы не бабушка-дедушка, а мама-папа, значит, молодые ещё.

Отец предпочитал отмалчиваться во время таких разговоров, по опыту зная, что Снежка переубедить всё равно не удастся, так зачем нервы тратить? Да и, если уж честно сказать, ни один из дочкиных кавалеров не казался ему достойным их с матерью сокровища.

А ухажёры у Снежка водились. Острая на язычок, лёгкая на подъём, симпатичная и гостеприимная, она притягивала людей как магнитом, умея дружить и с коллегами, и с бывшими возлюбленными. Не терпела Снежка лишь сплетников и предателей. Нет, не так: предателей и сплетников. «Всё могу

понять, – пожимала она плечами, когда её спрашивали, куда кто-то пропал из её окружения. – Но если человек намеренно за твоей спиной делает гадость и ждёт, что этого не заметят или простят, то это, по меньшей мере, недальновидно. Тогда ведь я окажусь либо душой набитой, либо размазнёй, способной лишь подставить под удар вторую щёку. Нет уж, предал – на выход с вещами. А сплетник одним своим словом может предать и разрушить чужую жизнь походя, так что дорога у него – туда же, за ворота».

Изредка Снежка знакомила родителей со своими мужчинами. С одним, журналистом местной газеты Игорем, они даже подали заявление в загс, когда ещё была жива бабушка. Но за месяц до свадьбы неожиданно расстались, и парень навсегда пропал из жизни Снежки. «Предал, и на этом объяснения закончены», – так Снежка прокомментировала своё расставание с женихом и больше никогда не возвращалась к этой теме. «Снежок включил режим “колючесть”», – вздыхал отец, который всегда лучше других чувствовал настроенные любимой дочери. У него была своя собственная градация степеней «снежности»: «колючесть», «пушистость», «мокрость», «морозность», «холодность», «нежность» и даже «градность».

Со вторым потенциальным мужем Снежка познакомилась в командировке, когда уже не было в живых бабушки. Степан, спасатель из бригады МЧС, работал в составе группы на завалах после взрыва бытового газа в одном из городов Западной Сибири, куда Снежка приехала снимать репортаж о трагедии. Вместе с другими журналистами она помогала психологам, разговаривала со спасёнными из-под обломков дома людьми, утешала и плакала украдкой, когда никто не видел. Степан заметил, молча укрыл тёплой курткой, отвёл в палатку с горячим чаем и бутербродами.

И как-то накрыла их быстрая любовь с головой, не давая вздохнуть, опомниться и просто поговорить. Неудержимый секс, жаркие объятия и колючие от трёхднев-

ной щетины поцелуи – и вот уже Снежке пора уезжать. Следующие несколько месяцев слились в единый самолётный гул в голове: Снежка срывалась на выходные к любимому, он сваливался как снег на голову посреди ночи (хорошо, что Снежка уже жила одна в бабушкиной квартире), обрушивался на неё всей своей массой, вдавливал в постель, словно желая расплющить, раздавить, и исчезал утром. Они почти не говорили. А о чём? О его бесконечных командировках? О её не сданных вовремя статьях? О призрачном будущем?

И в какой-то момент Снежка вдруг поняла, что она ничегошеньки не знает о Степане, о его прошлом и настоящем, а главное, и не хочет узнавать. Решительно набрала номер и одним телефонным разговором, практически одной фразой перевернула эту страницу своей жизни. Были, конечно, и другие отношения, и влюблённости, и расставания, но замуж Снежка больше не собиралась, рассудив, что судьба, коли ей будет угодно, рано или поздно постучится к ней в двери.

После расставания со Степаном Снежка вдруг решила, что она живёт неправильно, обывательски пусто и бесполезно.

– Ну, подумаешь, статьи пишу. И что? Кого я этим спасаю? Кому помогаю? – говорила она матери.

– Снежок, что ты себе в голову втемяшила? Это твоя работа – статьи писать, людям рассказывать, что происходит. А насчёт спасать – так это отдельная профессия. Ты талантливый журналист, у тебя отличное чувство языка, свой стиль. Тебя с удовольствием читают.

– Мам, – с досадой перебила Снежка, – ты не понимаешь, я хочу реально помогать людям, так, чтобы пользу приносить, чтобы её можно было увидеть, пощупать, в руки взять. И хватит об этом.

– Что с тобой сделаешь? – покачала головой мать. – Ты ж лоб расшибёшь, но не остановишься.

Через месяц Снежка огорошила родителей новостью.

– Так, предки мои дорогие и любимые. Садимся на диван и молча слушаем, а все вопросы потом зададите. В обморок не падаем, истерик не закатываем. С завтрашнего дня я начинаю работать дворником. Mam, я же просила не перебивать, – остановила она мать, в ужасе прижавшую руки к губам. – Из журнала я не ухожу, деньги так и буду зарабатывать статьями. А по утрам буду убирать во дворе своего дома. Я так решила, и переубедить вам меня не удастся. Даже не пытайтесь.

– Дочка, один вопрос: зачем тебе это?

– Понимаешь, пап, можете рассматривать это как прихоть, как блажь, но я долго думала, размышляла, оценивала свои силы, прежде чем принять это решение. Ведь кто такой дворник? Ну вот кто, по-твоему?

– Ну кто-кто. Тот, кто убирает за всеми, мусор поднимает, метлой машет.

– Вечно грязный и зачуханный, – вскинулась мать.

– А вот и нет, – спокойно ответила Снеж-ка. – Дворник – это тот, кто делает чище,

светлее, свежее. Чувствуете разницу? И он совсем необязательно должен быть грязным. Я наткнулась на одну группу в Интернете, ребята собрались и организовали «Движение к чистоте». Они разделили свой посёлок на квадраты, закрепили за собой участки, и вот уже год, как в посёлке нет грязи, нет мусора на дорогах, и отношение к дворникам изменилось.

– Так то целое движение, а ты здесь одна, – покачал головой отец. – Хотя, знаешь, дочка, всё начинается с малого. Может, что и выйдет из твоей затеи.

– Да что выйдет? – заплакала мать, но, увидев насупленные, как в детстве, брови Снежка, когда девочка, несмотря на падения и шишки, упрямо добивалась своего, вздохнула: – Ты уж поосторожнее, доченька, заразу какую не подхвати да не надорвись на этой своей работе.

– Всё будет хорошо, мам, пап, не переживайте. Всё будет замечательно!

(Продолжение следует)

Рекомендуем книгу автора

Кладовая женских тайн

Сборник рассказов

«Кладовая женских тайн» – это калейдоскоп характеров и судеб, выписанных с глубоким психологизмом: автор заглядывает в душу героинь и приоткрывает её читателю, показывая радости и печали, страхи и сомнения. Все рассказы объединяет идея: счастье мы можем творить сами, поддерживаемые Верой, Надеждой и Любовью и открыв сердце навстречу миру. Вера в себя, в свои силы живёт в душе героинь Ларисы Агафоновой – даже когда им кажется, что всё выжжено от предательства любимого человека. Надежда на лучшее, на чудо заставляет их принимать непростые, порой странные для окружающих решения, менять профессии, города, страны... Любовь наполняет их душу и открывает сердце для новых встреч.

Купить книгу
knigi-market.ru/3784

Наталья Дёмина

Саратов

Ностальгия

Моему брату Сергею Дёмину

Солнце уже давно скрылось за горизонтом. Воздух был мягким и прохладным. Лёгкий ветерок едва-едва шевелил листья на деревьях. Всё затихло, лишь где-то в кустах был слышен ненавязчивый голос сверчка, который пел свою песню об уходящем лете и наступающей осени.

Медленно опускалась темнота. Она, словно нежное покрывало, окутывала всё вокруг себя, даря спокойствие. Меланхолия разливалась, охватывая мир своими длинными руками. Её изящные пальцы словно наигрывали ностальгическую мелодию о детстве, прошлой жизни, несбыточных мечтах и первой любви. Воздух был пропитан запахами свежескошенной травы и спелых яблок.

Август. Вот он какой: жаркий, страстный, обжигающий, но в то же время насыщенный и пряный, словно дорогое вино, яркий, игристый, весёлый, как лимонад из детства, сладкий, как сахарная вата.

Тем временем звёзды разгорались всё ярче и ярче. Они подмигивали, мерцая.

Небо было глубокого тёмно-синего цвета, от этого свечение звёзд казалось особенно чистым, незапятнанным, волшебным, словно это сверкали драгоценные камни из пещеры Али-Бабы. Манили... Звали... Обещали...

1

На старом деревянном, уже давно потерявшем свой первоначальный ярко-зелёный цвет крыльце, укутавшись в ватные одеяла, сидели двое: девочка и мальчик. Они тесно прижимались друг к другу, словно делились между собой какой-то особой, только им известной и доступной энергией. Они как замороженные всматривались в тёмное небо, по которому были рассыпаны миллиарды звёзд, таких близких и таких далёких. Вот вроде бы протянешь руку – и достанешь, но чем выше тянешься, тем они всё дальше и дальше. Яркие, белоснежные или со слегка желтоватым или голубоватым оттенком. Но сегодня на небе не было луны, и от этого звёзды казались особенно притягательными.

Дети тихо переговаривались между собой. Они мечтали о полёте на межгалактической ракете к неизвестным ещё планетам, спорили о существовании гномов и домовых, искренне верили, что зло обязательно будет наказано.

Берёза около калитки стояла тихо-тихо, совсем не шевелились и не шелестели её листья. Она словно подслушивала и запоминала детские мечты и грёзы. Эта берёза росла здесь очень-очень давно. Она ещё помнила, как другие дети, которые уже выросли и стали взрослыми, так же сидели на этом крыльце, укутавшись в одеяла, и тоже мечтали. Если бы она могла, то рассказала бы много историй о том времени, когда её только посадили у этой калитки, как соседские мальчишки постоянно обламывали её ветки и делали из них веники и рогатки, как с умилением созерцала жизнь вокруг себя. Она бы вздохнула и улыбнулась, если бы могла.

Эти двое ребят напоминали ей неоперившихся птенцов, которые с тревогой и надеждой ждут, когда же вылетят из гнезда. Мир огромен! Как не потеряться в нём? Вернутся ли «птенцы» обратно навестить старых друзей, узнают ли своё бывшее окружение? А может, пройдут мимо? А может, слегка кивнут берёзке, улыбнутся возникшим картинкам из прошлого...

Никто не знает, как завтра сложится новый день. Но сейчас, в этот самый момент, два человека смотрят своими огромными, изучающими глазами в небо, представляют своё будущее, грезят наяву. Нет. Им не стоит мешать. Пусть это мгновение единения и безмятежного счастья длится, длится и длится.

Время ещё есть.

Постепенно голоса становятся всё тише и тише. Тишина, возникнув ненадолго, всё тянется и тянется. Умиротворение, словно лёгкая волна, накатывает на сознание. Хочется просто помолчать, подумать о чём-то своём, сокровенном.

Время кажется бесконечным.

2

Где-то на горизонте сквозь сумрак пробиваются первые красно-оранжевые лучи пробуждающегося солнца. Медленно-медленно мир окрашивают новые краски. Краски жизни, света, возрождения.

Звёзды неторопливо растворяются на всё более и более светлеющем небосводе.

Лёгкие и воздушные облачка лениво проплывают, впитывая в себя цвета нового дня. Они становятся нежно-розовыми, как щёчки младенца. Розовые, словно самое восхитительное лакомство.

А солнце поднимается всё выше и выше. Его свет становится всё ярче, окончательно высветляя и вытесняя своим жёлтым светом тёмные оттенки уже отступившей ночи. Звёзды, как обиженные влюблённые, в последний раз подмигнули и растворились...

Голубое-голубое, ярко-голубое небо. Облака, потягиваясь и проползая дальше, сбрасывают свои розовые одеяния.

Где-то уже в который раз кричит петух. Его чистый и звонкий голос нарушает тишину. Мир будто оживает и теперь может вдохнуть полной грудью. В воздухе появляется лёгкий терпкий аромат. В траве, отражая солнечный свет, поблёскивает роса — словно земля плачет от счастья и радуется наступлению нового дня.

Тепло проникает в воздух, ласково прогревает всё вокруг себя.

На крыльце, как два нахохлившихся воробышка, спят ребята. Солнечный свет нежно целует их взъерошенные макушки. Лёгкий ветерок едва касается волос.

Мгновение... ещё одно... и девочка просыпается. Она тихонько толкает брата в бок, и он тоже открывает глаза, потирая их руками.

Вместе они улыбаются солнцу, ветру, старой берёзе, белоснежным облакам, друг другу и новому дню.

15 сентября 2018 г.

Городец, Нижегородская обл.

Бабушкин рассказ

1978 год. Мы сидим с бабушкой за её маленьким столиком на кухне и пьём чай. За два года моей службы в армии бабушка, кажется, совсем не изменилась. В её слегка прищуренных глазах вижу хитринку и детскую насмешливость.

– Ну что? Опять про Есенина спрашивать будешь?

– Буду, бабусь! Не только спрашивать тебя буду, но и на магнитофон запишу!

Вижу, бабушке нравятся мои слова, и она улыбается!

– Ну, в общем, нам тогда пришло письмо из Москвы от папы...

Папа – Иван Гаврилович Блинов (1872–1944) – выдающийся мастер рукописной книги, художник-каллиграф, миниатюрист из Городца. В начале XX века фамилия Блинов была хорошо известна ценителям книжного искусства. Он не только переписывал старинные книги, точно воспроизводя почерк оригинала, но также украшал свои рукописи иллюстрациями-миниатюрами и художественными заставками в характерной для Древней Руси манере.

В 1909 году И. Г. Блинов переехал жить из Городца в Москву, где в течение 10 лет по заказу музеев и частных лиц создал много замечательных рукописных книг. Достаточно назвать две знаменитые работы Ивана Гавриловича Блинова. В январе 1911 года закончена совместная работа с художником Д. С. Стеллецким над «Слово о полку Игореве» (старославянский текст И. Г. Блинова, иллюстрации Д. С. Стеллецкого). Книгу приобрела и до сих пор хранит Третьяковская галерея. А в 1916 году И. Г. Блинов, выполняя заказы для императорского двора, изготовил 3 экземпляра статута ордена благоверной княгини Оль-

ги. За что был награждён золотой медалью на Андреевской ленте.

В годы проживания в Москве Блинов сотрудничал с известными русскими художниками В. И. Васнецовым, М. В. Нестеровым и другими. Был знаком с Ф. И. Шаляпиным и С. А. Есениным.

В марте 1913 года И. Г. Блинов стал членом учёной коллегии Российского исторического музея.

За свою жизнь И. Г. Блинов переписал более 100 рукописных книг, многие из которых украшают собрания столичных музеев и библиотек).

**Блинов Иван Гаврилович
(1872–1944)**

– Да. Папа звал нас к себе в Москву. В 1913 году всей семьёй мы переехали в Москву. Папа к тому времени нашёл квартиру, где мы и разместились. Вот в эту квартиру к Ивану Гавриловичу и приходил Сергей Есенин.

Есенин Сергей Александрович
(1895–1925)

С 1909 по 1916 год Иван Гаврилович Блинов трудился в Московской старообрядческой книгопечатне Л. А. Малехонова в Москве. Сергей Есенин с февраля 1913 года работал корректором в типографии И. Д. Сытина. Кстати, именно в типографии Сытина произошло важнейшее событие в жизни Сергея Есенина. Он впервые увидел напечатанными свои стихи! На страницах журнала «Мирок» в январе 1914 года появилась его «Берёзка», а в феврале – «Воробышки». За стихи Есенин получил свой первый гонорар – 3 рубля. В это время, очевидно, какие-то типографские дела сблизили С. А. Есенина и И. Г. Блинова. Кроме этого, в то время Сергей Есенин очень интересовался историей, а Иван Блинов был отличным её знатоком.

– Бабуся! И ты видела Сергея Есенина?

– Не только видела, но и разговаривала с ним! Был он такой худенький, бледный, кудрявый и очень насмешливый! Мне тог-

да было тринадцать лет, и я всё прекрасно помню! Несколько раз Есенин приходил к папе. Они уходили в папину комнату и о чём-то долго разговаривали. А Сергей даже засматривался на сестру Надю! Наде было восемнадцать, и она у нас была очень красивая. Я помню даже, что мама ругала её за то, что она кокетничала с Есениным.

– Надо же!

– Да. А потом папа ещё с Есениным встречался уже во время войны! Папа рассказывал нам об этом. Они даже на каком-то поезде раненых вывозили!

1 августа 1914 года началась Первая мировая война. Через месяц в неё вступила Россия. В ноябре было сформировано новое военное подразделение – Полевой Царскосельский военно-санитарный поезд № 143. Ему покровительствовала сама Императрица Александра Фёдоровна. Поезд состоял из 21 пульмановского вагона и был оборудован по последним достижениям техники и науки. Задачей поезда было доставлять раненых и больных в тыл из района боевых действий. Уполномоченным по поезду императрицей назначили полковника гвардии Д. Н. Ломана. Подразделение было элитарным. В штате поезда служили художник Г. И. Нарбут, архитектор И. Л. Шарлемань, сын Распутина Дмитрий Новых-Распутин, медсестрой была приближённая императрицы Анна Вырубова.

31 июля 1914 года в Российской империи была объявлена всеобщая мобилизация в армию. Боясь, что восходящая звезда русской поэзии – Сергей Есенин – может очутиться в окопах на передовой, поэт Сергей Городецкий обращается к полковнику Д. Н. Ломану с просьбой зачислить Есенина санитаром в штат поезда № 143. Ломан удовлетворяет просьбу Городецкого.

За 44-летнего Ивана Гавриловича Блинова ходатайствует князь Ширинский-Шихматов, восхищённый списком «Слова о полку Игореве». Так в 1916 году городчанин И. Г. Блинов тоже становится санитаром элитарного поезда № 143. С. А. Есенин

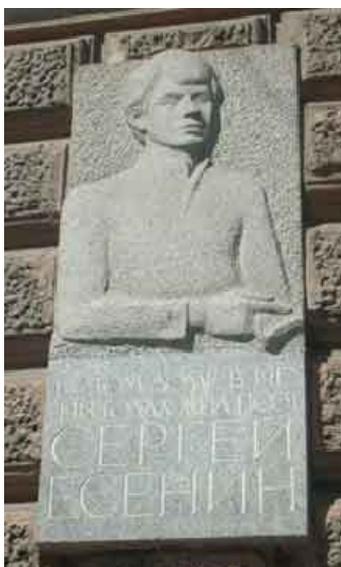

1916 год. Военно-санитарный поезд № 143. Сергей Есенин лежит (на переднем плане), Иван Блинов стоит (третий справа)

и И. Г. Блинов снова встречаются в Царском Селе. Их сближает военная служба. Вот что пишет в своей автобиографии И. Г. Блинов в 1919 году: «Во время отбывания военной службы в Царском Селе судьба свела служить со следующими лицами и жить и находиться в одной комнате: Шарлемань И. А. – художник; Наумов – художник; Сергей Есенин, поэт-самородок Рязанской губернии, сотрудник петроградских журналов».

На военно-санитарном поезде № 143 Сергей Есенин и Иван Блинов служили около года.

Работа санитаров была не из лёгких. В их обязанности входило: поддержание чистоты и порядка в вагонах, переноска на носилках тяжело раненных и больных, погрузка и разгрузка имущества, получение продуктов, раздача пищи и многое другое. Есть документ,

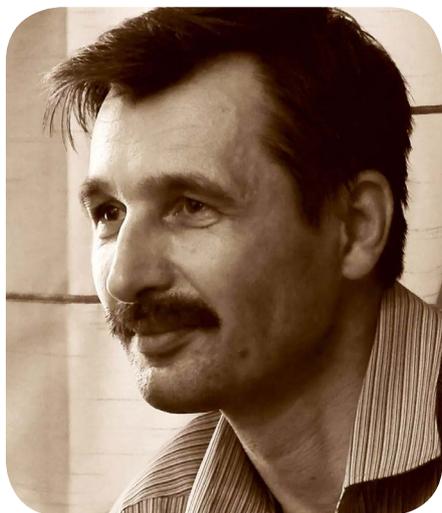
где говорится о Есенине: «Возложенные на него обязанности выполнял честно и добросовестно».

5 января 1917 года Есенин и Блинов были допущены в Фёдоровский государственный собор в Царском Селе на богослужение, на котором присутствовала императрица.

14 января 1917 года они оба в Царском Селе принимают воинскую присягу на верность царю и Отечеству. Но революционные события в стране прерывают их военную службу. Впереди Февральская революция и отречение царя от престола.

– Бабуся! А ещё Сергей Есенин и Иван Блинов встречались?

– Нет. Их жизненные пути разошлись. О самоубийстве Есенина Иван Гаврилович узнал уже здесь, в Городце, из газет. Вот такая история!

Евгений Косенков

Новосибирск

Призраки нашего рода

Закрутился так, что забыл о назначенной встрече. И теперь мчался к месту randevu, словно участник престижной автомобильной гонки. Сам назначил время и место, и сам же забыл. Такое случалось редко, но почему-то в этот день, седьмого июля, произошёл незапланированный сбой. Нервничал и ужасно ругал себя за это. Ведь можно было позвонить, извиниться, сказать, что немного опоздаю. На худой конец, просто перенести встречу. Номера телефона журналиста не было, но имелся номер редакции. Вчерашний звонок в самый разгар обсуждения важного проекта немного вывел из себя, и поэтому я в горячке назначил эту злополучную встречу. С другой стороны, эта встреча нужна не мне, а им. И я, наверное, мог бы вообще её проигнорировать. Вот только обещанное всегда привык выполнять.

Дорога ещё не успела подсохнуть после ночного дождя. Машин, несмотря на ранний час, мелькало предостаточно. Утреннее солнце давало понять, что день будет душным и жарким. На выезде из Академгородка, на кольце, машины встали. До встречи оставалось немногим двад-

цать минут, и ехать-то уже относительно недалеко. Боковым зрением я вдруг отметил, что автомобили слева прижимаются к впереди или сзади стоящим, словно освобождая кому-то дорогу. Я почему-то бросил взгляд вправо и лучше бы этого не делал. Опасность почувствовал поздно. Последнее, что увидел, – стойка вместе с моим сидением перемещается на полметра внутрь салона, а перед глазами вырастает огромный металлический бампер грузовика. Затем темнота...

...До сознания донеслись странные звуки, которые я уже когда-то слышал. Воздух терпкий, с ароматом скошенной травы, ударил в нос. Скошенная трава... Значит, звуки от срезания травы ручной косой. Медленно открыв глаза, увидел слегка раскачивающиеся густые кроны деревьев, в которых мелькало голубое небо.

– Горазд ты поспать, правнучек! – услышал я скрипучий густой голос, обладатель которого, видно, стоял недалеко.

Небольшого роста мужичок, с бородой лопатой, в просторной серой рубахе и таких же штанах, подпоясанный обычной верёвкой. На ногах лапти. В руках самодельный черенок грубой обработки, который венчала металлическая коса непривычной формы, выгнутая словно горбом. Умные пронзительные глаза внимательно следили за мной. На губах играла улыбка.

– Что, не признал деда Игната? Ну, так то ж не мудрено. Ты же меня и не видел никогда, а может, и не слышал. Мало кто своих прапрадедов помнит.

– Слышал от отца, – упавшим голосом пробормотал в ответ. – Получается, я тоже умер?

– Почему умер? – удивился дед Игнат. – Живой ещё, дай Бог, живи на пользу своей земле. А я преставлюсь токмо через пяток лет. Тебе же рано даже думать о смерти. Возвращайся в свой мир, правнучек, и не гневи Бога. А самое главное, род наш не должен прерваться...

Сознание поблекло, я начал заваливаться на спину...

Пробуждение оказалось неприятным. Под сильным ливнем одежда в момент впитала воду и облепила тело. Я стоял у дороги, по которой двигались вымокшие, усталые солдаты с винтовками Мосина с примкнутыми к ним четырёхгранными штыками. Длинная колонна неспешно куда-то двигалась по грунтовой разбитой дороге. Вдали, в том направлении, гремел то ли гром, то ли взрывы. Меня никто не замечал.

Неожиданно кто-то толкнул в бок.

– Рёбра не болят? – спросил красноармеец с санитарной сумкой на плече. – В двух местах левое лёгкое проткнули. Четыре ребра сломаны, рука. Сильный ушиб и рассечение головы в нескольких местах.

Осмотрев себя и не обнаружив бинтов, не ощутив никакой боли, я удивлённо уставился на бойца, лицо которого показалось смутно знакомым.

– Не бойсь, выкарабкаешься, но если только верить в это будешь. Ты же ещё главную свою задачу на земле не выполнил. Жениться тебе надо, внучек.

Присмотревшись к говорившему, понял: рядом стоит мой дед Василий Игнатьевич, пропавший без вести летом 1941 года на западном фронте.

– Дед? А как же?..

Тот усмехнулся, вытер рукавом дождевую воду с лица, потом достал из кармана гимнастёрки что-то свёрнутое треугольником, сунул в мой карман и удержал от попытки достать обратно.

– Успеешь посмотреть. Ты вот скажи, почему не женат? Скоро сорок, а у тебя нет семьи. Родители умерли и не дождалась. Как так получилось?

От неожиданности я развёл руками.

– Делал карьеру, – пробубнил в ответ не своим голосом. – Не до этого было. Работа...

– Менять, значит, надо работу, внук. Менять. Род наш кто продолжит, кроме тебя? То-то и оно! Мои братья все бездетными погибли в 1942 году, а обеих сестрёнок вместе с матушкой расстрелял немец в декабре этого года. И я ровно через месяц погиб-

ну под Киевом. Накроет нас миной прямо в окопе, когда буду перевязывать раненого бойца. Ну да ладно, бывай. Пора мне.

Он отошёл на пару шагов и вернулся.

– Очнёшься в больнице, – зашептал дед на ухо. – Присмотрись к девушке. Удачи, внук! Помни, что я тебе рассказал!

Дождь, казалось, усилился, фигура санинструктора ефрейтора Алексея Игнатьевича Васнецова размылась и слилась с серой массой идущей навстречу смерти пехоты.

Сознание опять поблекло.

– Помнишь этот вечер? – неожиданно раздался до боли знакомый голос.

Передо мной за столом нашей беседки в саду сидел отец. Всё те же умные, пронзительные глаза и внимательный взгляд. В руке тлеет самокрутка.

На небе ни облачка, звёзды ярко мерцают. Ни ветра, ни комаров, ни мошкары.

– Я помню... батя...

Дыхание перехватило, даже слёзы брызнули из глаз.

– Эх тебя хватануло, – улыбнулся отец. – Вспомни, о чём мы говорили с тобой в этот вечер. Обязательно вспомни. И сделку отмени. Домик наш не продавай. Продашь – всё потеряешь.

– Я уже договорился. Это же неустойка. Большие деньги...

– Ты что, торгашом стал? Всё у тебя деньги и деньги. Прожить можно и без больших денег. В жизни главное – душу иметь, совесть. Оторвёшься от природы – потеряешь всё. Деньги – земное, их на тот свет не возьмёшь. Там душа ответ держать будет за твои дела и поступки. А к словам деда прислушайся...

Вдруг всё резко исчезло, и появилась боль. Страшная, мучительная. Захотелось закричать, но из глотки лишь вылетели невразумительные звуки, которые тут же пропали. Глаза открылись и передо мной оказались прекрасные серые глазки незнакомой девушки. Сознание на этот раз не померкло, но происходящие события долетали до меня как сквозь плотный туман. Восприятие балансировало на самой грани.

– Он очнулся! – торжественно прошептал девичий голос. А может, мне просто так показалось.

– Вот и замечательно! – ответил другой, принадлежащий явно мужчине. – Работаем, коллеги.

Проснулся в темноте. Хотелось пить, но пошевелиться не смог. Лишь повернуть голову влево и вправо. Слева ничего интересного, только стена; справа кровать, над ней освещённое лунной окном. «Больница», – мелькнуло в сознании. При дыхании побаливала грудь. Губы высохли и слиплись. В горле такая же сухость.

Лёгкая тень мелькнула, обдав тонким ароматом духов. Девичья рука приподняла мне голову, в рот потекла живительная влага. Сон сморил моментально, как только организм получил необходимое. И я потом не мог вспомнить – уснул, когда попил, или уснул во время сего процесса. Почему-то именно эти мысли одолевали меня после утреннего пробуждения.

Потекли размеренные дни в больничной палате. Кроме меня тут лежало ещё пять человек с травмами разной степени тяжести. Разговоров не было, лишь изредка звали медсестру или перебрасывались короткими фразами между собой. Я попытался узнать имя той девушки, что была на операции, но медсёстры только пожимали плечами. Врач, который каждый день появлялся в палате – и порой не один раз, – в ответ только улыбался, делал своё дело и уходил.

Через месяца уже мог самостоятельно передвигаться, боли почти не чувствовалось, рука в гипсе висела на перевязи. Желание найти ту девушку с серыми глазами заставляло меня бродить по всем этажам больницы. Очень хотелось её просто увидеть.

В один ничем не знаменательный день за окном не переставая лил дождь, в палату вошла девушка в белом халате с озорными серыми глазами. «Это она!» – сразу выдала память, и сердце бешено застучало. Девушка обвела палату улыбочивым взглядом. Все в палате, кто мог её видеть, заинтересованно уставились на гостью.

– Где тут мой жених? – спросила она, продолжая лучезарно улыбаться. – Замуж позвал, когда был при смерти, а как выздоровел, так сразу спрятался.

Я неосознанно дёрнулся. Так сильно резануло слух слово «жених».

– Ага, – негромко засмеявшись, сказала она. – Объявился. Наверно, думал, что я забыла?

Девушка шла ко мне. Я проглотил комок в горле. Лицо, по-видимому, часто менялось от бледного до пунцового цвета, так как она шла ко мне уже с какой-то замороженной улыбкой.

– Извините, – произнесла девушка, присев на краешек кровати, но улыбка никуда не исчезла, – что не скажешь при смерти. Поэтому я вас освобождаю от вашего предложения.

– Нет, нет! – слишком поспешно ответил я, разглядывая тонкие чувствительные губы. – Просто я не помню, что предлагал вам выйти за меня замуж... Но я хочу предложить сейчас...

– Ого! А вы прыткий. Своего явно не упустите!

– Вы согласны? – спросил и задержал дыхание.

– Но я ведь не могу вот так вот выйти замуж за первого больного, – заговорила девушка серьёзно, но в глазах бесновались весёлые чёртики.

– Я понимаю, мы недостаточно знакомы и разница в возрасте... – залепетал я, краснея.

– Значит, так. Завтра я приду, и мы прогуляемся по территории. Заодно и поближе познакомимся. Хорошо?

Я невольно кивнул.

После ухода девушки до меня дошло, что так и не спросил, как её зовут. Обругал себя самыми последними словами и стал ждать завтра.

Всё, что происходило после аварии и во время операции, я считал плодом болезненно разыгравшегося воображения. Поэтому данную тему просто вычеркнул. Хотел было позвонить в редакцию, но мой

мобильник был уничтожен при аварии, а номер телефона наизусть не запомнил. Вечером решил, что попрошу помощи у сероглазой девушки, и она всё найдёт и позвонит куда надо.

Утром проснулся ни свет ни заря. Бродил от окон палаты до окон коридора. Больные в палате только провожали взглядом. Некоторые улыбались, другие усмехались. Я же был как на иголках.

Девушка появилась после обеда.

– Добрый день!

– Добрый день! – как попугай повторил я и смутился.

– Идёмте?

Я под завидующими и любопытными взглядами пошёл на выход.

Минут пять просто шли по аллее и молчали.

– Меня Алексей зовут, в честь деда, – решил я.

– Елена, – ответила девушка и кокетливо наклонила голову влево, – в честь бабушки.

Остановились у скамьи, но не присели, а остались стоять.

– Я правда предлагал вам выйти замуж за меня?

– Правда. Если мне не изменяет память, то это звучало так: «Я непременно останусь жив только при условии, что ты выйдешь за меня замуж».

– А вы?

– Так, давай на ты. Тем более именно ты начал говорить «ты», – она засмеялась. – Смешная фраза получилась. Я ведь согласилась. К тому же есть свидетели. Все, кто был в операционной.

– Отлично, – выдохнул я, вновь превращаясь в торгового менеджера. – Как только выпишут из больницы, идём в загс.

– Тебе точно палец в рот не клади. Шустрый. Если бы ты знал, сколько у меня было ухажёров, и все получили от ворот поворот.

– А чего тянуть? Ты же согласна.

– Пока не узнаю тебя и о тебе, не познакомлюсь с твоими родителями, в загс не пойду.

Неожиданно зазвонил её мобильник. Елена выхватила его из сумочки лёгким движением. Выслушала и вернула обратно.

– Мне пора. По поводу твоей просьбы насчёт редакции – я всё сделаю. «Сибирская молодость» называется? Правильно?

– Угу, – загрустил я.

Ещё более неожиданным оказался внезапный поцелуй в щёчку.

– До завтра, жених. До палаты один дойдёшь?

Я кивнул в ответ и продолжал вдыхать оставшийся от неё лёгкий аромат цветочных духов.

– Ловок, внучек! Так держать!

Сказать, что я испугался, – это ничего не сказать. У меня сердце потерялось в пятаках, а вид со стороны, наверно, был самым что ни есть красноречивым. Я медленно повернулся всем телом к скамье и обомлел. В центре сидел дед Игнат с бородой лопатой, в своих серых штанах и рубаше, справа – дед Алексей в красноармейской форме и с сумкой санинструктора, слева – отец с дымящейся самокруткой. И ведь я явственно ощутил запах табака и лекарств.

– Будущее тебе знать не положено, – заговорил дед Игнат. – Его ты сам будешь делать. Надеюсь, что делать будешь с головой. Елену не упusti, хорошая дивчина. Добрая жена будет. И ты уж извини Лёшку, что он за тебя предложение ей сделал. Мы все добра тебе желаем.

– Тёзка, внук, – заговорил дед Алексей. – У меня к тебе просьба большая. Помогите нам, погибшим при обороне Киева, обрести покой. Хотелось бы могилку братскую и какой-никакой памятник. Авось, и меня отыщешь. Хотя после мины от нас, наверно, ничего и не осталось. Я написал в записке место гибели, и там ещё сюрприз для тебя маленький. Помнишь, в карман положил? Ну что, сделаешь?

Я кивнул.

– Значит, я действительно побывал в вашем времени? И это не сон?

– Не ты побывал, а твоя душа, – ответил молчавший до сих пор отец.

– Я же чувствовал запах, слышал звуки, дед положил листок в карман...

– Тело есть тело, а для твоей души образовалась эфемерная оболочка, которая потом соединилась с телом. Мы вот соединиться уже не можем, но ведь сидим перед тобой. Мы живём только в прошлом. А у тебя есть будущее, ты ещё не прожил жизнь.

– Батя, почему не продавать дом?

– А ты не понял?

– Нет.

– Пока он существует, мы сможем время от времени общаться. У дедов домов давно нет, но память о них осталась в их вещах, письмах, документах, которые лежат в доме, в тайнике. Потому и они могут приходить в него. Хорошая защита дома. Иконы верни в красный угол. Приезжал бы почаще к нам с матерью – глядишь, и знал бы историю своего рода. А шалоболок-подружек однодневных забудь.

Все трое заулыбались.

– Нам пора. Работай, сынок, над ошибками.

Я хотел ещё кое-что спросить, но их уже не было. Навстречу шла одна из медсестёр, и её решительный вид не оставлял сомнений – за мной.

В последующие дни всё закрутилось с бешеной скоростью. События наслаивались одно на другое. Во-первых, меня выписали, во-вторых, уволился с работы, в-третьих, дом не продал, в-четвёртых, никакая редакция меня не искала, и та, откуда мне звонили, никогда не существовала, в-пятых, мы с Леной подали документы в загс и, в-ше-

стых, записка деда лежала в кармане брюк вместе с его рисунком, на котором красовался портрет моей возлюбленной...

Жизнь изменилась кардинально. Через десять лет я уже мог подвести небольшой итог. Красавица-жена, два маленьких сына, новая работа. Четыре выезда на поиски павших солдат вместе с поисковым отрядом «Днепр-Украина» под Киев, в село Гатное. Обнаружение и захоронение до полусотни советских бойцов и командиров, защищавших город в 1941 году, и тех, кто погиб при освобождении столицы Украины. И деда я нашёл. По его сумке, где лежал портрет моей бабушки, написанный рукой моего деда. В 2006 году в селе Гатное был воздвигнут мемориал. Тайник в доме я тоже нашёл, там почти полная родословная нашего рода, которая начинается со времён правления Иоанна Третьего.

Я рассказал Лене о призраках и моём путешествии, когда был без сознания, она улыбнулась и обняла меня.

– Я знаю, – тихо прошептала она. – Я видела их.

Вот так и живём, с призраками нашего рода. С предками, которые не предадут и защитят. И что самое удивительное – дети и жена могут с ними общаться! Мистика? Это уже решать вам.

Страницы автора

www.proza.ru/avtor/sib333

stihi.ru/avtor/sib333

Работа делает свободным

Глава 1

Я запрокинул голову и уставился в небо. Чистое, светлое, голубое. Солнце будто издевается надо мной. Апрель, самое время запрыгнуть на велосипед и помчаться вниз с горки, прямо к набережной! Однако у евреев конфисковали не только велосипеды, но и элементарные права на обычную жизнь. Даже нас, детей, загнали в рамки сурового режима и лишили права посещать школы, к которым все так привыкли. Я учился в маленьком Еврейском лицее вместе с другими ребятами моей национальности.

1940-й год. В прошлом году Европу охватила война. Моя родная Польша исключением не стала, ведь с неё всё и началось. В ноябре мне должно было исполниться всего четырнадцать лет. Я жил в небольшом городке, но и в нём организовали немецкий штаб. Всех евреев переселили в старый район, из которого сделали гетто. Остальных жителей нееврейской национальности оттуда выселили, и по улицам ходили одни лишь несчастные «жиды». Вокруг этой территории поставили высокое проволочное ограждение и несколько сторожевых вышек. По улицам гетто разъезжали полицаи и офицеры. Они в любое время суток врываются в дома, громили и грабили, а жильцов убивали. Также они проводили облавы, в результате которых погибали случайные люди.

Один раз мы слышали из окна отдалённые крики. Из соседнего трёхэтажного дома выгнали несколько семей, и некоторых людей, поставив к стене, расстреляли. А оставшихся гнали по улице, стреляя в них, как в живые мишени.

Иногда и к нам в лицей наведывались такие гости. В соседнем кабинете однажды раздались два выстрела: оказалось, что нацисты наугад выбрали двоих детей и расстреляли.

Тут и там ходили различные слухи, понятное дело, не очень приятные. Мне становилось не по себе, поэтому я просил взрослых при мне о таких вещах не разговаривать.

– Хошка! Чего встал?

Я почувствовал на спине несильный удар девчачьей руки. Это моя одноклассница, кудрявая черноволосая Сара Ацевич, не теряла своего оптимизма даже в наше непростое время. Улыбка до ушей, сверкающие глаза. Скрестив руки на груди, Сара прикрывала свою жёлтую звезду.

– Просто загляделся на небо, – я махнул рукой и улыбнулся.

Оптимизм Сары никогда не распространялся на окружающих. За исключением меня, конечно. Мне было необходимо иногда обращать происходящее в шутку из-за моей природной ранимости.

– Сара, перестань!

К нам подошёл самый серьёзный член нашей компании – рыжая, как и я, Циля Полански. Она сжимала свой портфель в руке так, будто его сейчас отнимут, и зло сверкала глазами на Сару. Та пожалала плечами и только хмыкнула. Переубедить Цилю было невозможно, а ругаться не хотелось. Они с Сарой как-никак с детства дружили. Поражался я этому. Циля была вечно серьёзной, угрюмой и с лёгкостью находила повод для смены настроения, причём не только своего. А Сара, наоборот, была вечно бодрой и отзывчивой хохотушкой.

– Чего вы здесь встали? Меня ждёте?

Небрежной походкой к нам шагал Максен Корчик. Ему было шестнадцать, но он с удовольствием общался с нами. Мы познакомились с ним ещё до войны во дворе небольшого трёхэтажного дома, когда Максен вдохновенно лазал по старым кривым деревьям, а мы с девочками и его мамой пытались вернуть юного любителя приключений на устойчивую поверхность.

– Идёмте по домам, – сказал он.

Я согласно кивнул. Циля проговорила: «Давно пора», – и мы двинулись вдоль по улице. На тротуар заходить запрещалось, поэтому мы шагали прямо по чуть застеленной грязью дороге. Сначала проводили Цилю, потом Сару.

Максен опустил руку мне на плечо:

– А теперь пошли к тебе.

У Максена не было близких друзей, кроме меня. В начале войны отца призвали на фронт, и он там погиб спустя несколько дней. Мать от этой вести хватил удар. Максен остался вольной птицей и ночевал где придётся.

...Когда я, наконец, оказался на пороге своего дома, меня встретила старшая сестра Анхиль в красной вязаной шали на хрупких плечах. На них и на её впалые щёки падали лучи мягкого вечернего света сквозь стекло из двери, ведущей в гостинную.

– Ты сегодня припозднился. Я уже заволновалась, как бы с тобой чего не стряслось, – она нежно поцеловала меня в лоб. – Проходи, Хошка, раздевайся.

Мои родители держали обувную фабрику. Они работали на немецкую армию, поэтому на Езёранских повесили ярлык «предатели». Нам часто били стёкла и писали на двери всякую ересь. В лицее летели угрозы от ещё более обиженных жизнью, но меня всегда защищали Циля с Сарой. И Максен, если был неподалёку. Домой к нам иногда заглядывали немцы. Они о чём-то говорили с отцом и смеялись с матерью. Я в такие часы забивался куда-нибудь в укромный угол и думал: «Почему остальные считают, что они несчастнее, чем я? Несмотря на то, что мы на немцев работаем, особых привилегий у нас нет! Родителям надо в поте лица шить сапоги для армии. Если они не уложатся в ограниченное время, то возникнут большие проблемы. Так в чём же мы лучше?.. Тем более наш дом всё равно находится на территории гетто, и только родители вправе выходить за его пределы на фабрику, да

и то строго по пропускам и тщательному досмотру».

Анхиль подала геттовский скромный обед и села рядом. Дождавшись, когда я доем, она придвинулась ближе.

– Тебя сегодня обижали?

– Ага, – я прижался к её большой и тёплой груди, закрытой плотной чёрной тканью платья, и вздохнул. – Опять обзывали меня немецкой подстилкой. Циля их разогнала, не волнуйся.

– Постарайся не обращать внимания. Они ослеплены своими фантазиями и никогда не поймут, что мы ничем не отличаемся. Они не знают, кого по-настоящему стоит звать немецкими подстилками.

– Сегодня немцы тоже придут? – спросил я, приподняв голову. Анхиль печально кивнула, мол, придут.

– Тот (кажется, офицер) Майер пристаёт ко мне, – сказала она. – Вечно пытается прижать в укромном углу...

– Боже, когда же это кончится? – я почувствовал, как нижняя губа начинает дёргаться.

Анхиль погладила меня по голове. Я крепко обхватил сестру за шею и разрыдался ей в плечо.

– Ну-ну, перестань, – Анхиль попыталась успокоить меня, но у неё это никогда не получалось. От её печального голоса я всегда рыдал ещё сильнее. Мне было жаль и себя, и сестру, которой тоже несладко на обязательных работах. То мешки таскать, то разгрести что-нибудь...

Вдруг в прихожей хлопнула дверь. Мы разом наострили уши. Послышались шаги, и в комнате появилась рыжая женщина сорока лет, высокая и худощавая – мать. Она презрительно взглянула на нас и сказала:

– Вместо того чтобы сидеть и плакать, могли бы прибраться. Вечером будут гости.

Подойдя к нашему дивану, мать с пренебрежением ударила меня двумя пальцами по подбородку:

– Что ты ноешь как баба? Избаловали мы тебя. Встань и иди протирать пыль на шкафах!

– Немцев так заботит твоя пыль на шкафах, – зло ответил я, глядя на неё в упор. Анхиль дёрнула меня за рукав, призывая подчиниться, но я был неумолим. Я скандалил с матерью по любому поводу: из-за немцев, работы родителей, моего характера.

– А ты не разговаривай со мной в таком тоне! – прикрикнула мать.

– А ты не заставляй меня драить дом из-за этих тварей! – я вскочил с дивана. – Я не буду на них работать! И прыгать перед ними тоже!

Мать со всей силы залепила мне пощёчину, я еле устоял на ногах.

В это же мгновение оконное стекло со звоном разлетелось на тысячи осколков, и прямо на стол грохнулся кирпич, обмотанный бумагой с надписью «Смерть предателям!». Анхиль закричала и села на пол, закрыв голову руками. Мать схватила кирпич и без раздумий кинула обратно. Она сжала кулаки и зашлась руганью, гневно глядя на кучу осколков.

Не прошло и пятнадцати минут, как по обыкновению появился Максен, и я поспешил увести его в свою комнату. Мать только фыркнула, глядя на драный наряд Максена. Он в свою очередь фыркнул, глядя на выглаженную накидку моей матери.

Стушались сумерки. Настенные часы пробили девять вечера. Начался комендантский час. Максен развалился в моём кресле и лениво листал книгу про животных. Уходить он не собирался.

– Макс, уже девять! – обеспокоенно сказал я, присев на ручку кресла.

Максен поднял невытую каштановую голову.

– Кто сказал, что я куда-то уйду?

– Ты что, здесь ночевать будешь?

– Так сильно хочешь выгнать меня на растерзание молодчикам с вышек?

– Я не о том, – поспешил объяснить я. – Просто к нам с минуты на минуту придут немцы с папиной фирмы...

– Они сегодня не придут! – в комнату неожиданно зашёл, снимая на ходу плащ, мой отец – мужчина сорока пяти лет в очках, слегка поседевший и оттого казавший-

ся старше. – Так что Макс может спокойно переночевать у нас.

И он потрепал Максена по голове. Тот боднул отца головой в бок, словно лапастящаяся кошка.

– Эрнест, неприемлемо оставлять у себя дома всякий сброд, – заметила появившаяся из коридора мать. Отец косо взглянул на неё:

– Макс такой же еврей, как и мы с тобой. К тому же он давний друг Хошеа.

Мать только глаза закатила. Отец приготовил нам чай, попросив её не мешать детям. Мы посидели немного в гостиной вместе с Анхиль, а потом вернулись в мою комнату. Я кое-как разложил простынь на полу и любезно предоставил кровать Максену. Тот зарылся лицом в мягкие подушки.

– Ты и вправду как принц заморский живёшь, – проговорил Максен из-под одеяла. – Куда тебе до челяди.

– Перестань! – взвился я. – И ты туда же?

– Я шучу, – успокоил меня Максен. – Даже если весь мир будет против тебя, я всегда защищу своего маленького друга.

– Ну спасибо! – хмыкнул я. – Как трогательно!

Воцарилось молчание. Где-то далеко на улице слышались какие-то глухие удары, будто по асфальту били огромной деревяшкой. Я и не заметил, как заснул. Хотя на полу спать было непривычно.

...Я проснулся поздно. Выходной, в лицей идти было не надо. Максен развалился на моей кровати, сбросив одеяло во сне, и сопел, как младенец. Я, стараясь не разбудить его, убрал простыню обратно в шкаф и присел на край кровати. Вскоре Максен заворочался и приоткрыл глаза.

– Доброе утро, – я поприветствовал его.

Максен лениво поднял руку в знак ответного приветствия и протянул её мне, мол, подними. Я помог ему сесть на кровати. Максен раскинул руки в стороны, потянулся и широко зевнул, не прикрывая рот.

– Знатно я выспался! Как царь!

– Поздравляю! – я улыбнулся.

Максен хитро подмигнул мне и завалился обратно, щёлкнув пальцами:

– Раз я сейчас царь, то ты мой придворный! А ну-ка, принеси поесть!

– Мигом, Ваше Величество, – я вскочил, поклонился и вылетел на кухню.

Анхиль дремала в прихожей, родители ушли на фабрику, поэтому никто не заметил того, что я схватил из буфета немного еды и удалился к себе. Если бы мать узнала, что Максен спит на моей кровати и я вдобавок прислуживаю ему, то убила бы нас обоих. Но как приятно видеть на заморенном лице Максена лёгкую полуулыбку, которая появлялась только в самые приятные моменты!

Максен ел долго, смакуя каждую крошку далеко не свежих продуктов. Потом медленно оделся. Не успели мы выйти из комнаты, как постучала Анхиль:

– Ребята, девочки пришли!

Я очень обрадовался приходу Циля и Сары. А они обрадовались, что не придётся тащиться за Максеном и искать его в переулках, ведь он уже здесь. На Циле были надеты кофточка жёлтого цвета и тёмно-коричневая юбка до колен. В свои короткие рыжие волосы она вставила старый потрёпанный ободок. Сара же была в белой рубашке, синей юбке и с красным бантом на голове. Она была похожа одновременно на мухомор и на фею.

– Вы все такие милые и красивые! – восхитилась Анхиль, убирая за спину свои косы. – Давайте я вас сфотографирую!

– У вас фотоаппарат есть? – изумилась Циля. – У нас конфисковали.

– А не у вас одних! – бодро сказала Сара. – У нас тоже. Хошке везёт, его немцы любят!

– Ты заблуждаешься, – мягко перебила её Анхиль. – У нас нет никаких особых привилегий.

– А как же вот это всё? – Сара обвела рукой вокруг себя.

– Замолчи! – прикрикнула Циля, побагровев так, как будто её страшно оскорбили. – Ты ничего не знаешь об их семье! Помалкивай, когда не просят говорить!

Сара не обиделась.

Анхиль настроила фотоаппарат. Мы четвером встали, положили друг другу

руки на плечи и замерли. Щёлкнула вспышка, и Анхиль радостно сообщила:

– Вечером постараюсь проявить после работы!

– Надеюсь, никто не кривлялся, – сказала Циля, обведя нас троих строгим взглядом.

Попив кофе с когда-то принесёнными офицером Майером печеньями, я, Циля, Максен и Сара отправились на прогулку. Анхиль стояла на пороге и махала нам рукой. В чёрном платье она выглядела очень броско на фоне светлых стен нашего маленького дома.

Пару раз по дороге нам попадались немцы, ведущие под руки пожилых людей с жёлтыми звёздами. Они сажали их в чёрные фургоны и увозили.

– Когда я это вижу, хочется убежать далеко-далеко, – проговорила Циля, провожая зловещий фургон взглядом. Мы ничего не ответили ей. И так ходили слухи о том, что в гетто «подчищают» улицу за улицей.

– А представьте, мы тоже попадём в такую машину и... – сказала Сара, но закончить не успела. Навстречу нам, откуда ни возьмись, вышел молодой светловолосый немец. Это был тот самый Вольфганг Майер, контролировавший фабрику родителей и ошивавшийся у нас дома. Он меня тоже узнал и вскинул руку в приветствии:

– Зиг Хайль, Осия!

И оскалился с ехидной рожей, ожидая моей реакции.

Я поджал губы и ответил ему тем же.

– Ну, а как же слава победе?

– Зиг Хайль! – выпалил я, морщась.

Вольфганг одобрительно кивнул и пошёл по своим делам. Я медленно опустил руку, чувствуя, что она стала ватной.

Мы продолжали идти молча. У меня по спине бегали мурашки, я ждал, что скажут ребята. Наконец Сара нарушила неловкую паузу:

– Осия – это твоё имя по-немецки? А что, мило звучит!

И тут же получила нагоняй от Циля:

– Следи за своим языком!

– Ничего страшного я не говорю! Или я должна, как ты, ходить и брюзжать? Тебе всего четырнадцать, а ведёшь себя, как злобная семидесятилетняя старуха, которая жила рядом с бывшей школой и кидалась во всех камнями! Не хочу с тобой больше разговаривать.

Сара резко развернулась и пошла вниз по улице, бросив на Цилю презрительный взгляд. Максен покачал головой:

– Тебя действительно послушаешь и жить не захочешь! Остаётся забиться в угол и ждать, пока в твой дом придут немцы.

– Да пошёл ты к чёрту! – ответила Циля и бросилась куда-то в переулок. Я метнулся за ней, но Максен загородил дорогу:

– Ну её!..

– Макс, не могу! – я вывернулся из-под его руки. – Лучше вечером приходи в гости!

Оставив Максена посреди дороги, я начал искать Цилю и нашёл у фонарного столба. Она тяжело дышала от быстрого бега. Схватив подругу за плечо, я развернул её к себе:

– Ты чего убежала?

– Не хочу это слушать!

– Но Макс прав! – возразил я. – Ты говоришь, что Сара твоя лучшая подруга, а сама с ней так обращаешься.

– Я сама решу, как с кем обращаться!

Циля постепенно начала остывать и приходила в нормальное состояние. Откинув с лица чёлку, она подняла взгляд:

– Может, погуляем вдвоём?

Мы не заметили, как очутились на маленькой площади рядом с заросшим и давно не работающим фонтаном. Никого вокруг не было. Это оказалась одна из тех «подчищенных» улиц. Циля села на камень и уткнулась лицом в колени. Я сел рядом и ободряюще похлопал её по спине:

– Не переживай!

– Не переживать? Это у тебя всё хорошо, дорогой мой. Живёшь себе потихоньку. И сестра у тебя хорошая. Не то что у меня. Амалия презирает меня. Каждый день старается унижить перед отцом. А он молчит и не заступает.

Мы замолчали. Небо заволакивало облаками. Они наплывали откуда-то из-за крыш, скрывая солнце.

– Помнишь, как мы на пляже в детстве играли? – вдруг спросила Циля. – Ракушки собирали, замки строили. Помнишь, моя мама мне не разрешала купаться долго, а я пряталась под мост и вылезала вся посиневшая. А теперь нам туда нельзя.

– Да! – закивал я. – Или когда мы носились как оглашенные и какой-то старик ругался с нами? А мы подарили ему красивый камешек, и он оставил нас в покое.

– Или помнишь, как мы в школу в первый раз пошли? Как Сара притащила своих родителей на час раньше, чем надо? И они стояли и мокли под дождём!

– А помнишь, как Макс украл у старшеклассника велосипед?

– Да, – Циля вдруг помрачнела опять. – И тот старшеклассник обозвал его жидом. Тогда, уже тогда всё завертелось... И мама прямо перед войной умерла. Как хорошо, что она ничего этого не видит.

Я прикрыл глаза. В памяти как живые вставали ребята безо всяких жёлтых звёзд, стоящие наравне с польскими детьми, которым было плевать, евреи мы или нет. И мы катались на велосипедах, ходили в библиотеку и в теннисный клуб. Я иногда думал, что довоенное детство мне приснилось. Прошло всего-то ничего. Но тот, кто попал в мир нацистского режима, теряется во времени и думает, будто всегда так жил.

– А Маля всегда была уродиной, – произнесла Циля, глядя вдаль. – Не то что она там дура какая-то, нет! Я про то, что она слишком женственная девочка. А я терпеть не могу слишком женственных девочек и слишком мужественных мальчиков!

– Почему?

– Не знаю.

В Цилиных глазах загорелись огоньки, и она подвинулась ближе. Склонив голову на моё плечо, прошептала мне в ухо:

– А ты, Хошеа Езёранский, идеальный человек.

– Значит, судя по твоим рассуждениям, мы друг другу подходим? – уголки моих губ поднялись.

Циля кивнула.

– Подходим. Хошка, мы поженимся, когда вырастем?

– С чего это ты вдруг об этом заговорила? – спросил я, понимая, как глупо сейчас выгляжу.

– Мы же лет в пять обменялись альбомами с марками. Тогда и наши мамы с папами нас женихом с невестой называли.

Я взглянул на обычно серьёзную и строгую Цилю, увидел её лицо и расхохотался от внезапно нахлынувшей лёгкости. Показалось, будто война уже кончилась и мы с Цилей живём в прекрасной и спокойной Польше. Но будущее наше за непроглядными сугробами, неизвестно, проснёмся ли мы завтра утром. И остаётся жить сегодняшним днём и смотреть на сугробы будущего сквозь розовые очки.

– Что ты смеёшься? – насупилась Циля. Губы поджимает, а сама тайно поглядывает, что я дальше делать буду. Ох, какая хитрая у меня подружка! – Но, знаешь, я люблю ещё и Сару! Почти как тебя.

– Вот не сказал бы! – изумился я.

– Со стороны кажется, что я Сару ненавижу. Но я её обожаю. Люблю наблюдать за её весёлостью, которую я из года в год не в силах подавить. Я специально на неё кричу, чтобы не разочароваться в ней. Чтобы она разозлилась на меня, но продолжила так же смеяться над самыми несмешными вещами. Чтобы держалась и... – Циля запнулась. – И продолжала дарить мне веру в жизнь. Я думала о самоубийстве. Война, насмешки, унижения... Это больно. Но когда я смотрю на Сарину улыбку, я чувствую, как во мне кричит голос: «Держись! Мы всё преодолеем! Мы увидим небо без вражеских самолётов и Польшу без оккупантов!» И, Хошка, я хочу жить. Чтобы после войны Сара продолжала так же улыбаться.

Циля набрала в лёгкие воздуха и умолкла. Я так вдохновился её речью, что радостно обнял подружку и поцеловал в щёку:

– Мы выживем! Назло всем выживем! И после войны вчетвером пойдём гулять по счастливым, цветущим улочкам!

– Ты женишься на мне, а Максен пускай на Саре.

– А он согласится? – я рассмеялся. – Макс по сравнению с Сарой такой зануда!

– Не захотят, тогда мы их насильно поженим!

Я столько лет не видел, чтобы её щеки заливались румянцем!

После прогулки я повёл её к себе. Мы сидели в гостиной, слушая рассказы Анхиль. Зимой люди, принуждённые к работам, убирали снег, весной – то, что под снегом скопилось. И это было далеко не единственное занятие... Я смотрел на Анхиль и с каким-то внутренним страхом представлял её, невысокую девятнадцатилетнюю девушку с двумя рыжими косичками, совсем замученной и изнурённой с тяжёлым мешком за спиной.

Потом мы стали копаться в книгах в моей комнате. Циле очень нравилось рассматривать старые фотографии родителей и мои довоенные рисунки.

– А это что? От кого? – она вытащила из стопки разрисованных бумаг конверты.

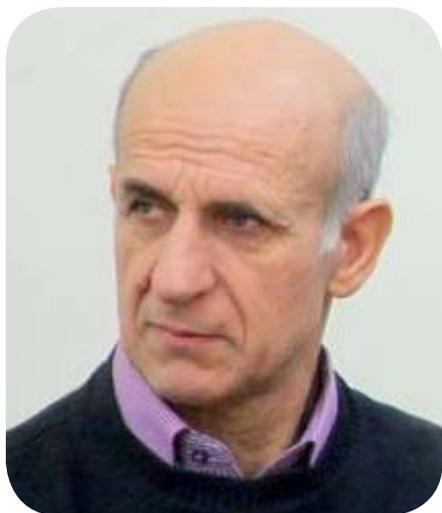
– От моего друга по переписке из Кракова, – объяснил я. – Мы до войны постоянно писали друг другу письма, а потом он куда-то пропал. Его звали Това.

– Интересно, – Циля оценивающе разложила перед собой конверты.

– Я всегда с нетерпением ждал от него писем. Не знаю, может, его уже нет в живых.

– Как и многих ребят Европы, – задумчиво проговорила Циля. – Хорошо, что наша четвёрка цела и невредима. Мы с тобой поцелуемся наконец или как?

(Продолжение следует)

Анатолий Обьедков

Великий Новгород

РАССКАЗЫ О ПТИЦАХ

Мои птицы

Разговор о птицах, наверное, нужно начать издавна, с тех веков, когда человек начинал осмысливать себя. Я не ошибусь, если скажу, что они сопровождали его всегда в минуты радости и грусти, со дня рождения до самых последних мгновений, пусть подсознательно, но это так.

С древнейших времён человек обращал пристальное внимание на птиц не только промысловых, но и небольших, поющих. В подтверждение этому находили бронзовые статуэтки птиц, а также вырезанные из кости, из дерева.

«Цветы показались на земле, время пения настало, и голос горлицы слышен в стране нашей», – читаем мы в Библии (Песни песней Соломона). Тот, кто когда-либо слышал воркующие звуки горлиц в солнечный тёплый день над убранными полями, сможет понять обаяние этих строк. Умиротворением и тихим очарованием родных мест веет от них.

Русский человек ловил и держал певчих птиц, мне кажется, в самые древние времена. В знаменитой поэме «Слово о полку Игореве» встречаются строки, которые показывают, что даже в столь грозное время, когда решался вопрос жизни и смерти, суровая душа воина замечала и такое: «...Мгла поля покрыла, щёкот соловьиный уснул...»

В отечественном фольклоре обращение к пернатым, очень ласковое и нежное, прослеживается постоянно в песнях, былинах, гаданиях и т. д.:

*Жавороночки, жавороночки!
Прилетите к нам,
Принесите нам
Лето тёплое,
Унесите от нас
Зиму холодную...*

*...Прилети, мой соловеюшко,
На родимую сторонушку...*

В нашей литературе можно найти множество примеров, когда известные поэты и писатели воспевали птиц. Державин, Пушкин, Тургенев, Тютчев, Фет и многие другие посвящали свои произведения или строчки пернатым. Эта любовь не обошла художников и композиторов. У Ф. Глинки была отдельная комната с лесными птицами. Наслушавшись их, он садился за стол сочинять свою бессмертную музыку.

Выходит, что любовь к птицам далеко не пустая забава, как некоторые думают, а неотъемлемая часть нашего мироощущения, часть нашей культуры. Знание птиц обогащает внутренний мир человека, да-

рует огромную радость. Когда я, например, слушаю удивительно красивые и звучные флейтовые переливы славки-черноголовки, одного из самых великолепных певцов, я будто омываюсь светлыми струями мироздания, и душа уносится высоко-высоко, где царит вечная гармония и любовь. Её песня мне напоминает музыку Моцарта или поэзию Пушкина – столь она гармонична и солнечна. Столько в ней ликования, трепета и восторга, что не выразить словами...

Очень хорошо сказал о птицах наш талантливый учёный Г. Н. Симкин: «Мы любим яркие изображения птиц, восхищаемся ими и часто не знаем, что сами являемся наследниками высокой и неповторимой культуры».

Ни в одной стране мира знание песни, тончайших деталей жизни певчих птиц никогда не достигало таких вершин, не проникло в мир простого скромного человека так всеобъемлюще и глубоко, как у нас. Нигде высокая культура комнатного содержания и изучения певчих птиц не распространялась так широко, не выработала такого совершенного, особого языка...»

Моё увлечение птицами началось в детстве и продолжается сейчас...

Чиж

Одна из самых любимых и популярных птиц, имеющая многовековую историю содержания. И хотя у некоторых сложилось о нём несколько ироничное мнение, я бы сказал, что напрасно. Чиж посвящали прекрасные стихи, например, и А. С. Пушкин отдал дань своего уважения и внимания столь презабавному существу:

*Забыв и роццу, и свободу,
Невольный чижик надо мной
Зерно клюёт и брызжет воду,
И песней тешитя живой.*

Моё знакомство с этой птичкой произошло в раннем детстве в вагоне пригород-

ного поезда. Когда мы с матерью возвращались домой из Мичуринска с рынка, она сказала: «Толя, посмотри, какие красивые птички».

Встреча с ними оказалась решающей и поворотной, я, так сказать, «заболел» ими, и естественно, что первой лесной певчей птицей стал у меня чиж.

Самец окрашен довольно-таки нарядно, грудь желтовато-зелёного цвета, на голове чёрная «шапочка», верхние перья крыльев и хвоста темноватые. Самочка выглядит скромнее – серовато-пёстрая, с едва заметной зеленью.

Пойманный чиж к неволе быстро привыкает, он весел, подвижен, может запеть к концу первой недели. К тому, кто за ним ухаживает, проявляет трогательное внимание, встречает попискиванием, кувыркается через голову, берёт из рук семечки. Один из моих чижей вылетал через открытую балконную дверь на улицу города и после многочасовой прогулки возвращался домой.

Помню, пришёл ко мне в гости товарищ с женой и маленькой дочкой, так мой чижик при них садился ко мне на ладонь, на плечи, на голову, что-то забавное щебетал и кружился вокруг меня. Они, конечно, пришли в восторг, особенно девочка: она протягивала к нему ручки и просила, чтобы он поиграл с ней... Отец, видя такое, попросил меня его продать, я не соглашался, он называл такую сумму (вполне обдуманно) за чижа, что можно было на эти деньги купить дачный домик, рубленный из цельного дерева...

Чижи – хорошие пересмешники, в соседстве с другими птицами они перенимают многое из их пения. Так мой чиж начинал песенку со щеглиного коленца, потом вставлял трель реполова, затем включал некоторые переливы славки-черноголовки.

Но не все особи могут талантливо воспроизводить те или иные звуки, увы, некоторым этого не дано. Поэтому питомца, чтобы пришёлся по душе, нужно подбирать.

Кормят чижей зерновой смесью, можно использовать корм для канареек, плюс несколько давленных зёрен подсолнуха, конопля. Я ежедневно в кормушку кладу тёртую морковь (щепотку) с крошками куриного яйца от соловьиной смеси, одну куколку мучного червя. Если делаю для себя салаты, то даю чижу щепотку, например, зелёного редиса. Предлагаю также тыквенные, яблочные семечки, кусочки ореха (любого). Летом чижик с удовольствием грызёт молодые листочки разных трав, полужелтые семена одуванчика, подорожника и другие. Зимой регулярно – ивовые веточки, которые он с удовольствием теребит, общипывая почки и даже кору. Не отказывается чиж и от ломтиков фруктов. В отдельной посуде им ставят чистый речной песок, размельчённую яичную скорлупу, древесный уголь.

Баночка из-под неглубоких консервов может служить им купалкой. При таком уходе песенка чижики постоянно будет журчать ручейком даже в осеннее ненастье, очищать душу от различной шелухи и радовать хозяина.

Когда идёшь зимой по берёзовой аллее и яркое солнце освещает верхушки деревьев, то нет ничего милее чижиной переключки. Они оживляют российский пейзаж, придают ему особую прелесть. Шелуша серёжки берёз, они встряхивают комочки снега, которые осыпаются на пальто, на шапку и привносят в морозный воздух тихое очарование.

Прошло много лет с того времени, когда я впервые увидел этих птиц, но я всегда испытываю неизъяснимое волнение при виде их на перекрёстках житейских дорог.

Щеглы

Великая русская равнина вряд ли когда была мертва, даже под татарским игмом, в любое время года. Про лето можно не говорить – богато украшенное реками, озёрами, лесами, оно кипело полнокровной жизнью и волновало каждого.

Зимой равнина, конечно, как бы заморозилась, затаивалась, но всё равно давала о себе знать. В лесах – куропатки, тетерева, глухари, рябчики, сойки, клёсты, поползны, а в степных просторах – щеглы. Они кружились вместе с вьюгами, взлетали из-под конских копыт русичей, провожая их возгласами в далёкий или близкий путь. Их ярко-красная полоса вокруг клювов под цвет нашей крови, который вобрали в себя птахи, горела напоминанием о прошлых и недавних сечах с врагом...

Наверняка наши воины замечали их, любовались их оперением и хранили в душе, как неотъемлемую часть родных мест, без которой не обходится ни одно селение, окраина города или крепости.

И в наше время мимо этих птичек трудно равнодушно пройти, тем более что они входят в мировую элиту чрезвычайно красивых птиц.

В детстве на птичьем рынке можно было наблюдать такую картину:

- Дядя, почём ваши щеглы?
- По 30 копеек, а те – по 40.
- А у меня 25.

Мальчик смотрит заискивающе на продавца милых птах, которые рассажены по переноскам – маленьким клеткам – и шмыгает носом то ли от расстройства, то ли от нетерпения, глядит пристально на них, на весь рынок расширенными глазами. И вдруг он неожиданно слышит:

– Ну давай свою клетку, забирай щегла!

Мальчик сияет от радости и бежит через весь город, прижимая крепко переноску к груди, на станцию, чтобы ближайшим пригородным поездом уехать домой.

Щеглы были в моей жизни вторыми птицами, они напоминали мне красивых бабочек, которые порхают на лугах, волнуя воображение и желание. Хорошо помню, как приобретённый на рынке щегол примерно через неделю радовал меня необыкновенно звучными трелями. Когда я отправился в деревню на осенние каникулы к бабушке и к бабушке, то его я взял с собой и подвесил во дворе клетку на деревянный щиток над воротами. Ноябрь был солнечным, и щеглиная песня, переливаясь морозным хрусталём, летела на убранные огороды, на взрытую тракторами дорогу, и деревенские мальчишки завидовали мне и просили его продать по высокой цене...

Щеглы неотделимы от русского пейзажа.

Представьте осенние поля, вы идёте по едва заметной старой колее, бегущей вдоль дубовой посадки, небольшой овраг, заросший ивняком, разными травами, в том числе и репейником. И вдруг вы видите небольшую стайку птиц, чьи перья переливаются под скупыми лучами солнца. Приятные возгласы птиц располагают к себе, и происходит чудо: оживает всё вокруг, вы как бы поддаётесь их обаянию, у вас становится веселее на душе, и вы чувствуете, что вы не одни. Подует резкий холодный ветер, нагонит тучи, закружится первый снег, а щеглы садятся на репейники, клюют его семена. Они не боятся, что лето позади и что впереди их ждут вьюги и метели. Их оторванность от нашего времени очевидна, их житейская философия проста: летать и радовать собой бескрайние просторы нашей земли и, конечно, нас.

Теперь, читая рассказы И. Бунина, что-либо связанное с осенью и деревней, я всегда вспоминаю то прекрасное время, в котором всё ещё звенит колокольцами мой первый щегол.

В домашних условиях щеглы неплохо приживаются, кормят их так же как и чижей, побольше дают им давленого подсолнуха и добавляют семена разных трав, в том числе и репейника.

Снегири

*Чудную картину берегу:
Снегири купаются в снегу,
Санный след уходит в небеса
И мерцают вечности глаза...*
«Чудная картина», А. Фет

Вспоминаю себя мальчиком лет семи-восьми. Зажав в кулачок пять копеек (а они, пять копеек, крупные, ещё советского времени), бегу из дома со второй Кочетовки на Кочетовку-5 (около трёх км) к известному птицелову дяде Коле. Он небольшого роста, плотный, чернявый (прозвище – Цыган), всегда приветлив с детьми, меня он помнит, также знает, что моя мать с его женой работают вместе в туберкулёзной железнодорожной больнице.

– Толя, проходи, – говорит он мне.

Я с осторожностью подхожу к дому, а потом к сараю. Большая чёрная дворняга гремит цепью и заливается грозным лаем, но не так злобно, всё-таки я ещё ребёнок...

На яблонях перед домом клетки с чечётками, щеглами, чижами – это манные птицы¹, вдали на огороде в снегу вытоптана площадка и натянута сеть – тайник, протянута к ней верёвка, перед сетью воткнуты в снег репейник и разные травы.

– Ну ты кого хочешь взять?

Я протягиваю ему пять копеек и тихо говорю:

– Мне снегирку.

¹ Птицы, служащие для приманки.

Дядя Коля заводит меня в сарай и отлавливает сачком в большом садке скромную пташу сероватого цвета, передаёт мне её в ладошки, и я, счастливый, не чуя ног под собой, спешу домой.

Потом я её использую как манную и западком налавливаю пять-шесть красногрудых красавцев, рассаживаю их по клеткам и развешиваю их на стену дома повыше, чтобы не достала своя или чужая кошка. Через пару недель открываю дверцы клеток и снегири улетают во вьюжный простор садов и парков. А ещё через два-три дня возвращаются в свои клетки, грызут семечки с рябиной. Я закрываю дверцы, несколько дней общаюсь с ними, люблюсь ими, их милым доверчивым видом, потом опять открываю клетки. И так всю зиму они прилетают ко мне. Поближе к весне, когда солнце становится ярким, мои птахи покидают меня...

Снегири встречаются от западных границ и до Тихого океана, от Белого моря и до Кавказа, населяют хвойные леса. Их все узнают, от мала до велика, они раскрашены в детских книжках, очень часто появляются на праздничных новогодних открытках.

В моём сознании снегири ассоциируются с первым снегом, когда он ещё только начинает робко кружиться в воздухе, когда вокруг сумрачно и облетевшие листья с деревьев тихо шуршат под ногами. И вот тогда можно услышать негромкие снегирины свисты, а потом уже увидеть их на

кустах рябины, на ясене. Мне вспоминается дорога в деревню Радостное, которая бежит вдоль берёзовой и потом дубовой посадки, вокруг бескрайний простор полей и их свисты, оживляющие сероватую осеннюю картину.

Снегири прилетают к нам из более северных районов, но часть их гнездится и в наших лесах. Они ведут скрытный образ жизни, но мне приходилось встречать их и летом.

Кроме снегиря обыкновенного на юге Средней и Восточной Сибири встречается подвид – серый снегирь, не имеющий красного оперения (В. Гусев), а на Дальнем Востоке – уссурийский и курильский снегирь.

Снегири довольно-таки спокойные, доверчивые птицы, с первых же дней поимки привыкают к домашним условиям, но их нужно (желательно) держать в прохладном (холодном) месте, застеклённый балкон зимой им как раз подойдёт, баночку для питья плотно наполняют снегом.

Певцы, конечно, они скромные – издадут свисты и поскрипывание, но среди них можно встретить птиц с хорошей заимствованной песней. Так, например, один мною пойманный снегирь очень мелодично воспроизводил юлиное (лесного жаворонка) колено. А у моего знакомого из Санкт-Петербурга снегирь насвистывает гимн Советского Союза...

Да, некоторые особи поддаются обучению различным мелодиям и раньше на Руси был такой промысел: находили гнездо, брали птенца и обучали. Такая птица стоила дорого.

Снегири украшают собой наши бескрайние зимние просторы, вносят умиротворение и покой и придают особую прелесть и очарование паркам и садам. Доводилось ли вам видеть, как снегири купаются в снегу? Я видел – незабываемое зрелище.

Кормят их так же, как и всех зерноядных, с добавлением рябины, семян ясеня, веточек сирени, ивы.

Душа в чемодане

Отправная точка

Ночная смена подходит к концу. Невыносимо хочется спать, а звонки никак не прекращаются. Одни и те же вопросы, одни и те же ответы. Почему им всем не спится? Переход на ночные смены отдалил меня от коллектива: раньше мы много общались, ходили за свежими булочками в обеденное время, гуляли около офиса. А теперь я сижу в полном одиночестве по двенадцать часов, и выйти погулять среди ночи в этом районе будет, пожалуй, не лучшей идеей. Зато есть время о многом подумать, пока снова не зазвонит телефон. Бывает жутко, когда желание спать туманит голову, а вокруг пустые рабочие места, будто все бежали от этой сонной эпидемии.

Всё это явно не то, чего я хотела. Раньше я думала, что моя жизнь будет интересной и насыщенной, стоит только повзрослеть. Я повзрослела незаметно и живу вроде как «на черновик» – пока так, потом переделаю. Сижу в душном кабинете, делаю работу, которую не люблю. Из-за перегородок между столами создаётся ощущение, что я взаперти. Я просто человек из коробки, который отвечает по инструкции на вопросы людей из телефона. Я даже не замечу, как наступит рассвет, потому что в кабинете нет окон. Но, надеюсь, хотя бы часы напомнят мне, что он наступил, и я смогу покинуть это место. За час до конца смены минуты тянутся как резиновые, уже никто не звонит – то ли легли спать, то ли ушли на работу. Закрываю глаза, вспоминаю детство, лето в деревне, ужей на реке, кузнечиков в траве, ромашки у дома, весёлый смех моих сестёр... Куда всё это ушло?

Приходит новая смена, и я отправляюсь домой. Мне даже нечего ответить на вопросы коллег о том, как прошла смена. Прошла, и ладно. Голова мутная, тяжёлая, хочется скорее уложить её на мягкую подушку и стереть из памяти голоса людей, которые всю ночь задавали мне надоедливые вопросы. А под ногами заманчиво шуршит выпавший ночью снег, и я думаю, что жизнь должна быть больше, чем дорога из кабинета в кровать.

...Вот мне десять лет, и мы с сестрой прокладываем лыжню по нашему огороду в родном селе на севере Башкирии, падая, смеясь, не зная, что это время навсегда останется в памяти как лучшее. Я тогда мечтала стать хирургом, но после операции по удалению аппендикса стала с подозрением относиться к врачам. И я перестала лечить мягких игрушек на подоконнике. Куда уходят эти наивные дети, и откуда берутся эти глупые взрослые, которые не умеют жить...

В воздухе пахнет Новым годом. Осталось больше месяца, но всё вокруг говорит о том, что этот Новый год точно всё изменит. Теперь наверняка.

И всё же мне нравится это ощущение – приходить домой, когда город только проснулся. Плотно закрываю шторы, спрятав от себя новый день, смотрю какие-то потрёпанные чёрно-белые фотографии, сажусь на край кровати и размышляю: а могло ли сложиться иначе? В какой момент всё пошло не так? И вообще, почему мои подруги выходят замуж, думают, как построить семейный очаг, читают кулинарные рецепты, а меня всё куда-то тянет. Заменить бы поток своих философских мыслей на стандартные женские грёзы о принце на белом коне или хотя бы о новых туфлях. Как мне однажды сказали: «Мозгов бы тебе поменьше, отличная была бы баба!» Грубо, но есть доля здравого смысла. Я слишком много думаю. И, видимо, не о том.

Отоспавшись после ночной смены, не вылезая из кровати в полутьме зашторенной комнаты, включаю случайно подвер-

нувшийся фильм «Вид сверху лучше». Лёгкая, забавная картина про девушку, которой хотелось выбраться из своего маленького города, чего-то добиться. В чём-то и у меня сейчас так. Меня здесь ничего не держит. А многочисленные переезды из детства напоминают мне, что есть другие города, другие люди, что всё можно изменить в любой момент. Девушка в фильме в итоге становится стюардессой. Сразу после просмотра решаю: надо что-то менять. Хочу работу, где вообще нет компьютеров – я ведь не мужик, сколько можно с ними возиться. Главная идея, которую я почерпнула из фильма – нельзя тратить жизнь на угнетающую бессмысленность, надо обязательно управлять ею, делать выбор. Спрашивается, зачем тогда всё это было – восемь лет учёбы по специальности, от которой теперь хочу сбежать? Какая разница, я просто хочу пожить иначе. Вот, например, можно пойти работать водителем трамвая – уж точно никакого компьютера. Но, кажется, это не совсем то. Надо ещё кардинальнее. Проводницей в поезде! Да почему в поезде? Можно и в самолёте, как та девушка. Почему бы и нет? Авиакомпании ведь не с другой планеты набирают себе сотрудников.

Лениво ищу в Интернете авиакомпании, которые обучают бортпроводников. С ходу нахожу две – в Одессе и в Москве. Никогда не хотела жить в Москве, поэтому начинаю пробивать вариант с Одессой, но там всё сложно. Так и быть, звоню в Москву. У меня спрашивают рост, вес, возраст, образование... Приглашают на собеседование в Москву. Как-то всё быстро. Но я соглашаюсь, спрашиваю, куда и во сколько мне прийти. В конце концов, что мне терять?

Я никогда не была в Москве. Никогда в сознательном возрасте не летала на самолёте. Вроде только года в три, но почти ничего не помню. Я ничего не знаю о самолётах, кроме того, что они летают. Я ничего не знаю об авиации, кроме того, что это связано с самолётами. Страшно думать обо всём этом, ведь, по сути, мне предстоит перевернуть всё с ног на голову. Мне

двадцать два года. Я лежу в своей небольшой комнате, в растерянности, вымотанная ночными сменами на скучной работе. Какое-то время я снимала квартиру, но потом вернулась обратно к родителям, ведь дома я только сплю, а у родителей как раз пустует моя комната. Как говорится, если нет разницы – зачем платить больше. Но что это за жизнь – сплошная работа, от которой остаются силы только на то, чтобы поспать? Даже глупый фильм говорит мне о том, что так нельзя.

Да, определённо я возьмусь и всё изменю. Ради той девочки, которая любила слушать стрекот кузнечиков в траве и верила, что жизнь интересна. Итак, для начала надо встать.

На работе без лишних объяснений беру два дня за свой счёт и покупаю билет на поезд до Москвы. Мне даже достаётся удобное нижнее место, дорога всё же долгая, это важный нюанс. К тому же я боюсь ехать на верхней полке – всегда боялась высоты. Надеюсь, это не повлияет на результаты собеседования?

Прямо с работы, после очередной ночной смены, попутка увозит меня из Набережных Челнов в Казань, где ждёт поезд на Москву. Ночь в пути. С четырёх утра сижу у окна и жду, когда всё начнётся. Мелькают зелёные заборы, кружится снег, кое-кто уже делает макияж, собирает вещи, складывает постельное бельё. А у меня сердце бьётся, словно мне предстоит выступить на «Евровидении». Шесть утра, зима, Москва, Казанский вокзал. Начали.

20 ноября 2007 г.

Шаг первый

На вокзале оченьлюдно, все куда-то тащат сумки, чемоданы, ругаются на разных языках. На секунду останавливаюсь, чтобы спросить себя: «Я точно ради этого вылезла из своего кабинета?» Но это ведь только начало. Надо получать удовольствие от всего происходящего, это же настоящее приключение! Вот, например, вокзальный туалет,

где мне предстоит переодеться в костюм... Ладно, пожалуй, радоваться начну чуть позже, пока надо просто подготовиться к собеседованию. Скажем прямо, в кабинке мало места для подобных манипуляций, да и аромат трудно переносимый. Выбегаю, зажав нос, уже в сапогах на шпильках, с лёгким макияжем, в строгом сером костюме. Сдаю сумку в камеру хранения, отправляюсь искать метро. Станция Комсомольская, мудрёные переходы, эскалаторы, указатели, света, народ, шум...

Поезда со свистом проносятся в обе стороны, а люди как будто не удивлены этому: кажется, я одна стою чуть ли не с открытым ртом и разглядываю равнодушные лица пассажиров. Закладывает уши, мотает из стороны в сторону, а за окнами проносятся целые реки оптоволокон. Люди читают книги, газеты, смотрят в телефоны, спят. А я с интересом их рассматриваю. Они все как будто выполняют установленные правила, о которых я пока ничего не знаю – не улыбаться, не смотреть на других, не разговаривать, делать крайне деловой вид и не выдавать своих эмоций. А вдруг заподозрят, что я чужая? Тут же перед глазами всплывает сцена, как будто все разом поднимают на меня удивлённо-обескураженные глаза, кто-то один с воинственным видом кричит: «Взять её!» – и тут же меня хватают и выводят из вагона. Глупости, наверное, мне просто надо привыкнуть. Или выучить их правила.

Бесконечный эскалатор, как лестница в новый мир, даже виднеется какой-то свет в конце. Семь утра. До собеседования ещё час. На улице мокрый снег, лужи... И я на шпильках, в лёгком пальто, с трясущимися руками, в неудобной узкой юбке, стою на тёмной улице и понятия не имею, переходить ли мне этот широченный проспект или удариться в поиски на этой стороне. Сорок минут блуждаю по обе стороны, ищу офис. Хочется плакать из-за своей неспособности ориентироваться на местности. Кажется, этот магазин я уже проходила. Или нет? Прохожие почему-то откровенно игнори-

руют мои вопросы. Это Москва такая или со мной что-то не так? На всякий случай оглядываю себя, может, я выгляжу как житель Набережных Челнов, и это их пугает? Думают, что я сейчас начну продавать им КамАЗы и всё такое? Нет, вроде ничем особо не отличаюсь, одета прилично, робы на мне нет, шарахаться от меня не должны. В голове всё ещё стучат колёса поезда, свист метро, качает в разные стороны. Станный у вас тут ноябрь, у меня даже сапоги вымокли. Я бы поела чего-нибудь. И чаю бы горячего. Заглядываю в окно мини-пекарни, там красуются ароматные булочки, хлеб, печенье... Но как только мне удаётся рассмотреть цены, вспоминаю, что мне пора. Дорога странным образом извивается вокруг огромного парка и стройки, снова начинается приступ паники, что я не туда иду. Но вот, наконец, вижу на стене здания табличку с нужным номером, сердце уходит в пятки. Озираюсь по сторонам, поднимаюсь на пятый этаж. Охранник в форме, часы с самолётом, манекены в фуражках – совершенно новая атмосфера.

Совсем недавно я внутренне сокрушалась от мысли, что жизнь проходит зря, но не знала, что предпринять. И вот я сижу в офисе столичной авиакомпании, испуганная, в мокрых сапогах, со стуком колёс поезда в голове, пытаюсь привести себя в порядок, уже без сил и желания объяснять кому-либо, почему я хочу у них работать и откуда меня принесло. Жизнерадостный сотрудник с внешностью актёра мыльной оперы задаёт мне каверзные вопросы, как на экзамене. «Почему вы решили связать жизнь с авиацией?» Эм... Хороший вопрос. «Откуда вы, Набережные Челны? Это Башкирия? Татарстан? Вы что, татарка? Не похоже». Железная логика. Зачем-то задаю ему вопрос: «Скажите, а бортпроводники – военнообязанные?» Он продолжает улыбаться, но глаза выдают умиленное удивление: «Нет, а вам хотелось бы?» Тоже начинаю улыбаться от непонятно зачем заданного вопроса и отвечаю: «Да нет, просто я из военной семьи, папе бы это понрави-

лось». Десять волнительных минут, и я свободна. Десять минут, ради которых я проделала путь в тысячу двести километров. Может, папа и так будет мной гордиться?

В коридоре знакомлюсь с Семёном, начинающим бортпроводником, у которого сегодня первый день учёбы. Семён выше меня на две головы, худощавый, с чёрными аккуратно подстриженными волосами, симпатичным бледным лицом с тонкими чертами, его внешность вполне можно назвать модельной, если кому-то нравятся мужские показы мод. Мне – нет. В его голосе явно проскальзывает столичный пафос, хотя откуда ему взяться, он ведь из Калуги? Да и какая разница, для меня Семён всё равно окружён ореолом таинственности и героизма – он ведь уже зашёл так далеко и является для меня явным авторитетом, страшно интересно разузнать у него массу информации, ведь он уже прошёл всё, что мне только предстоит. Обмениваемся телефонами, чтобы взаимно отслеживать судьбу двух начинающих сотрудников гражданской авиации, покинувших родные города ради новой жизни. Нас тут таких на удивление много.

Снова я на улицах враждебной, холодной Москвы. Куда идти... До обратного поезда ещё целый день. Конечно, Красная площадь. Оказывается, не такая уж она большая. Метро. Тычу пальцем в схему и еду по станциям. Иногда чтобы просто посмотреть сами станции, такие разные, построенные в середине прошлого века и современные в стиле хай-тек. Вечером встречаюсь со своей знакомой, Дианой, которая переехала в Москву из Набережных Челнов пару лет назад. Мы сидим в невероятно уютном подвальном кафе «Апшу» на Третьяковской. Это первое место, где Москва кажется мне не такой уж жестокой. Полки с книгами, полумрак, мягкие вышитые подушки, вкусная еда, всё чудесно.

Казанский вокзал, поезд. Уезжаю с тяжёлым чувством – вернусь, не вернусь. С одной стороны, мне не хочется жить в Москве и знакомство с ней получилось сумбур-

ным. Но раз уж вышло так, то сам город не имеет значения, хочется лишь сделать задуманное, дойти до цели. Думаю, вот бы это было в другом городе, в каком-нибудь Волгограде, Самаре... Где угодно. Но мне выпала Москва. Из-за этого ситуация выглядит комично – девочка из глубинки решила покорять столицу. Маленький военный городок Борзя Читинской области, в котором я родилась, – это настолько укромный уголок России, что Москва всегда казалась мне вымышленным городом из телевизора. Но и из других городов она не стала мне ближе. А теперь передо мной вопросительно стоит перспектива переезда туда.

23 ноября 2007 г.

Шаг второй

Морозное ноябрьское утро. Казань. До дома осталось совсем немного. Автобус до Набережных Челнов уже набит пассажирами. Звонок... Гудки... Голос из трубки мне говорит: «Вы прошли собеседование. Ждём вас на втором этапе». Изумлённо отвечаю: «Спасибо. До свидания».

И тут всё замерло. Сотни мыслей: а что теперь? Как мне отпроситься с работы, чтобы ехать второй раз на собеседование, что им сказать, как я буду проходить это собеседование, и что я буду делать, если пройду второй этап?! Где я буду жить, как я буду переезжать, как, что... Становится по-настоящему страшно от предстоящих свершений. Всю дорогу в голове вертятся путанные мысли, надежды, мечты, отчаяние, сожаление и прочий хлам. И вот я дома, сообщаю родителям, что я прошла. Они явно удивлены. Но в то же время сомневаются – дочь собралась в столицу... Какой избитый номер.

24 ноября 2007 г.

Несмотря ни на что, через пару дней я снова в поезде на Москву. На работе решила пока особо не распространяться, я ведь сама ещё толком ничего не знаю, просто сказала, что мне снова нужно уехать.

Беспокойно засыпаю с книгой в руках. Мне снится Башкирия, моё секретное место на маленьком островке рядом с домом, где я рыбачила в детстве. Снится, как мы с сёстрами носимся по дому, от нашего топота дрожит посуда в стареньком серванте, от нашего смеха закладывает уши...

Каждое лето родители отвозили меня со старшей сестрой Кариной к бабушке и дедушке в село Байки, в живописную Башкирию, независимо от того, где мы жили на тот момент – через всю Россию на поезде из Забайкалья или из близкой Уфы. Иногда туда приезжали и наши двоюродные сёстры, Света и Танюша, и тогда дом превращался в балаган. В дальней комнате мы спали все вчетвером: двое на кроватях, двое на полу. Рано утром тот, кто просыпался раньше всех, начинал игру: «Девочки, я чувствую, что на завтрак блины!» Сонными голосами, пригнувшись к запахам за дверью, отзывались остальные: «Нет, сегодня яйца всмятку!» – «Нет, пирожки с ягодами!» Чаще всего оказывалось, что на завтрак и яйца всмятку («только из-под курицы», как говорит бабушка), и пирожки, и блины, и много чего ещё. После завтрака у нас была масса занятий – сбегать на гору, насобирать цветов, побегать по речке, посмотреть на маленьких рыбок на отмели, поиграть в ресторан во дворе дома, погонять куриц, подразнить петуха, послушать Светины пересказы прочитанных ею книг...

Но Света с Танюшей приезжали ненадолго, а мы с Кариной целых три месяца жили настоящей деревенской жизнью: помогали по хозяйству, собирали ягоды на горах, встречали «табун», как у нас в селе называли стадо коров, коз и овец, которых пастух рано утром вёл в горы и на водопой к реке, а вечером гнал обратно по домам. Карина в детстве была такой взбалмошной, носилась по улицам с мальчишками, просила соседей покатавать её на лошадях, даже иногда пасла с дедом табун. А я любила побыть одна, повозиться в огороде или посидеть дома за шитьём и чтением. Но особенно мне нравилось ходить на рыбал-

ку. Я собирала маленький рюкзак, сшитый собственноручно, брала с собой высушенную дедом рыбу, огурцы, помидоры, хлеб, простенькие рыболовные принадлежности и отправлялась на реку, что прямо за домом. На островке я могла сидеть часами, в огромных резиновых сапогах, трико, майке и кепке. В маленьком ведёрке под конец рыбалки у меня бывали краснопёрки, пескари, бычки и иногда хариусы. Даже не помню, о чём я думала всё то время в ожидании, что на водной глади дёрнется поплавок...

Просыпаюсь от невыносимого холода – оказывается, одеяло сползло. Засыпать снова нет смысла, за окном виднеются зелёные заборчики – подъезжаем к Москве. Снова Казанский вокзал, заснеженная тёмная улица, слякоть, тысяча мыслей в голове, витиеватый путь от метро до офиса. Странное утро, второй раз в Москве – вроде и не первый, и вроде тот же чужой город и та же улица, и неизвестно, доведётся ли мне пройти по ней снова. Возможно, это город, по которому я теперь буду ходить каждый день. А может быть, вернусь в свои Набережные Челны, в душный кабинет, и долгими ночными сменами буду себя успокаивать тем, что хотя бы попыталась. Это удивительно – идти по незнакомому городу, вырвавшись из своей рутины, усталости, однообразия, в одиночку, со смутной надеждой – вдруг теперь всё будет иначе. Сейчас мне это кажется настолько глупым, что даже смешно, но так хочется верить, что это мой путь. Мне хочется чаще собирать чемоданы, как в детстве. Работа в офисе меня просто съедает.

На этот раз провожу в учебном центре полдня. Тесты по психологии, английскому языку, собеседование с руководством. Одна напротив множества людей, которым предстоит решить мою участь. Видно, их смущает мой рюкзак. Поясняю, что я прямо с поезда. У них много вопросов – почему человек с высшим техническим образованием, опытом работы и перспективами в своей области хочет кардинально изменить жизнь? как я представляю себе жизнь в Москве? есть ли у меня здесь кто-то? Хорошо

ли я переношу полёты и стрессовые ситуации? умею ли плавать? работала ли когда-либо в авиации? Кажется, всё это сведёт мои шансы на нет. Я уверена только в том, что умею плавать, а остальное – как я могу быть уверена, что хорошо переношу стрессовые ситуации, если ни разу не эвакуировала пассажиров из горящего самолёта?

Воробьёвы горы, снег, холод, бессильные слёзы от перенапряжения. То самое кафе «Апшу» на Третьяковской, книги, записи в дневнике, мысли. Зачем-то пишу на салфетке: «Сегодня я проходила собеседование на должность бортпроводника. Если я появлюсь в вашем кафе снова – значит, у меня получилось». Оставляю её под счётном.

Казанский вокзал, ожидание. Страшно, взбудоражено бьётся сердце – слишком много всего произошло, чтобы быть сейчас одной. Звоню Семёну. Он приезжает ко мне среди ночи на вокзал, чтобы поддержать. Совсем незнакомый человек. Я ему так благодарна, что не бросил. Долго разговариваем, расхаживая среди поездов, он рассказывает о том, как решил пойти в авиакомпанию, как проходит учёба. О том,

что раньше его жизнь тоже не была связана с самолётами, а теперь всё крутится вокруг них. Вроде он совсем не пафосный, как мне показалось при нашей встрече в учебном центре. А ещё оказалось, что он тоже родился в военной семье, и тоже в городе Борзя! Я думала, таких совпадений не бывает. Земляки!

И вот мой поезд. Снова домой. Холодный вагон, спящие пассажиры, которые то и дело бьют меня по ноге дверью тамбура. Беспокойная ночь в размышлениях о жизни, печаль, одиночество, меняющиеся картинки за окном. Дом. Мама спрашивает: «Что грустная, не прошла?» Не могу объяснить, просто грустно. Опять звонок из Москвы... «Вы приняты. Ждём вас на лечебно-лётную комиссию». Я прошла.

28 ноября 2007 г.

(Продолжение следует)

Страницы автора

[facebook.com/ekaterina.rusina.777](https://www.facebook.com/ekaterina.rusina.777)

vk.com/dusha.v.chemodane

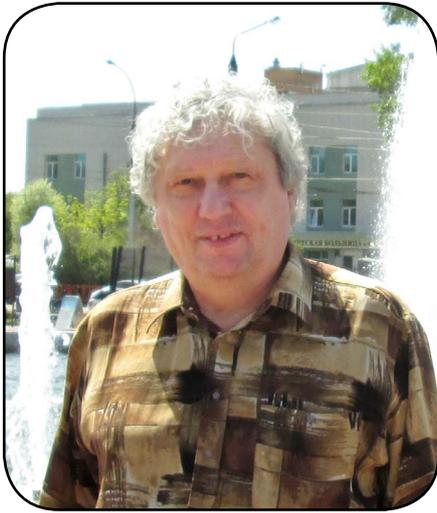
Душа в чемодане

Книга представляет собой дневник бортпроводницы международных авиалиний, начиная с первых дней обучения и заканчивая последними полётами. Вы побываете в суровом Магадане, знойном Бангкоке, на сказочном острове Бали и во многих других местах. Вместе с автором вы сможете пережить все трудности и радости лётной жизни, узнать многое о самолётах, о «внутренней кухне» аэропорта, о настоящей дружбе, испытаниях, поисках себя и новых высотах.

Издание в каталоге

planeta-knig.ru/dusha-v-chemodane-ye-katerina-rusina

Анатолий Градницын Иркутск

Берегитесь женщин и коньяка!

Купил в деревеньке я старой
Красивый заброшенный дом,
Но дом оказался хибарой,
В которой творился содом.

Я дом под себя перестроил,
Сложил очень стильный камин,
И тем я себя успокоил –
Теперь я почти дворянин.

Раз, сидя с женой у камина,
Щипцами я в топку полез,
Как вдруг из огня, как козлина,
Стал блеять и выскочил бес.

Рога на меня наставляя
И пальцы похабно крутя,
Пошёл на жену он, вихляя
И глазками дико блестя.

«Ну что, – говорит, – доигрался
С огнём ты, наивный простак.
Я к бабе твоей подбирался,
Раз ты в этом деле слабак.

Давно я за всем наблюдаю
И понял, что дело труба.
Тебе ж она – кляча гнедая,
А мне очень даже любя.

Я миром тебе предлагаю
Красотку ко мне отпустить.
Я страстно её приласкаю,
И будем мы славно блудить.
Тебе же придётся с рогами
До встречи с Всевышним ходить.
Она ж, как и было веками,
С ума тебя будет сводить.

Быстрее давай, соглашайся,
Иначе – летальный исход.
Любезный, не плачь и мужайся.
Готов ты лететь в дымоход?»
Ему я ответил: «Дружище,
А ты сексуальный маньяк,
Гони-ка за жёнку деньжищи», –
И выплеснул в рожу коньяк.

Бородка его загорелась
И вспыхнули мигом рога.
У носа его завертелась
Большая моя кочерга.
А он говорит: «Бесполезно,
Привык я давно к огоньку,
Ведь сущность моя бестелесна.
Плесни-ка ещё коньяку». –

«Ах ты, обнаглевшая рожка! –
Сдержаться я больше не мог, –
Тебя напою я, и что же?
Позор и на лбу пара рог?» –
«А как ты хотел, мой любезный?
У каждого гада свой нрав.
Закон нашей жизни железный –
Кто смог обмануть, тот и прав.

Я вижу, ты парень упрямый,
Свою не жалеешь вдову.
Закончится жизнь твоя ямой,
Сейчас я братву позову». –
«Так ты ж обещал, дымоходом
Покину я эти края.
Мне лучше парить над восходом,
Чем вскармливать в тлене червя».

Он свистнул, и пламя в камине
Пустилось в неистовый пляс,
Братва же – легка на помине –
Из топки полезла тотчас.
Огняники, лявры и змеи,
Скелеты, козлы, упыри,
Вампиры и даже пигмеи
Кричали мне: «Смертный, умри!

Мы души отпетых убийцев,
О нас – только грязная брань.
Мы в ад отправляем спесивцев,
Мздоимцев и прочую дрянь».

Бесовские мерзкие рожи
Корёжил звериный оскал.
И тут я подумал: «О Боже,
Зачем я тебя не искал?

Зачем я доверился бесам
И совесть продал за пятак,
Служил ожиревшим балбесам,
Дотла обирая бедняг?»

Тут бес говорит вурдалакам:
«Ему мы открутим башку».

А мне говорит: «Эй, собака,
Плесни-ка нам всем коньяку.

Пускай всё вокруг загорится,
Пылает пусть адским огнём.
Поместье твоё разорится,
А бабу с собой мы возьмём».

Жена тут моя подскочила,
Была она раньше без сил,
Кричит им: «Нечистая сила,
Об этом меня кто спросил?

Козла моего отпустите,
А в доме не надо огня.
Забудем об этом бандите,
Согласна, берите меня.

В камине живите вольготно,
Его ни к чему нам гасить.
Я, если вам будет угодно,
Поленья готова носить.

Погреете старые кости,
И будет у вас всё путём.
Слетятся ко мне мои гости –
Мы шабаш устроим потом».

От слов этих сердце сбесилось
И вырвался стон, словно вой.
«Любимый, с тобой что случилось?
Ты вроде совсем сам не свой!»

О Боже! Глаза продираю –
Всё тихо, камин, старый дом.
Ладонью глаза протираю:
«А где этот бес, что с хвостом?»

Жена надо мною склонилась:
«Во сне ты метался, стонал.
Наверное, что-то приснилось –
Метнуть ты пытался бокал».

Вот тут-то и стало мне ясно,
И был я неслыханно рад –
Не всё у меня так ужасно
И что это сон, а не ад.

Всё так хорошо обернулось,
Я сон свой жене рассказал.
Она ж почему-то надулась
И мне учинила скандал:

«Торги ты затеял напрасно.
Совсем ничего ты не знал?
Не ври. Я всё знаю прекрасно –
Ты деньги с него вымогал.

А он, говоришь, был блудливый,
С рогами брутальный брюнет?
Признайся мне, пёс шелудивый,
Ты врал мне сейчас или нет?»

Задумался я. Как мужчина,
Быть может, что сделал не так.
Ну, нет. Тут другая причина –
Палёный был точно коньяк.

И нам при разборке той длинной,
С плохими словами и без,
С массивной решётки каминной
Чугунный подмигивал бес.

Сергей Тулупов **Череповец,** **Вологодская обл.**

О штанах и рублях, о бывших и нищих

Казалось, грохот разрываемой ткани, мгновенно сменившийся в сознании Сергеевича на треск порванных по шву брюк, заполнил всё пространство небольшого кассового зала управляющей компании. Однако никто из небольшой очереди даже ухом не повёл. Каждый был занят собственными мыслями, держа в руках квитанции за оказанные и неоказанные услуги.

– Брюкам – хана! – подняв с грязного пола монету номиналом в два рубля, тихо проговорил ветеран перестроек, реформ и кризисов, хотя на языке у него крутилось более крепкое словцо.

– Мужчина! Вам нехорошо? – вежливо, с участием в голосе обратилась женщина постбальзаковского возраста к Сергеевичу, пострадавшему от инстинкта бережливости.

– Спасибо! Со мной всё в порядке, – повернувшись спиной к ближайшей стене, вымолвил заслуженный пенсионер своего подъезда, мысленно прикидывая длину зимней куртки: полностью ли хватит за-

крыть зад с пострадавшими брюками. «Пожалуй, хватит. Хорошо, что тёмные зимние кальсоны надел, будет незаметно, а полкилометра до дому – дотяну!» – подумал Сергеевич, рассовывая квитанции с приколотыми чеками и сдачу по карманам.

Через десять минут осторожной ходьбы по скользкому, заледеневшему тротуару в сопровождении двадцатиградусного морозца с обжигающим ветерком, уже в тёплой квартире пострадавший пенсионер оценил ущерб от российской словесности, а точнее от поговорки – «копейка рубль бережёт». Что сберегут *два* рубля, бабушке четырёх внуков на ум не приходило.

Не откладывая решение проблемы в долгий ящик, Сергеевич натянул осенние брюки и отправился в ателье по ремонту и пошиву одежды через дорогу от дома. Благо, когда живёшь в центре города, почти все услуги и товары в шаговой доступности.

– И во сколько всё это мне обойдётся? – уточнил хозяин порванных брюк у любезной и услужливой приёмщицы предпенсионного возраста.

– Так, одну минуточку, – посмотрев в прейскурант и что-то там щёлкнув на калькуляторе, женщина назвала сумму, в десятки раз превышающую номинал поднятой монетки. – С двойным швом с вас сто шестьдесят рублей. Устраивает? Завтра после обеда будет готово. Интересно, как это вы умудрились так ловко почти по всему шву распороть? – поинтересовалась с улыбкой любопытная дама, выписывая квитанцию.

– Да, собственно говоря, ничего интересного. Нагнулся поднять с пола двухрублёвую монету, когда платил за коммуналку, вот и результат, – изложил версию происшедшего бережливый пенсионер.

– Когда поднимаешь что-нибудь с пола, надо не нагибаться, а приседать. Тогда подобного точно не случится, – посоветовала усталая женщина с богатым житейским опытом. – Оплатите при получении.

– Благодарю за совет и до свидания! До завтра. – Сергеевич убрал квитанцию в бумажник, который поместил в карман курт-

ки, застёгивая его на молнию. «Не хватало ещё бумажник с месячной пенсией где-нибудь обронить, навернувшись на скользком тротуаре, – упреждая непредсказуемое событие, подумал благоразумный ветеран. – Всё-таки присесть как-то не по-мужски, когда ещё можешь нагнуться», – мысленно завершил несостоявшуюся дискуссию с приёмщицей свидетель развала и возрождения великой империи.

Выходя из пятиэтажного офисного здания, Сергеевич как-то отвлечённо вспомнил о бывшем коллеге, которого повстречал совсем недавно, ещё осенью. Пригласил в гости. Посидели, выпили и поговорили. Коллеге было о чём рассказать: более полугода провёл в Канаде, живя в семье успешной старшей дочери в няньках. Но почему-то больше всего от встречи Сергеевичу запомнилось другое. Приятель молодости попросился в туалет по-маленькому, но дверь за собой не закрыл и, закончив дело, присел на унитаз, продолжая рассказывать о посещении Ниагарского водопада... Ну, чего тут скажешь, разве только подойдёт избитая фраза с совковых времён: «Тлетворное влияние Запада».

На автопилоте, мысленно озабоченный проблемой снятия стресса, заслуженный пенсионер подъезда заскочил в небольшой специализированный магазинчик – пару рюмашек хорошего фирменного коньячка для снижения нервного напряжения точно не помешает, тем более запас божественного напитка иссяк дома больше недели тому назад.

У кассы стоял одинокий небритый мужчина возрастом под полтинник, облачённый в поношенный фирменный спортивный костюм и потёртую кожаную куртку, на ногах – грязные кроссовки, голову украшала вязаная шапка не первой свежести. В левой руке покупатель держал пухлый потёртый кошелек, похожий на бумажник, костяшками пальцев правой руки нетерпеливо постукивал по прилавку. Сергеевич направился в сторону витрины с изобилием крепких напитков и многообразием ко-

ньяков, высматривая этикетки с напитками предпочтительно кавказского происхождения.

– Долго мне ещё ждать?! Совсем обленились тёлки, не уважают покупателей, – краем глаза заметив пожилого мужчину у стеклянной витрины с дорогими напитками, потрёпанный жизнью покупатель понизил голос.

– Одну минуточку, заканчиваем приём товара, сейчас подойду, – раздался голос продавщицы бальзаковского возраста из глубины магазина, откуда-то из-за стеллажей с бутылками и пирамид из коробок. – Что вы хотели? Кстати, обратите внимание на табличку, на ней написано: «Перерыв 10 минут. Приём товара». А вы и трёх минут не простояли, – светловолосая женщина вежливо объяснила неправоту покупателя в его претензиях.

– Мне двухлитровый баллон пива, – мужчина назвал марку, слегка потряхивая пухлым кошельком, и даже пару раз стукнул им о прилавок, – и быстрее!

Продавщица поставила двухлитровую пластиковую бутылку с пивом на прилавок, мужичок судорожными движениями потянул за молнию отделения то ли бумажника, то ли кошелька, рассчитывая рассчитаться мелочью. Что-то там заело, попытался открыть отделение с купюрами, в этот момент на пол посыпались монеты разного достоинства из развалившегося по причине ветхости кожаного хранилища наличности. Металлические диски, в большинстве копеечных номиналов, раскатились по всему полу, к чести работников магазинчика, вполне чистому.

Покрасневший то ли от стыда, то ли от напряжения, вызванного попыткой собрать с пола вприсядку и внаклонку рассыпавшееся мнимое благополучие, потрёпанный мужичок через пару минут протянул продавщице сотенную купюру, сунул бутылку в пакет со смазанным от времени рисунком и убрал сдачу в карман куртки. Едва слышно звякнув собранной мелочью, молча вышел из магазина.

– Интересные к вам клиенты заходят, – пошутил Сергеевич, убирая заветную бутылку с божественным напитком, когда-то понравившимся в годы Второй мировой самому Черчиллю, премьер-министру Великобритании.

– Из бывших крутых бизнесменов. Крутизна закончилась, а замашки остались – вот они и пыжаты перед нами. А перед кем ещё? – выдала диагноз опрятная пожилая девушка с уставшими глазами. – Спасибо за покупку. Заходите ещё.

– Пару раз в месяц, пока здоровье и доходы позволяют, – с грустью ответил заслуженный ветеран подъезда, вспоминая недавнюю сценку с подбирающим мелочь бывшим бизнесменом. «Или пока наши доблестные чиновники-коррупционеры с неуёмными аппетитами большинство граждан в нищих не превратят», – мысленно добавил к сказанному Сергеевич, недавно ставший пенсионером.

Выйдя на улицу и пройдя полсотни метров до регулируемого пешеходного перехода в сторону нужного дома, Сергеевич заметил бомжеватого вида небритого парня тридцати лет с табличкой в руках. Надпись на картонке корявыми печатными буквами информировала: «Я инвалид II группы. Мать парализована. Помогите чем можете». Выше надписи – числа 5, 10 и 50, обведённые кружочками, словно на дорожном знаке «Платная стоянка». Привычно потянувшись в карман куртки за мелочью, как многие из российских граждан при виде нищих, любитель хорошего коньяка вдруг вспомнил, что последний раз видел этого профессионала лет пять тому назад в этом же районе. В то время на табличке ещё присутствовали цифры 1 и 2, естественно

рублей, а копейки уважающий себя нищий тогда даже не собирался брать, брезгливо отделяя их от рублей на ладони, в которую Сергеевич высыпал металлическую наличность.

– Как бизнес? Что-то тебя давно не было видно, – приветливо обратился Сергеевич к нищему с более чем двадцатилетним стажем, начавшему побираться ещё дошкольником по летним кафе в центре города железного гостеприимства.

– Да в столице попробовал подзаработать – не прижился, там свои законы. Ну, и на дядю не захотел трудиться, – гордо ответил профи-нищий, переключая внимание на потенциальную кандидатуру, прилично одетую женщину средних лет с добрым лицом и пухлыми губами, следующую мимо перехода.

На светофоре загорелся зелёный. Работу профессионала по воздействию на чувства и совесть гражданки ветеран кризисов и реформ досматривать не стал, вернув мелочь из сжатой ладони обратно в карман.

«Пожалуй, на сегодня непредвиденных затрат достаточно», – подумал Сергеевич, прикидывая, что профи-нищие в России имеют месячный доход больше, чем любой пенсионер, если только он не бывший крупный чиновник или генерал.

P. S. Через две недели Сергеевич, одеваясь, обронил перчатку, быстро наклонился и... история повторилась. Всё-таки к советам женщин иногда нужно прислушиваться. Вдобавок Сергеевич принял для себя важное «политическое» решение: монеты номиналом меньше десяти рублей не поднимать с пола в общественных местах. Если жизненные обстоятельства не изменятся...

Старый Оскол, Белгородская обл.

Новогодняя ёлка

Нарядили ёлку сами,
Быстро, весело с друзьями.
Есть на ней шары, хлопушки,
Дождь от пола до макушки.
Дождик этот серебрится,
По ветвям легко струится.
Ярко светятся гирлянды,
Пляшут юные таланты.
Улыбается нам ёлка,
Вся в зелёных иголках.
Малышам подружкой стала,
К ним прийти всегда мечтала!

Дед Мороз

Очень скоро к нам придёт
Долгожданный Новый год!
Будем петь задорно песни,
Что же может быть чудесней!
Дед Мороз, седой волшебник,
Скажет:
– Друг, оставь учебник.
В сказку смело поспеши,
Пой и смейся от души!
С нами станет в хоровод,
Всех возьмёт он в оборот.
Сочинит забавы ярки
И раздаст нам всем подарки!

Карнавал

Шумный школьный карнавал
Озорных ребят собрал.
Не узнать – костюмы, маски,
Все герои доброй сказки.
Нарядился я пиратом,
Не один, а вместе с братом.
Мы разбойники морские,
Правда, мы совсем не злые.
Звездочёт у нас Антон,
Плащ длиннющий, капюшон.
Смотрит важно в телескоп,
Всем составит гороскоп.
Королевой стала Снежной
Ева в шубке белоснежной.
Очень добрая она
И совсем не холодна.
А Никита Мушкетёром
Нарядился, очень рад.
Шляпа, плащ, глядит с задором –
Подошёл ему наряд!
Бабка-ёжка пляшет тоже
И на злоку не похожа.
Не желает есть ребят,
У Танюши добрый взгляд!
Веселятся дружно все,
Рады ёлочке-красе!

Всё наоборот

Что такое Новый год?
Всё у нас наоборот!
Вместо Стёпы пляшет мишка,
Косолапый он Топтыжка.
Соня стала вдруг лисой,
С длинным хвостиком, красой.
И Егор у нас другой –
Скачет зайка озорной.
Даже девочки-смешинки
Превратились вдруг в снежинки!
Малышей нам как узнать,
Возле ёлки отыскать?
По улыбкам на губах
И смешинкам в их глазах!

Наталья Шарапова

**Анапа,
Краснодарский край**

Ёлка

Повстречались в декабре
Кот и ёжик во дворе.
Крикнул ёж: «Здорово, кот!
Где встречаешь Новый год?»

Отвечал мохнатый зверь:
«Нет идей, мой друг, поверь!
Все базары обошёл,
Даже ель не приобрёл!

Не досталось мне конфет, –
Сетовал ежу сосед, –
Ни гирлянды, ни дождя...
Грустный праздник у меня!

У котят один вопрос:
“К нам приедет Дед Мороз?”
Что ответить малышам?
Я ответ не знаю сам!»

Покачал головкой ёж:
«Ель в лесу теперь найдёшь!
Зря на жизнь пеняешь, брат,
В этом сам ты виноват».

Кот упрёка не стерпел,
Стукнуть лапой захотел,
Ёж свернулся вмиг клубком,
И раздался громкий стон!

В тот же миг воспрянул кот:
«Есть идея! В Новый год
Мы тебя нарядим, ёж,
Ты на ёлку так похож!

Есть иголки у тебя,
Будет праздник у ребят!
Ты отказывать не смей!
Не лишай мечты детей!»

Ёж вздохнул: «Ну, коли так,
Ребятишкам я не враг,
Буду ёлкой, так и быть,
Потрудитесь нарядить!..»

Бьют куранты... во дворе
Ель сверкает в серебре!
Водят дети хоровод!
Смех! Веселье! Новый год!

Набирает он размах,
Угощение на столах:
Молоко, клубничный торт,
Мандарины – высший сорт!

Груши, яблоки, кокос...
Тут подъехал Дед Мороз,
Стал детишек поздравлять
Да подарки раздавать.

Ёж, увидев, не стерпел,
Бегать быстро он умел –
За подарком, видя цель,
Со всех ног пустилась «ель»!

Начался переполох!
Крики: «Ель сбежала! Ох!
Помогите!..» Плач детей:
«Ель верните поскорей!»

Тут сказала тихо «ель»:
«Подарите мне свирель!
Буду я на ней играть,
В праздник деток развлекать».

И тогда без лишних слов
Я на место встану вновь,
Стану ёлочкой опять!
Вы должны меня понять!

Дед Мороз доволен был,
Он ежа благодарил
И, вручив свирель, сказал:
«Лучше ёлки не встречал!»

Ёж был счастлив! Он герой!
«Ель» плясала с детворой!
Игры, шутки, песни, смех!
Новый год имел успех!

Вышел славный карнавал!
Все устали под финал!
Разошлись, и лишь потом
Стала ёлка вновь ежом.

Как разбойники вместе с лесным народом встречали Новый год

На полянке зимним утром,
По совету птицы мудрой,
Как-то раз под Новый год
Собрался лесной народ.

Обсуждали звери рьяно
Новогоднюю программу,
Праздник всеми стал любим,
И концерт необходим.

Говорили не смолкая,
Шутки, игры предлагая,
Ель в гирлянды нарядить:
Дед Мороз обязан быть!

Было множество вопросов,
Их решить не так-то просто,
В спорах не жалели сил,
И лесной народ решил:

Нарядить большую ёлку
Смогут белочки и волки!
Бусы будут из грибов,
Мишура – из корешков.

Чтобы ёлочка сверкала,
Всем сорока обещала
Огоньки, звезду достать
(Ей известно, где их взять).

Для потехи и веселья
Сделать маски, крылья феи,
Разукрасить уши, нос...
Будет счастлив Дед Мороз!

Любит дедушка забаву:
«Вот так номер, – скажет, – браво!
Замечательный сюрприз!...»
И попросит спеть на бис.

Пожелает в пляс пуститься,
И, быть может, так случится,
Не захочет уезжать,
Будет праздник вспоминать.

Не откладывая звери
Под торжественные трели
Стали кто стихи учить,
Кто костюм вечерний шить.

Как и водится, с рассветом
Замела полянку снегом
В праздник тётушка Метель,
В белый мех одела ель.

В модной шубке и сапожках
И в сверкающих серёжках
Встретила лесной народ
Ель-красотка в Новый год!

Но внезапно на полянку
(Кто в картузе, кто в ушанке...)
Вдруг злодеи ворвались
С громким криком: «Берегись!»

Тут уж звери растерялись.
Зайцы, белки испугались,
От злодеев – вот беда! –
Им не скрыться никуда.

А злодеи всех связали,
Пистолетом угрожали,
Усадив зверей под ель,
Донесли налёта цель:

«Признавайтесь, где подарки?
Нет – сдадим вас в зоопарки!
Что вам Дед Мороз принёс?
И не лейте лишних слёз.

Мы подарки тоже любим,
Хоть разбойники, а люди!
Кто согласен сам отдать?
Мы не будем долго ждать!»

Зычно каркнула ворона,
Тут же сев на ветку клёна:
«Вот смотрю я сверху вниз:
Вас, глупцов, не учит жизнь!

Пусть рискую головою,
Так и быть, секрет открою:
У зверей подарков нет,
Ни морковки, ни монет!

Все подарочки обычно
Дед Мороз вручает лично.
Но прибудет он в тот час,
Как пробьёт двенадцать раз».

Перебил злодей ворону:
«По разбойничьим законам
Должен я тебя поймать
И сурово наказать».

Тут злодей обойму вставил,
Пистолет второй наставил...
«Отвечай, да поскорей,
Не нервируй мне людей!

Мы всё слышали и знаем,
А теперь отнять желаем.
Вы готовили сюрприз!
Где спрятали тот приз?»

Лапки зайчики подняли
И от страха задрожали:
«Разрешите нам сказать,
Не приучены мы лгать.

Мы для Дедушки Мороза,
Как прибудет он с обозом,
Стих хотели рассказать!
В Новый год нельзя скушать!

Уберите пистолеты,
Здесь других подарков нету».
Закричал тогда злодей:
«Так читайте нам скорей!

Коли врёте, мы не спустим,
А понравится – отпустим!»
Перестав как лист дрожать,
Зайцы принялись читать!

И главарь заулыбался,
Стушевался, засмутился:
«Как прелестно!» – прошептал
И зайчишек развязал!..

Подала лисичка голос:
«Я пою! Лесная гордость!»
«Ну, так пой, – сказал злодей, –
Песню, что повеселей».

И звезда эстрады смело
Песню Тимати запела!
А злодей пошёл плясать,
Стал лисичке подпевать!

Звери хлопали в ладоши,
А разбойник помоложе
Спеть ещё раз попросил
И лисичку отпустил!..

Следом выскочили белки,
Предложив злодеям сделку:
«Чтобы время не терять,
Мы хотим вам станцевать!

И у нас весёлый танец! –
Появившийся румянец
Выдал белок с головой. –
Но взамен... уйдём домой!»

Тут злодей аж поперхнулся.
«Ну, пляшите», – усмехнулся.
Кувыркаясь и смеясь,
Белки враз пустились в пляс.

И разбойник у берёзы,
Позабыв про все угрозы,
Вместе с ними стал плясать,
А другой – рукоплескать.

Следом выступили волки:
Разодетые с иголки,
Исполняли блюз и джаз,
А на бис – собачий вальс.

Натянув смешные брюки,
Показал медведь им трюки:
Кувыркался, нож метал,
На одной ноге стоял!

Ну а ёжик – мастер слова –
Декламировал Крылова,
С выражением читал
«Слон и Моська» под финал.

Соловей сложил балладу,
А потом и серенаду
Под гитару спел в конце.
Вышел праздничный концерт!

И злодеи прослезились,
Все они давно не злились,
Восхищались: «Ты – артист!
Мелодичным был твой свист!»

Обещаний не забыли
И зверей освободили!..
А уж после, как сумел,
Сам главарь частушки спел!

Вышло весело, потешно...
Выступал весьма успешно!
Был ещё сплясать не прочь,
Да на лес спустилась ночь.

Главарю вдруг стало ясно,
Что он вёл себя ужасно!
Осознав, он загрустил
И, прощаясь, говорил:

«Вы простите нас, ребята,
Признаю, мы виноваты!
Угрожали, злились зря,
Так себя вести нельзя!

Трудно нам в лесу живётся,
Вот наружу злость и рвётся,
Чуть вам праздник Новый год
Не испортил мой народ.

Плохо нас не вспоминайте,
Нам домой пора, прощайте!
За концерт спасибо вам,
Излечил он много ран!»

А ворона вдруг вздохнула,
Всем лукаво подмигнула
И прокаркала: «Что нить?
Жизнь вам надо изменить!

Вы сегодня не стесняйтесь,
На полянке оставайтесь,
Мы сейчас съедим десерт
И продолжим наш концерт.

Будет весело, чудесно,
И смешно, и интересно!
Чем в лесу сидеть, хандрить,
Лучше хоровод водить!..»

И разбойники остались.
Целый вечер развлекались:
За шараду взяли приз –
Это был для них сюрприз.

Наряжались ради шутки,
Распевали прибаутки,
Прыгали в больших мешках
И добрели на глазах...

Им играли музыканты.
А пробили лишь куранты –
Появился Дед Мороз,
Ну а с ним подарков воз!

Дед, подарки раздавая,
Счастья и добра желая,
Обещал, что вновь придёт
К ним на праздник в Новый год.

И веселье продолжалось,
Звёзды в пляс пошли, казалось.
На полянке до утра
Всюду слышалось «Ура!..»

«Поздравляем с Новым годом!»
А потом под небосводом
Даже свет луны померк,
Вспыхнул яркий фейерверк!

Приключение снежинки

На маленькой тучке снежинка жила,
Не зная забот, терпеливо ждала,
Когда же момент подходящий придёт
И можно отправиться будет в полёт.

Смотрела на город, на лес с высоты
И думала, как воплотить ей мечты.
Снежинка мечтала на ёлку упасть,
Хотелось ей к детям на праздник попасть.

О нём добрый ветер рассказывал ей:
«Там музыка, танцы и много огней!
Таит он немало приятных забот,
А праздник зовётся людьми Новый год!»

И вот как-то раз сильный ветер подул,
Однажды над лесом снежинку он сдул.
Она приземлиться на ёлку смогла,
От этого просто в восторге была!

Пушистую ёлку на праздник везли,
Снежинка увидела звёзды вдали,
С улыбкой подумала: «В этом году
Я непременно на бал попаду!»

Иллюстрация А. А. Дьяченко

Но с ёлочки, прежде чем в зал занести,
Решили снежинки стряхнуть по пути.
Снежинка внезапно взлетела, кружась,
Как будто её пригласили на вальс...

Мгновенно развеялись грёзы как дым,
Сиреневый куст оказался родным,
Он рос под окном, где собрался народ
Плясать, веселиться, встречать Новый год!

Сменив на кустарник привычный уют,
Снежинка прислушалась: дети поют!
«Я что, так и буду на ветке сидеть?» –
Забравшись повыше, смогла разглядеть:

Знакомая ёлочка в центре стоит,
Её нарядили, огнями горит!
Повесив гирлянды, украсили зал,
Казалось, что зал состоит из зеркал!..

Снежинка вздохнула: «Мне помощь нужна!
На праздник чудесный попасть я должна!
Как дети танцуют, увидеть хочу!
Самой не добраться мне, не долечу!»

И тотчас придумала: «Эй, ветерок, –
Сказала снежинка, – поможешь, дружок?
Подуй на меня! Но не сильно, слегка!
Весь праздник не виден мне издалека!»

Ей ветер в ответ: «Не хотел говорить,
Да только обязан я предупредить:
Ты можешь растаять! Послушай, смирись,
Отсюда любуйся на праздник. Не злись!»

Снежинка взялась убеждать: «Ерунда!
Там так интересно! Хочу я туда!..»
И ветер подул. Закружилась она
И приземлиться смогла у окна.

Прильнула к окошку: зал полон людей!
В костюме из шёлка танцует злодей,
Лиса пляшет с мышкой, а волк – с комаром,
Стоят угощения – торт с пирогом...

Кто стих читает да песню споёт –
Подарок тому Дед Мороз выдаёт!
Смотрела она на детей сквозь стекло
И думала: «Как детворе повезло!

Вот праздник так праздник! Веселье царит,
Раскатистый смех беззаботно летит!
Так хочется вместе с детьми поплясать!
Я тоже умею, кружась, танцевать!..»

И снова окликнула ветер: «Дружок,
Подуй, помоги мне в последний разок!»
В ответ прошуршал ветерок: «Не пушу,
Растаешь – себя никогда не прошу!»

Однако снежинка смогла убедить:
«Я близко не буду к огню подходить!»
И ветер смягчился, сказав ей: «Вперёд!»
Подул и отправил снежинку в полёт.

Она закружилась изящно, легко...
И ловко упала на шляпу Пьеро,
Он в это мгновение в зал заходил,
Костюм показать ребятишкам спешил.

«Какая удача! На празднике я! –
Снежинка смеялась, не помня себя. –
Я с детками буду водить хоровод!
Так вот что такое – встречать Новый год!»

Но шляпу Пьеро неожиданно снял,
От ужаса ветер завыл, застонал...
Снежинка, слетев, приземлилась у ног,
Мгновенно растаяв... Ужасный итог!

А праздник, набрав обороты, гремел,
Детишки резвились: кто прыгал, кто пел,
Звенели повсюду детей голоса!
Показывал сам Дед Мороз чудеса!..

На ветке лишь ветер безмерно грустил:
Он очень снежинку-малышку любил,
Ему было жаль, что случилась беда,
Что больше не встретит её никогда...

А капля лежала одна на полу,
Мечтала: «Я стану порхать на балу!
На будущий год я снежинкой опять
Сюда проберусь и смогу поплясать...»

Смогла ли она через год прилететь?
Не знает никто – ни лиса, ни медведь...
Но сказывал филин: был вновь карнавал,
С какой-то снежинкой Дед лихо плясал...

Международный детский литературный клуб «Озарёнок»

Страницу ведёт Н. П. Гаврикова, руководитель МДЛК «Озарёнок»

Дорогие наши читатели, поздравляю всех с Новым 2019 годом! Пусть начавшийся год сотрёт из памяти огорчения и неудачи, но преумножит накопленные благополучие и успех. Пусть этот год станет годом грандиозных встреч и фантастических начинаний, годом рождения мечты, которая непременно исполнится!

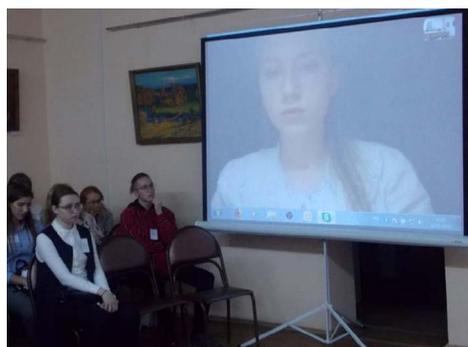
Награждение участников II Международного конкурса-фестиваля художников, писателей и журналистов «Образ Крыма»

Исполнительный директор литературно-художественного конкурса-фестиваля «Образ Крыма» Наталья Иванова, находясь в Вологде на Беловских чтениях, вручила диплом и приз обладателю Гран-при среди молодых авторов II Международного конкурса-фестиваля

художников, писателей и журналистов «Образ Крыма» Елизавете Кряквиной из города Сокол Вологодской области. Передала наградную материал для Анастасии Нестеровой через члена экспертного жюри, куратора молодых писателей Союза писателей России Андрея Тимофеева, который в ноябре поедет в Уфу на IV Всероссийский детский конкурс «Таланты Башкортостана» и

лично встретится с Анастасией. Почётную грамоту от Академии российской литературы и благодарственное письмо конкурса-фестиваля «Образ Крыма» для действительного члена АРЛ, руководителя Международного детского литературного клуба «Озарёнок» Нине Павловне Гавриковой в г. Сокол передала через маму Лизы. А также передала дипломы и награды для Дарьи Головкиной в Сыктывкар, занявшей 2-е место, и обладателям спецпризов – Ксении Бурлак в Нижний Новгород и Евгению Позднякову в Хабаровск.

Третий литературный семинар молодых авторов на V всероссийских Беловских чтениях «Белов. Вологда. Россия»

Завершил работу Третий литературный семинар молодых авторов, организованный в рамках Беловских чтений. Начинающие авторы отправили на конкурс более 50 работ. Члены жюри определили 20 лучших произведений в двух возрастных категориях в номинациях «Поэзия» и «Проза». Обсуждение текстов продолжалось два дня.

«Интересные, талантливые, многообещающие...» – так охарактеризовал участников семинара председатель жюри литературного семинара писатель Дмитрий Ермаков.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ФИНАЛИСТОВ СЕМИНАРА!

Категория 15–17 лет – **Анастасия Нестерова**
Категория 18–35 лет – **Евгений Поздняков**

Наталья Мелёхина

член жюри семинара молодых авторов

Закончился второй день литературного семинара на Беловских чтениях, старшая группа молодых авторов. Как показалось мне лично, самые интересные произведения среди поэтов представили **Наталья Усанова** (Зеленоградск) и **Ольга Харитонова** (Омск). А среди прозаиков – **Евгений Поздняков** (Хабаровск).

Для примера приведу два стиха. Вот самолётик от Наташи Усановой:

Опять надо мной поднимаясь, гудит самолёт,
Готовый вот-вот превратиться в чуть видимый крестик.
Мне страшно представить: а вдруг он сейчас упадёт?
Что сделаю я? Стану охать и мяться на месте?

Пока он выводит на небе крутую дугу,
Пока пассажиры молчат про далёкие страны,
Упрямо держу его взглядом, как будто смогу
Подставить ладонь, если что-то пойдёт не по плану...

А вот Ольга Харитонова «критичит» нам из Омска:

Я живу в трёх сутках от столицы,
В часе езды от центра города,
В четырёх домах от остановки,
В дальней комнате

от входной двери,

В дальнем углу

от входа в комнату.

От того мне так яростно хочется
Быть первой в строю,
От того я так дерзко пою,
Всех перекрикивая.

Из рассказов Евгения Позднякова особенно мне понравился текст «Краски», где речь идёт о некоем фантастически (и вполне реалистически!) закомплексованном тоталитарном обществе,

где так страшно демонстрировать свой истинный цвет и важно быть серым, как и все остальные.

С Натальей, Евгением и Ольгой мы общались онлайн по скайпу. Прыгали через часовые пояса, как дети через скакалку. ☺

Семинар в Вологде начинался около 2 часов дня. У Евгения в Хабаровске на момент связи (около 16 часов в Вологде) был 21 час 10 минут вечера, у Ольги в Омске – около 19 часов, а между Зеленоградском и Вологодой разница в один час.

Пятые юбилейные Беловские чтения торжественно открылись в Вологде

Беловские чтения сегодня – научно-просветительский литературный форум всероссийского масштаба, объединяющий широкие круги читателей творчества Василия Белова. Как всегда, почётным гостем мероприятия стала супруга писателя Ольга Белова, по традиции отмечающая день рождения мужа в Вологде. Она поделилась мнением о литературном наследии Василия Ивановича: *«Белов изобразил деревню не потому, что хорошо видел её из окна, не потому, что отлично знал её изнутри. Он изобразил её метафизически: во времени и пространстве. Он, как никто, воспел русского мужика».*

Наталья Иванова (Жарина)

Посвящение писателю Василию Белову

Вологодский земляк мой! Василий Белов...
Город Харовск – корней перевитие.
Мне не хватит эмоций и праведных слов
Описать это наше событие.

Русский Север богат мудрой солью речей:
Вологодское кружево – тонкое!
Глубиною озёрной прозрачность очей.
Эхо Севера – дальнее, звонкое.

Деревенский поэт, воспевающий Русь,
Над Тимонихой зори румяные.
Красоту этих мест перепеть не берусь
И полей ароматы духмяные.

Погружаюсь в стихи. Остужает накал
Мой земляк и отец риторический.
Вологодский Пегас высоко ускакал
На Олимп и Парнас поэтический.

Посвящение великому русскому поэту и прозаику, земляку моей бабушки родом из Харовска. Написано в поезде Москва – Вологда в ночь с 21 на 22 октября 2018 года, по дороге на V всероссийские Беловские чтения и накануне дня рождения В. И. Белова. Рукописный текст этого стихотворения я подарила вдове писателя Ольге Сергеевне 23 октября на торжественном открытии Беловских чтений в областной научной библиотеке Вологды вместе с книжечкой своих стихов «Чёрным по белому» и сборником «Литературный мост Сергиев Посад – Москва – Ялта». Милейшая Ольга Сергеевна проживала со мной на одном этаже в гостинице «Спаская» в Вологде и приглашала в родовой дом её мужа Василия Белова в Тимониху Харовского района, дескать сам Бог велел мне туда съездить. К сожалению, поездка в деревню, к мемориальному дому В. И. Белова, была запланирована на 24 октября, а у нас уже были взяты билеты на поезд на 23 октября в ночь. Значит, вернусь ещё в Вологду и в Тимониху съезжу, может быть, даже посету родину моих предков – город Харовск.

Нина Гаврикова

«Играй, гармонь!» в «Новом Источнике»

Вологодская область в очередной раз радушно приветствовала ансамбль «Частушка», созданный Геннадием Заволокиным, и гостеприимно предоставила место для съёмок любимой телепередачи «Играй, гармонь!». Анастасия и Захар Заволокины и прославленный коллектив ансамбля побывали в доме писателя Анатолия Ехалова и в музее «Семенково», дали концерты в Вологде, Череповце и в концертном зале санатория «Новый Источник». Завершающее выступление было организовано главой Вологодского муниципального района Сергеем Жестянниковым в честь Дня пожилых людей.

Зал заполнили не только представители ветеранских организаций, но и отдыхающие, проходившие лечение в «Новом Источнике». Накануне в санатории был организован концерт самодеятельных артистов, и ведущая Н. А. Телблоева провела опрос-викторину между зрителями по знанию родословной Заволокиных, времени образования ансамбля «Частушка» и телепередачи «Играй, гармонь!». Правильно ответившим счастливым Наталье Анатольевне вручила билеты и выступавших на сцене «артистов» поощрила билетами на бесплатный концерт.

«Далеко за окоёмом речка Ёма, за полями, за лесами палисадник...» – концерт начался словами из стихотворения вологодского поэта Сергея Чухина. Анастасия Заволокина призналась, что на эти стихи уже написана музыка, песня пока не совсем готова, но в телепередаче «Играй, гармонь!» обязательно прозвучит. Участники ансамбля были рады увидеть реку Ёму, протекающую недалеко от санатория, воочию.

Концерт шёл больше двух часов. Зрители радовались и грустили вместе с участниками ансамбля и с замиранием сердца слушали песни в исполнении Анастасии и Захара Заволокиных. А под весёлый наигрыш гармони весело приплясывали на местах.

Участники ансамбля – большие виртуозы: в тот вечер со сцены звучали не только гармошки, но и балалайки, и гитара, в умелых руках и обычная пила мелодично пела. Но главным инструментом всё же была гармонь Геннадия Заволокина, чудом уцелевшая в багажнике покорёженной машины. Если бы не авария, то в этом году Геннадий Заволокин отметил бы своё семидесятилетие.

Дети – патриоты своей Родины – продолжают начатое Геннадием Дмитриевичем дело, а это значит, что живы на Руси русские традиции, звучат гармошки, частушки, ходят пляски! Неиссякаемая энергия! Душа народа поёт, поддерживает известных артистов. Подтверждением тому слова песни: «Я – деревня, я – село, наше время не пришло». Хочется верить, что

вернёмся мы из городов и мегаполисов на родные земли. Не зря же многие в зале подхватили песню на стихи Николая Рубцова «В этой деревне огни не погашены».

В завершение концерта глава района вручил артистам цветы и подарки – продукцию вологодских фермеров, сказав, что именно наши русские песни и надо слушать, и попросил ещё раз исполнить песню про село.

Зал аплодировал стоя!

А я передала в дар Анастасии и Захару Заволокиным свои авторские книги «Эхо памяти» и «Зима седая с возрастом созвучна», попросив дать автограф на память о встрече, что Захар Заволокин и сделал с большим удовольствием.

На представленном фото – Наталья Телблоева и Захар Заволокин.

Популярные книжные новинки

Владимир Волкович
www.knigi-market.ru

**КНИГА ПЕРВАЯ.
ГЛУБИННЫЙ
РАЗЛОМ**

**КНИГА ВТОРАЯ.
НА ПЕРЕКРЁСТКАХ
ДВАДЦАТОГО ВЕКА**

18+
Союз писателей
ААУ
**Побеги
дерева Византийского**

М. З. ЛАВЕЛ 16+

**ПРОБУЖДЕНИЕ
ПЕТИ
САВИНА**

**ПРОБУЖДЕНИЕ
ПЕТИ
САВИНА**

www.knigi-market.ru

Союз писателей
ААУ

**СТРАЖИ
ПАНДЕМОНИУМА** 16+

**СТРАЖИ
ПАНДЕМОНИУМА**

ФЭНТЕЗИ

**СЬЮЗЕН
ДА СИЛЬВА**

www.knigi-market.ru

Союз писателей
ААУ

МАРИНА СЛИВКО

Союз писателей
ААУ

Нереальность

реальность

МАРИНА СЛИВКО

НЕРЕАЛЬНОСТЬ

Фантастика, фэнтези
и просто нереальные рассказы

18+

18+ ФАНТАСТИКА, ФЭНТЕЗИ и
ПРОСТО НЕРЕАЛЬНЫЕ РАССКАЗЫ

#КНИГА

Интернет-магазин
современной литературы

knigi-market.ru

Журнал в социальных сетях

